РУССКАЯ
КРИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
О ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ
Н. В. ГОГОЛЯ.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ КРИТИКО-
БИБЛІОГРАФИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ.

Часть третья.

СОБРАЛЪ
В. Зелинскій.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

МОСКВА.
Типографія Вильде. Малая Кисловка,-соб. домъ.
1907.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Критика сороковыхъ годовъ.

Стр.

Сочиненія Николая Гоголя. Четыре тома Спб. 1842 г.—Критическая статья В. Бѣлинскаго. 1

Голосъ изъ провинціи о поэмѣ Гоголя „Мертвыя Души“.—Критическая статья Н. М. изъ „Отечественныхъ Записокъ“ за 1843 г. 10

Сочиненія Николая Гоголя. Четыре тома.

Критическія статьи:

Изъ „Литературной Газеты“ за 1843 г. 44
„ „Библіотеки для Чтенія“ за 1843 г. 55
„ „Современника“ за 1843 г. 62
„ „Москвитянина“ за 1845 г. Статья К. (И. В. Кирѣевскаго) 64
„ „Современника“ за 1846 г. Статья Грабовскаго 65
„ „Сѣверной Пчелы“. Статья барона Розена. 74
„ „Отечественныхъ Записокъ“ за 1846 г.... 82

Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями Гоголя.

Критическія статьи:

В. Бѣлинскаго. Изъ „Современника“ за 1846 г. 83
Изъ „Финскаго Вѣстника“ за 1847 г.......... 112
„ „Отечественныхъ Записокъ“ за 1847 г.... 118

„Мертвыя Души“. Поэма Гоголя.

Критическія статьи: *Стр.*

В. Бѣлинскаго. Изъ „Современника“ за 1847 г. 121

Изъ „Отечественныхъ Записокъ“ за 1847 г. (Статья А. Д. Галахова)................. 125

„ „Московскаго Городского Листка“ за 1847 г. (По поводу мнѣній о новой книгѣ Гоголя). 135

Гоголь и его послѣдняя книга. („Выбранныя мѣста...“).

Критическія статьи:

Изъ „Московскаго Городского Листка“ за 1847 г. Статья А. Г........................ 137

Статья кн. П. Вяземскаго: „Языковъ-Гоголь“. Изъ С. Петербургскихъ Вѣдомостей за 1847 г. 143

Статья Ѳ. Булгарина. Изъ „Сѣверной Пчелы“ за 1847 годъ.......................... 161

Изъ „Сѣверной Пчелы“ за 1847 г. Статья Я.Я.Я. (Л. Бранта)........................ 166

„ „Сѣверной Пчелы“ за 1847 г. Статья Вр. Иск. 192

Письмо къ „Москвитянину“ отъ барона Розена. Изъ „Сына Отечества“ за 1848 г. 203

Ревизоръ на сценѣ Пермскаго театра. Изъ „Москвитянина“ за 1851 г. Статья Е. Верх—скаго. 217

„О значеніи Гоголя въ русской словесности“. Статья И. И. Давыдова. Изъ „Извѣстій Имп. Академіи Наукъ“.......................... 223

„Замѣтки для біографіи Гоголя“. Изъ „Современника“ за 1852 г. Статья В. Г—скаго (В. П. Гаевскаго)....................... 238

Алфавитный указатель именъ предметовъ, относящихся къ литературѣ. (Въ началѣ книги). V

Алфавитный указатель

именъ и предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ литературѣ.

Али-Паша Янинскій. 192.
„Арабески". 56, 62, 63, 169, 244, 245.
Аристотель. 13, 14.
Аріостъ. 186.
Батюшковъ. 168, 185, 186.
Байронъ. 31, 60, 171.
Бетховенъ. 34.
„Библіотека для Чтенія". 21, 55—62.
Биргеръ. 77.
Бодмеръ. 77.
Брамбеусъ. 37.
Брантъ, Л. 166—192.
Брюловъ. 34.
Булгаринъ. 103, 108, 161—166, 189, 197, 208, 209.
Бюффонъ. 37.
Бѣлинскій, В. 1—10, 75, 83—112, 121—125, 208.
Вальтеръ-Скоттъ. 37, 63.
Веневитиновъ. 220.
Верх—скій, Е. 217—223.
„Вечера на хуторѣ близъ Диканьки". 2, 3, 11, 44, 55, 61, 62, 109, 165, 169, 203, 228, 237, 245, 246.
„Вечеръ наканунѣ Ивана Купалы". 246.
Виргилій. 204.
Віардо, Луи. 239.
„Вій". 3, 44.
Вольфъ. 89, 90, 213.
Вяземскій, кн. 35, 143—166, 192—203.
„Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями". 83—121, 129, 137, 138, 151, 165—192, 195, 232, 241, 243.
Гавриловъ. 204, 211, 214—217.
Гаевскій, В. П. 238—247.
Галаховъ, А. Д. 125 135.
Гверра. 181.
Гезіодъ. 230.
„Гелимеръ", бар. Розена. 214—216.
„Германъ и Доротея", Гёте. 77.
Гете. 2, 15, 75, 77, 89, 90, 171, 204, 236.
„Гетманъ", 244.
Гнѣдичъ, Н. 79, 82, 102.
„Гоголь и его послѣдняя книга". 137—143.
„Гоголь, какъ художникъ и мыслитель, и натуральная школа". 143.
Гольбейнъ. 145, 162.
Гомеръ. 14, 74, 76—81, 101, 203, 206, 211, 214, 226, 230, 236, 238.
Горацій. 31, 81, 204.
„Горе отъ Ума", Грибоѣдова. 20, 175, 235.
Гофманъ. 235.
Грабовскій, М. 65—74.
Гречъ. 205.
Грибоѣдовъ. 146, 164, 175, 185, 187, 221, 232, 235.
Губеръ, Э. 140.
Гюго, В. 13, 16.
Давыдовъ, И. И. 223—238.
Дантъ. 171, 230.
Деклеръ. 223.
Дельвигъ, бар. 79, 246.
Державинъ. 94, 95, 164, 168, 175, 185, 232.
Дидеротъ. 157.

Диккенсъ. 59, 60, 235.
„Diary“, Диккенса. 60.
Дмитріевъ. 164, 185.
„Донъ-Жуанъ“, Байрона. 31.
„Донъ-Кихотъ“, Сервантеса. 59.
Дюръ. 61.
„Евгеній Онѣгинъ“, Пушкина. 20, 235.
Екатерина Великая. 111.
„Ералашъ“, Неваховича. 176.
Жанъ-Поль. 13, 14, 34, 37.
„Женитьба“. 4, 51, 58, 61, 220.
„Женщина“. 245.
„Женщина въ свѣтѣ“. 159, 177, 198.
Жуковскій. 18, 74, 78, 79, 81, 82, 89, 100—102, 120, 122, 164, 168, 178—180, 185—187, 199, 201, 204, 206, 231, 232, 236, 243, 247.
„Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“. 246.
Загоскинъ. 131.
Зандъ, Ж. 73.
„Замѣтки для біографіи Гоголя“, статья В. Гаевскаго. 238—247.
„Записки Пиквикскаго клуба“, Диккенса. 59.
„Записки Сумасшедшаго“. 4, 44.
Ивановъ, А. И. 185, 241.
„Иванъ Выжигинъ“ 11, 64.
„Игроки“. 51, 220.
„Извѣстія Имп. Академіи Наукъ“. 223.
„Иліада“, Гомера. 32, 76, 77, 79, 82, 102, 213, 226.
Іорданъ, Ѳ. И. 86, 175, 203, 241.
„Капитанская Дочка“, Пушкина. 98.
Карамзинъ. 97, 163, 164, 167, 168, 175, 176, 201, 232, 236.
Квинтиліанъ. 35.
Кирѣевскій, И. В. 64.
„Ключъ къ Таинствамъ Натуры“, Эккартсгаузена. 18.
„Коляска“. 4, 44.
Кольцовъ. 146.
Котляревскій. 55.
Коцебу. 204.
Крыловъ. 81, 111, 175, 185, 222.
Кулишъ, П. А. 66.
„Лакейская“. 6.
Левашевъ. 223.
Лежаръ. 181.
Лермонтовъ. 75, 146, 167, 185—187.
„Литературная Газета“. 44—54, 140, 244—246.
Ломоносовъ. 175, 185, 232.
Лонгинъ. 43, 214.
„Людмила“, Жуковскаго. 18.
„Мадонна“, Рафаэля. 230.
Максимовъ. 223.
Марлинскій. 37.
Мартыновъ. 43.
„Мертвыя Души“. 1—44, 58, 59, 61, 63, 64, 66, 74, 77, 81—83, 91, 103—108, 110, 120—135, 138, 145, 147, 149, 151, 160, 162, 170, 171, 175, 176, 181, 182, 184, 188—191, 196, 197, 217, 221, 227, 233.
„Мессіада“, Клопштока. 16.
Микель-Анджело. 230.
Миллеръ, Отфридъ. 214.
„Миргородъ“. 3, 11, 44, 56, 63, 169, 203.
Мицкевичъ. 60.
„Могила Пушкина“, бар. Розена. 216.
Мольеръ. 60.
„Москвитянинъ“. 64, 65, 203—217.
„Московскія Вѣдомости“. 74, 178, 205—207.
Московскій Городской Листокъ“. 135—143.
„Московскій Вѣстникъ“. 209.
„Московскій Сборникъ“. 210.
„Московскій Телеграфъ“. 168.

Надежина. 222.
„Наль и Дамаянти“. 82.
Наполеонъ. 71, 170, 216.
Неваховичъ. 176.
„Невскій Проспектъ“. 4, 44, 63, 68.
„Недоросль“, Фонвизина. 37, 175.
„Носъ“. 4, 44, 68.
„Нѣсколько словъ о значеніи Гоголя въ русской литературѣ“, статья И. В. Кирѣевскаго. 64, 65.
„Нѣсколько мыслей о преподаваніи дѣтямъ географіи“. 245.
„**О**бъ обязанностяхъ человѣка“, Сильвіо Пеллико. 158.
„Объ Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ“. 74, 89, 101, 117, 120, 122, 156, 159, 178, 199, 205, 207, 214.
„О Высокомъ“, Лонгина. 43.
„Одиссея“, Гомера. 74, 76—82, 89, 101, 102, 117, 120, 122, 156, 159, 178, 179, 199, 200, 204, 206, 214, 226.
Озеровъ. 168.
„О значеніи болѣзней“. 178, 198.
„О значеніи Гоголя въ русской словесности“, статья И. И. Давыдова. 223—238.
„О Карамзинѣ“. 200.
„О лиризмѣ нашихъ поэтовъ“. 159, 180, 200.
„О нашей церкви и духовенствѣ“. 159, 180, 200.
„О помощи бѣднымъ“. 178, 199.
Орловъ. 64.
„О существѣ Русской поэзіи и ея особенности“. 185.
„Отвѣты“, Шевырева. 206, 208.
„О театрѣ, объ одностороннемъ взглядѣ на театръ и вообще объ односторонности“. 201.
„Отечественныя Записки“. 1, 2, 10—43, 82, 83, 118—121, 125—135, 208, 238, 242, 244, 246, 247.
„О томъ, что такое слово“. 178, 199.
„Отрывокъ“. 6.
Пармантье. 175.
Парни. 186.
Паскъ. 72.
Петрарка. 186.
Петръ Великій. 88, 110.
Пиго-Лебрёнъ. 1, 2, 163.
„Письма объ эстетическомъ воспитаніи“, Шиллера. 15.
„Письма по поводу „Мертвыхъ Душъ“. 189, 190.
„Письмо къ Москвитянину отъ барона Розена“. 203—217.
Платонъ. 13, 142.
Плетневъ 100, 200, 205, 243.
„Пляска Мертвецовъ“, Гольбейна. 145.
„Плѣнникъ“. 244.
„Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“. 4, 44.
Погодинъ. 97, 201.
„Подснѣжникъ“. 168.
„Подсолнечникъ“ 168.
Полевой, Н. А. 103, 108, 189, 197, 208.
Поль-де-Кокъ. 1, 2, 10, 64, 108, 163, 197.
„Портретъ“. 4, 44, 51, 68.
„Предметы для лирическаго поэта въ нынѣшнее время“. 181.
„Преображеніе Господне“, Рафаэля. 85, 86.
„Просвѣщеніе“. 117.
„Прощальная Повѣсть“. 84, 174.
Пушкинъ. 26, 37, 62, 81, 94, 98, 106, 107, 112, 120, 121, 144, 146, 154, 158, 164, 167, 168, 176, 181, 185, 187, 190, 196, 197, 201, 205, 207, 216, 217, 231, 232, 235, 236, 243.

Рафаэль. 34, 85, 230.
„Ревизоръ". 4 — 6, 11, 35—37, 51, 60, 61, 77, 109, 123, 128, 144, 147, 151, 162, 164, 169, 175, 217—223, 227, 231.
„Ревизоръ" на сценѣ Пермскаго театра", ст. Е. Верх—скаго". 217—223.
„Репертуаръ". 21.
„Римскія Письма". 210.
„Римъ". 4, 68.
Рихтеръ, Ж. П. 235.
Розенъ, бар. 74—82, 203—217.
Романовская. 222.
„Русскій Помѣщикъ". 156.
Рязанцевъ. 5.
Садовскій. 223.
„Свѣтлое Воскресенье". 159.
„Сельскій судъ и расправа". 156.
Сеньковскій. 103, 108, 189, 197.
Сервантесъ. 59.
Сильвіо Пеллико. 158.
„Современникъ". 62—65, 74, 83, 100, 112, 121, 178, 200, 205, 207, 208, 238, 246, 247.
„Совѣты". 177, 182.
Соколовъ. 217, 218, 220—222.
Сократъ. 127.
Сосницкій. 221, 222.
Софоклъ. 236.
„С.-Петербургскія Вѣдомости". 140, 143, 162, 163, 166, 192.
„Споры". 200.
Ставассеръ. 242.
„Старосвѣтскіе Помѣщики". 4, 44, 57, 63, 66, 69, 74, 228, 240.
„Страшный Кабанъ". 244, 246.
„Страшный Судъ", Микель-Анджело. 230.
„Сынъ Отечества". 203, 210, 246.
„Сѣверная Пчела". 1, 2, 21, 74, 161, 163—166, 175, 177, 183, 184, 191—203, 205, 208, 214.
„Сѣверные Цвѣты". 168, 244, 245
„**Т**арасъ Бульба". 3, 44, 57, 63, 67, 69, 70, 73, 228, 237.
Тассъ. 16, 186.
Тацитъ. 203, 235.
„Театральный разъѣздъ". 6, 51, 60—63, 231.
Теньеръ. 225.
„Троилъ и Крессида", Шекспира. 213.
„Тяжба". 6, 220.
„**У**ндина", Жуковскаго. 82.
„Успѣхъ посольства". 246.
„Учитель". 244, 246.
„**Ф**аустъ", Гёте. 2.
„Финскій Вѣстникъ". 112—117.
„Фонвизинъ". 37, 63, 111, 175, 185, 232, 235.
Фоссъ. 77.
Херасковъ. 168.
Храповицкій. 94.
„Христіанинъ идетъ впередъ". 117, 159, 200.
Цицеронъ. 35, 211, 212.
„Цыгане", Пушкина. 26.
„**Ч**ерная Маска", бар. Розена. 209.
„Чтенія русскихъ поэтовъ передъ публикой". 178, 199.
Шевыревъ. 204, 206, 208—214.
Шекспиръ. 8, 32, 64, 171, 213, 226, 230, 236, 238.
Шиллеръ. 15, 38.
„Шинель". 4, 44, 61, 67, 68, 71.
Шишковъ. 134.
Шлегель. 77.
Штальбергъ. 77.
Щепкинъ. 5, 51, 221, 222.
Эккартсгаузенъ. 18.
„Эстетика", Жанъ-Поля. 14, 37.
Ювеналъ. 235.
„Юнговы Ночи". 18.
Языковъ, Н. М. 143, 181, 193, 194.
„Языковъ-Гоголь", кн. П. Вяземскаго. 143—161.

КРИТИКА СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ.

*) **Сочиненія Николая Гоголя**. Четыре тома. Спб. 1842.

Въ литературномъ отношеніи, нельзя было блистательнѣе заключиться старому году и начаться новому, какъ выходомъ сочиненій Гоголя. Дай Богъ, чтобъ это было счастливымъ предзнаменованіемъ для новаго года—чтобъ мы увидѣли въ теченіе его не однѣ тетрадки и выпуски съ картинками, не однѣ сказки, досужею посредственностью изготовляемыя во множествѣ по заказу литературныхъ антрепренеровъ!.. Намъ нѣтъ никакой нужды говорить о томъ, что содержатъ въ себѣ эти четыре тома: публика уже знаетъ это сама—четыре тома уже прочтены ею, по крайней мѣрѣ, въ обѣихъ нашихъ столицахъ, если еще не успѣли они проникнуть въ глушь провинцій. И такъ, исторія „Мертвыхъ Душъ" готова повториться: публика читаетъ, журналы въ хлопотахъ, особенно тѣ, которымъ такъ не по-сердцу произведенія Гоголя... ихъ успѣхъ, хотѣли мы сказать. „Сѣверная Пчела" уже подала голосъ, но она хвалитъ Гоголя (№ 18): „Мы думаемъ,—говоритъ она—„что для г. Гоголя вовсе не будетъ униженіемъ, когда мы его поставимъ на одну доску съ Поль-де-Кокомъ и Пиго-Лебрёномъ, писателями талантливыми, но не имѣвшими претензій на поэзію и философію". Увы! мы, съ своей стороны, не можемъ поставить автора этихъ строкъ на одну доску ни съ Поль-де-Кокомъ ни съ Пиго-Лебрёномъ,—именно потому, что они писатели талантливые, хотя и не имѣвшіе притязанія на поэзію и философію... А „Сѣверная Пчела"—надо отдать ей въ этомъ честь,—не имѣя

*) В. Бѣлинскій. „Отечественныя Записки" 1843 г., № 2, т. 26.

притязаній ни на талантъ ни на поэзію, сильно претендуетъ на философію, особенно когда хлопочетъ объ участи не читаемыхъ ею, по ея словамъ, „Отеч. Записокъ“: вотъ и теперь она трунитъ, сколько хватаетъ ея остроумія, какъ надъ образцомъ нелѣпости и безсмыслія, надъ этимъ стихомъ Гёте изъ второй части его „Фауста“: In deinem Nichts hoff ich All zu finden. Ну, ужъ, конечно, если эта газета можетъ въ „Фаустѣ“ Гёте находить безсмыслицы и нелѣпицы, то что же для нея произведенія Гоголя, что его поэзія и философія: довольно съ него и того, если газета поставитъ его на одну доску съ Поль-де-Кокомъ и Пиго-Лебрёномъ... Жаль, что Гоголь никогда не узнаетъ объ этомъ „производствѣ“, и поэтому не будетъ имѣть возможности поблагодарить „Сѣверную Пчелу“... свойственнымъ ему образомъ.

Но пора отвернуться хоть на время отъ шумнаго рынка этой литературы; наше вниманіе зоветъ теперь къ себѣ то, что составляетъ въ настоящую минуту гордость и честь русской литературы—четыре тома сочиненій Гоголя... „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“, которыми началось поэтическое поприще Гоголя, и которые теперь въ третій разъ выходятъ въ свѣтъ, оставлены авторомъ безъ всякихъ измѣненій. Такъ и должно было быть: порожденія легкой, свѣтлой, юношеской фантазіи, веселыя пѣсни на пиру еще неизвѣданной жизни, они не могли подвергнуться измѣненіямъ поэта, который уже давно смотритъ на жизнь взоромъ глубокимъ, пронзительнымъ и грустно-важнымъ. Для самого поэта, эти образы, свѣтлые, какъ майская ночь его Малороссіи, радостные, какъ звучный смѣхъ его Оксаны, шаловливые, какъ затѣи неугомонныхъ парубковъ, товарищей удалого Левко, сладостно-задумчивые, какъ свѣтлоокая панночка - утопленница, добродушно - насмѣшливые, какъ вѣчно веселая юность,—всѣ эти образы навсегда остались милы поэту, какъ первый поцѣлуй любви, какъ шипучая пѣна впервые осушеннаго бокала, какъ память о волшебныхъ дняхъ безпечно-блаженнаго младенчества... Онъ самъ говоритъ въ предисловіи: „Всю первую часть слѣдовало бы исключить вовсе: это первоначальные уче-

ническіе опыты, недостойные строгаго вниманія читателя; но при нихъ чувствовались первыя сладкія минуты молодого вдохновенія, и мнѣ стало жалко исключить ихъ, какъ жалко исторгнуть изъ памяти первыя игры невозвратной юности. Снисходительный читатель можетъ пропустить весь первый томъ и начать чтеніе со второго". Такъ говоритъ поэтъ, — и онъ имѣетъ полное право простирать свою строгость къ самому себѣ за предѣлы умѣренности и справедливости; но публика тоже права, не соглашаясь съ нимъ. Всякій періодъ жизни человѣческой прекрасенъ, и долженъ имѣть свои пѣсни и своихъ пѣвцовъ. „Вечера на Хуторѣ" есть одна изъ такихъ вѣчнозвучныхъ пѣсенъ юности, которыхъ цѣль и назначеніе вновь возвращать на волшебное мгновенье самой старости невозвратно улетѣвшую юность... Во второй части, заключающей въ себѣ „Миргородъ", подверглись значительнымъ измѣненіямъ повѣсти: „Тарасъ Бульба" и „Вій". Первая вслѣдствіе этихъ измѣненій, сдѣлалась вдвое обширнѣе и безконечно-прекраснѣе. Поэтъ чувствовалъ, что въ первомъ изданіи „Тараса Бульбы" на многое только намекнуто, и что многія струны исторической жизни Малороссіи остались въ немъ нетронутыми. Какъ великій поэтъ и художникъ, вѣрный однажды избранной идеѣ, пѣвецъ Бульбы не прибавилъ къ своей поэмѣ ничего такого, что было бы чуждо ей, но только развилъ многія уже заключавшіяся въ ея основной идеѣ подробности. Онъ исчерпалъ въ ней всю жизнь исторической Малороссіи, и въ дивномъ художественномъ созданіи навсегда запечатлѣлъ ея духовный образъ: такъ ваятель уловляетъ въ мраморѣ черты человѣка и даетъ имъ безсмертную жизнь... Особенно замѣчательны подробности битвъ малороссіянъ съ поляками подъ городомъ Дубно, и эпизодъ любви Андрія къ прекрасной полькѣ. Вся поэма приняла еще болѣе возвышенный тонъ, проникнулась лиризмомъ. Впрочемъ, сужденіе объ этомъ — смѣло можемъ сказать — великомъ созданіи, завело бы насъ далеко, — чего не позволяетъ намъ ни мѣсто ни время, и потому пока отлагаемъ его. Повѣсть „Вій" черезъ измѣненія сдѣлалась много лучше противъ прежняго, но и теперь она болѣе

блеститъ удивительными подробностями, чѣмъ своею цѣлостію. Недостатки ея значительно сгладились; но цѣлаго попрежнему нѣтъ. „Старосвѣтскіе Помѣщики" и „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ" остались совершенно безъ измѣненій: очевидно, эти два превосходныя произведенія такъ хорошо вызрѣли въ душѣ, что могли сразу явиться во всей опредѣленности своей идеи, во всей полнотѣ своей художественной жизни.

Къ такимъ-же зрѣло-художественнымъ и отчетливо-концепированнымъ произведеніямъ принадлежитъ и „Невскій Проспектъ", которымъ начинается третья часть; только эта повѣсть, по своему содержанію, далеко глубже и выше тѣхъ двухъ. „Носъ" —этотъ арабескъ, небрежно набросанный карандашомъ великаго мастера, значительно и къ лучшему измѣненъ въ своей развязкѣ. О „Портретѣ" и „Римѣ" публикѣ извѣстно наше мнѣніе, за которое одинъ журналъ недавно объявилъ насъ ругателями Гоголя!!. Такова толпа: ей или хвали до надсады груди, или унижай до послѣдней крайности: но не смѣй хвалить за одно и порицать за другое въ одно и то же время... Мнѣніе наше о „Портретѣ" и „Римѣ" остается то же, несмотря ни на чьи крики и клеветы,—и мы подробно разовьемъ это мнѣніе въ обѣщанной нами большой статьѣ о сочиненіяхъ Гоголя. „Коляска"—мастерской юмористическій очеркъ, въ которомъ больше поэтической жизни и истины, чѣмъ во многихъ пудахъ романовъ многихъ нашихъ романистовъ,— и „Записки Сумасшедшаго"—одно изъ глубочайшихъ произведеній Гоголя, также остались безъ перемѣны. „Шинель" есть новое произведеніе, отличающееся глубиною идеи и чувства, зрѣлостью художественнаго рѣзца. Въ четвертомъ томѣ очень много новаго и мы особенно рады, что изъ него даже петербургская публика познакомится съ новою комедіею (впрочемъ, еще прежде „Ревизора" написанною) Гоголя — „Женитьба, совершенно невѣроятное событіе въ двухъ дѣйствіяхъ". Здѣсь, въ Петербургѣ, она давалась на сценѣ: но тамъ мы не узнали ея, ибо нѣтъ ничего общаго между тѣмъ, что видѣли мы на сценѣ, и

что́ читаемъ теперь въ книгѣ... Никого не обижая, ни на кого не жалуясь, мы кстати замѣтимъ здѣсь, что еще не пришло время у насъ для національнаго театра. Бо́льшая часть актеровъ нашихъ смотритъ на сценическое искусство, какъ на обязанность говорить то, чего не чувствуетъ. . Это напоминаетъ намъ слова Гоголя, въ его письмѣ о представленіи „Ревизора": „Вообще, у насъ актеры совсѣмъ не умѣютъ лгать. Они воображаютъ, что лгать значитъ просто нести болтовню. Лгать значитъ говорить ложь тономъ столь близкимъ къ истинѣ, такъ естественно, такъ наивно, какъ можно говорить только одну истину, и здѣсь-то заключается именно все комическое лжи". Точно также, прибавимъ мы отъ себя, большая часть нашихъ актеровъ не хочетъ понять, что искренность и наивность первыя условія сценическаго искусства и комизма, и что, поэтому, смѣшить публику должно естественнымъ воспроизведеніемъ характера, созданнаго поэтомъ, а не утрированіемъ характера: ибо, какъ въ самой дѣйствительности никто не станетъ выставлять на видъ рѣзкія странности своего характера, чтобы смѣшить ими другихъ, но каждый тѣмъ и смѣшонъ, что не подозрѣваетъ своей смѣшной стороны, такъ и въ сценическомъ искусствѣ—этомъ зеркалѣ дѣйствительности,—актеръ долженъ забыть, что онъ играетъ смѣшную роль, и помнить только, что онъ представляетъ характеръ, изъ природы и дѣйствительности взятый. Конечно, смѣхъ публики есть награда комическому актеру, но онъ долженъ возбуждать этотъ смѣхъ естественнымъ выполненіемъ представляемаго имъ характера, а не явнымъ желаніемъ во что бы то ни стало возбудить смѣхъ—не рѣзкимъ движеніемъ, не уродливымъ костюмомъ. Кстати о костюмахъ: вотъ что говоритъ Гоголь, въ своемъ письмѣ, о выполненіи роли Бобчинскаго и Добчинскаго: „За то оба наши пріятеля, Бобчинскій и Добчинскій, вышли, сверхъ ожиданія, дурны, ибо, создавая двухъ маленькихъ чиновниковъ, я воображалъ въ нихъ кожѣ Щепкина и Рязанцева, но все-таки я думалъ, что ихъ наружность и положеніе, въ которомъ они находятся, какъ-нибудь вынесутъ ихъ и не такъ обкарикатурятъ. Сдѣлалось на-

противъ: вышла именно карикатура. Ужъ передъ началомъ представленія, увидѣвши ихъ костюмированными, я ахнулъ. Эти два человѣка, въ существѣ своемъ довольно опрятные, толстенькіе, съ прилично приглаженными волосами, очутились въ какихъ-то нескладныхъ, превысокихъ сѣдыхъ парикахъ, всклокоченные, неопрятные, взъерошенные, съ выдернутыми огромными манишками, а на сценѣ оказались до такой степени кривляками, что просто было невыносимо“.

„Игроки“—цѣлая комедія, по концепціи и выполненію вполнѣ достойная своего автора. Сцены: *Тяжба*, *Лакейская* и *Отрывокъ*—живыя картины разныхъ словвъ и сферъ русскаго общества. Но выше ихъ „Театральный Разъѣздъ послѣ перваго представленія комедіи“: въ этой пьесѣ, поражающей мастерствомъ изложенія, Гоголь является столько же мыслителемъ-эстетикомъ, глубоко постигающимъ законы искусства, которому онъ служитъ съ такою славою, сколько поэтомъ и соціальнымъ писателемъ. Эта пьеса есть какъ бы журнальная статья въ поэтически-драматической формѣ,—дѣло, возможное для одного Гоголя! Въ пьесѣ этой содержится глубоко-сознанная теорія общественной комедіи и удовлетворительные отвѣты на всѣ вопросы, или, лучше сказать, на всѣ нападки, возбужденныя „Ревизоромъ“ и другими произведеніями автора. Разобрать это превосходное произведеніе нельзя, не дѣлать изъ него выписокъ тоже нельзя, по двумъ причинамъ: по невозможности выбора прекраснаго изъ равно прекраснаго, и еще потому, что вся пьеса проникнута такимъ единствомъ мысли, развитой и изложенной такъ логически и послѣдовательно (несмотря на поэтически-драматическую форму), что надобно было бы переписать ее всю отъ начала до конца... И такъ какъ мы будемъ еще имѣть множество случаевъ обращаться къ ней, удовольствуемся выпискою ея проникнутаго высокимъ лиризмомъ и глубокою мыслію окончанія: достойнѣе нельзя заключить рѣчи о Гоголѣ, какъ его же словами...

Авторъ пьесы, въ сѣняхъ театра выслушавъ толки о ней людей всякихъ сословій, говоритъ, оставшись одинъ:

— „Я услышалъ болѣе, чѣмъ предполагалъ. Какая пестрая куча толковъ! Счастье комику, который родился среди націи, гдѣ общество еще не слилось въ одну недвижимую массу, гдѣ оно не облеклось одной корой стараго предразсудка, заключающаго мысли всѣхъ въ одну и ту же форму и мѣрку, гдѣ что̀ человѣкъ, то и мнѣніе, гдѣ всякій самъ создатель своего характера. Какое разнообразіе въ этихъ мнѣніяхъ, и какъ вездѣ блеснулъ этотъ твердый, ясный русскій умъ! И въ этомъ благородномъ стремленіи государственнаго мужа! и въ этомъ высокомъ самоотверженіи забившагося въ глушь чиновника! и въ нѣжной красотѣ великодушной женской души! и въ эстетическомъ чувствѣ цѣнителей! и въ простомъ вѣрномъ чувствѣ народа! какъ даже въ этихъ недоброжелательныхъ осужденіяхъ много того, что нужно знать комику. Какой живой урокъ! Да, я удовлетворенъ. Но отчего же грустно становится моему сердцу? Странно: мнѣ жаль, что никто не замѣтилъ честнаго лица, бывшаго въ моей пьесѣ. Да, было одно честное, благородное лицо, дѣйствовавшее въ ней во все время продолженія ея. Это честное, благородное лицо былъ—смѣхъ. Онъ былъ благороденъ потому, что рѣшился выступить, несмотря на низкое значеніе, которое дается ему въ свѣтѣ. Онъ былъ благороденъ потому, что рѣшился выступить, несмотря на то, что доставилъ обидное прозванье комику, прозванье холоднаго эгоиста, и заставилъ даже усомниться въ присутствіи нѣжныхъ движеній души его. Никто не вступился за этотъ смѣхъ. Я комикъ, я служилъ ему честно, и потому долженъ стать его заступникомъ. Нѣтъ, смѣхъ значительнѣй и глубже, чѣмъ думаютъ. Не тотъ смѣхъ, который порождается временной раздражительностью, желчнымъ болѣзненнымъ расположеніемъ характера; не тотъ также легкій смѣхъ, который весь вылетаетъ изъ свѣтлой природы человѣка, излетаетъ изъ нея потому, что на днѣ ея заключенъ вѣчно-бьющійся родникъ его, который углубляетъ предметъ, заставляетъ выступить ярко то, что проскользнуло бы, безъ проницающей силы котораго мелочи и пустота жизни не испугала бы такъ человѣка. Презрѣнное и ничтожное, мимо котораго

онъ такъ равнодушно проходитъ всякій день, не возросло бъ передъ нимъ въ такой страшной, почти карикатурной силѣ, и онъ не вскрикнулъ бы, содрогаясь: неужели есть такіе люди? тогда какъ, по собственному сознанію его, бываютъ хуже люди. Нѣтъ, несправедливы тѣ, которые говорятъ, будто смѣхъ возмущаетъ. Возмущаетъ только то, что мрачно, а смѣхъ свѣтелъ. Многое бы возмутило человѣка, бывъ представлено въ наготѣ своей; но озаренное силой смѣха, несетъ оно ужъ примиреніе въ душу. И тотъ, кто понесъ бы мщеніе противу злобнаго человѣка, уже почти мирится съ нимъ, видя осмѣянными низкія движенія души его. Несправедливо говорятъ, что смѣхъ не дѣйствуетъ на тѣхъ, противу которыхъ устремленъ, и что плутъ первый посмѣется надъ плутомъ, выведеннымъ на сценѣ: плутъ-потомокъ посмѣется, но плутъ-современникъ не въ силахъ посмѣяться! Онъ слышитъ, что уже у всѣхъ остался неотразимый образъ, что одного низкаго движенія съ его стороны достаточно, чтобы этотъ образъ пошелъ ему въ вѣчное прозвище: а насмѣшки боится даже тотъ, кто уже ничего не боится на свѣтѣ. Нѣтъ, засмѣяться добрымъ, свѣтлымъ смѣхомъ можетъ только одна глубоко добрая душа. Но не слышатъ могучей силы такого смѣха: что смѣшно, то низко, говоритъ свѣтъ; только тому, что произносится суровымъ, напряженнымъ голосомъ, тому только даютъ названіе высокаго. Но, Боже! сколько проходитъ ежедневно людей, для которыхъ нѣтъ вовсе высокаго въ мірѣ! Все, что ни творилось вдохновеніемъ, для нихъ пустяки и побасенки: созданія Шекспира для нихъ побасенки, высокія движенія души для нихъ побасенки. Нѣтъ, не оскорбленное мелочное самолюбіе писателя заставляетъ меня сказать это, не потому, что мои незрѣлыя, слабыя созданія были сейчасъ названы побасенками. Нѣтъ, я вижу свои недостатки, и вижу, что достоинъ упрековъ. Но не могла выносить равнодушно душа моя, когда совершеннѣйшія творенія честились именами пустяковъ и побасенокъ. Ныла душа моя, когда я видѣлъ, какъ много тутъ же, среди самой жизни, безотвѣтныхъ мертвыхъ обитателей, страшныхъ недвижнымъ холодомъ души своей и

безплодной пустыней сердца; ныла душа моя, когда на безчувственныхъ ихъ лицахъ не вздрагивалъ даже ни призракъ выраженія отъ того, что подвергало въ небесныя слезы глубоко-любящую душу, и не коснѣлъ языкъ ихъ произнести свое вѣчное слово: побасенки! Побасенки!.. А вонъ, протекли вѣка, города и народы снеслись и исчезли съ лица земли, какъ дымъ унесло все, что было, а побасенки живутъ и повторяются понынѣ, и внемлютъ имъ мудрые цари, глубокіе правители, прекрасный старецъ и полный благороднаго стремленія юноша. Побасенки! А вонъ: стонутъ балконы и перила театровъ, все потряслось съ низу до верху, превратясь въ одно чувство, въ одинъ мигъ, въ одного человѣка, всѣ люди встрѣтились, какъ братья, въ одномъ душевномъ движеніи, и гремитъ дружнымъ рукоплесканьемъ благородный гимнъ тому, котораго ужъ пятьсотъ лѣтъ, какъ нѣтъ на свѣтѣ. Слышатъ ли это въ могилѣ истлѣвшія кости его? отзывается ли душа его, терпѣвшая суровое горе жизни? Побасенки!... А вонъ, среди сихъ же рядовъ потрясенной толпы пришелъ удрученный горемъ и невыносимой тяжестью жизни, готовый поднять отчаянно на себя руки, и брызнули вдругъ свѣжительныя слезы изъ его очей, и вышелъ онъ примиренный съ жизнью, и проситъ вновь у неба горя и страданій, чтобы только жить и заливаться вновь слезами отъ такихъ побасенокъ. Побасенки! Но міръ задремалъ бы безъ такихъ побасенокъ, обомлѣла бы жизнь плѣсенью, и тѣнью покрылись бы души. Побасенки!.. О, да пребудутъ же вѣчно священны въ потомствѣ имена благосклонно внимавшихъ такимъ побасенкамъ: чудный перстъ Провидѣнья былъ неотлучно надъ главами творцовъ ихъ. Въ минуты даже бѣдъ и гоненій, все, что было благороднѣйшаго въ государствахъ, становилось прежде всего ихъ заступникомъ.

Бодрѣй же въ путь! И да не смутится душа отъ осужденій, но приметъ благодарно указаніе недостатковъ, не омрачась даже и тогда, если бы отказали ей въ высокихъ движеніяхъ и въ любви къ человѣчеству! Міръ, какъ водоворотъ: движутся въ немъ вѣчно мнѣнія и толки, но

все перемалываетъ время. Какъ шелуха слетаетъ ложь, и, какъ твердыя зерна, остаются недвижныя истины. Что признавалось пустымъ, можетъ явиться потомъ вооруженное строгимъ значеніемъ. Въ глубинѣ холоднаго смѣха могутъ отыскаться горячія искры вѣчной могучей любви. И почему знать, можетъ-быть, что въ силу тѣхъ же законовъ, почему гордый и сильный человѣкъ является ничтожнымъ и слабымъ въ несчастіи, и слабый возрастаетъ, какъ исполинъ, среди бѣдъ, въ силу тѣхъ же самыхъ законовъ, кто льетъ часто душевныя, глубокія слезы, тотъ, кажется, болѣе всѣхъ смѣется на свѣтѣ!..“

В. Бѣлинскій.

*) Голосъ изъ провинціи о поэмѣ Гоголя „Мертвыя Души“.

Около года уже, какъ вышла поэма Гоголя „Похожденія Чичикова, или Мертвыя души“, и прочтена всѣми, кого только „Господь не напрасно книжному искусству вразумилъ“. Возбуждены самыя разнообразные толки, поданы мнѣнія pro и contra, вслѣдствіе различныхъ побужденій, и до сихъ поръ еще громко раздается восторгъ удивленія въ не чуждыхъ сочувствія истинно-великому и прекрасному, равно какъ не замолкли еще и порицанія близорукаго невѣжества и преслѣдованія пристрастной зависимости. — Согласно съ предметомъ и цѣлью этой статьи, прибавляю, что у насъ, въ провинціи, вообще и въ лучшемъ кругу читателей въ особенности, поэма Гоголя понята и принята съ самымъ искреннимъ участіемъ. Да и изъ печатныхъ о ней отзывовъ сдѣлано должное различіе: такъ многими, если не всѣми, безъ вниманія оставлена грамматическая филиппика газеты, которая едва ли не первая зажужжала о новомъ произведеніи Гоголя, равно какъ съ заслуженнымъ негодованіемъ и пренебреженіемъ встрѣчена ругательная критика толстаго журнала, которая сравнивала Гоголя съ Поль-де-Кокомъ,

*) „Отечественныя Записки“ 1843 г., № 4, т. 27. Статья Н. М.

а поэму его называла грязью; и у насъ вдоволь посмѣялись надъ разборомъ „Похожденій Чичикова“ въ нейтральномъ журналѣ, особенно памятномъ пошлою остротою на букву Г., между тѣмъ, какъ съ удовольствіемъ прочли умныя и прекрасно изложенныя статьи офиціальной газеты и извѣстнаго журнала, который одинъ, чуждый всякихъ партій, постоянно и ровно идетъ своей дорогой; наконецъ, и у насъ нашли полное сочувствіе мнѣнія о „Мертвыхъ Душахъ“ петербургскаго и московскаго журналовъ, при всемъ различіи взглядовъ каждаго изъ нихъ, сходные между собою по единству цѣли, которая есть *истина*, внѣ всякихъ другихъ цѣлей.—Но, разумѣется, и у насъ есть „строгіе цѣнители и судьи“, изъ которыхъ одни, напримѣръ, замѣчаютъ, почему авторъ „Чичикова“ не обозначилъ на книгѣ своей, что это *часть первая*, обѣщая, однакожъ, продолженіе; другіе недоумѣваютъ, для чего онъ назвалъ свое произведеніе *поэмой*, между тѣмъ, какъ она написана прозой, а не стихами; третьи, деликатные на честь, обижаются, что онъ коснулся помѣщичьяго быта и губернскаго beau monde, почитая привилегированными предметами сатиры или комедіи только мелкихъ подьячихъ да средніе кружки, и гордо доказывая, что и помѣщики наши уже теперь говорятъ по-французски и носятъ платье по послѣдней модной картинкѣ; разсуждающіе о „Чичиковѣ“, какъ о явленіи теперешней нашей литературы, но измѣряющіе успѣхъ всякаго литературнаго произведенія степенью того, какъ долго о немъ говорятъ, наивно сравниваютъ успѣхъ „Чичикова“ съ успѣхомъ „Ивана Выжигина“, прибавляя притомъ, что успѣхъ послѣдняго болѣе заслуженъ, какъ перваго (по крайней мѣрѣ, по ихъ счету) у насъ романа; не желающіе показаться отсталыми отъ современныхъ понятій, одни, не отказывая въ талантѣ Гоголю, жалѣютъ объ упадкѣ этого таланта, который, такъ много обѣщавъ „Вечерами на Хуторѣ“ и „Миргородомъ“, такъ уронилъ себя „Ревизоромъ“ и „Чичиковымъ“; другіе же, называя Гоголя удачнымъ копіистомъ провинціальныхъ нравовъ и характеровъ, не признаютъ въ немъ творчества: претендующіе

на высшій критическій взглядъ утверждаютъ, что „Чичиковъ"—какъ полное произведеніе—бѣдно содержаніемъ (N. B. которое они не различаютъ отъ идеи, безотчетно смѣшивая ихъ между собой), потому что простой анекдотъ не можетъ быть предметомъ большихъ созданій, каковы романъ и поэма; съ другой же стороны — какъ начало слѣдующаго за тѣмъ продолженія эта первая книга „Чичикова" слишкомъ растянута подробностями курьезнаго случая о покупкѣ Чичиковымъ мертвыхъ душъ, служащаго ей сюжетомъ; тѣ же, которые понимаютъ, что всякое художественное произведеніе своимъ содержаніемъ развиваетъ предположенную авторомъ идею, находятъ содержаніе „Чичикова"—какъ изображеніе настоящей нашей дѣйствительности — слишкомъ одностороннимъ въ отношеніи сатирической цѣли, положенной, по ихъ мнѣнію, авторомъ „Чичикова" въ основу своей идеи; есть у насъ юристы, которые диспутуютъ pro и contra возможности въ юридическомъ смыслѣ факта, служащаго предметомъ „Чичикова"; есть судьи, толкующіе вкривь и вкось направленіе основной цѣли „Чичикова", будто-бы пятнающаго нашу національность умышленно - утрированнымъ представленіемъ современной дѣйствительности въ неблагопріятномъ видѣ; есть у насъ критики слога, изъ которыхъ одни, не понимая силы и богатства слога поэмы Гоголя, называютъ его тяжелымъ и растянутымъ: другіе же, „отличающіеся необыкновенною осторожностью въ словахъ и выраженіяхъ", находятъ слогъ ея тривіальнымъ до грубости; есть критики спеціальные, изъ которыхъ каждый долгомъ поставляетъ замѣтить если не вообще о поэмѣ, то, по крайней мѣрѣ, о ея частностяхъ — и то и другое не такъ, вотъ то было бы лучше такъ, а иное этакъ; наконецъ, есть у насъ попугаи, которые, не читавъ даже сами поэмы Гоголя, толкуютъ о ней по наслышкѣ: такъ-де отзывался о ней такой-то, такъ говорила о ней такая-то.—Все это не есть ли однакожъ доказательство, что новое твореніе Гоголя выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ явленій литературы, существованіе которыхъ прекращается прежде, нежели они успѣваютъ пріобрѣсть

всеобщую извѣстность!.. И въ этомъ отношеніи теперь, когда составились уже печатныя мнѣнія о поэмѣ Гоголя въ обѣихъ столицахъ, теперь пора и провинціи подать свой *голосъ*, какъ о такомъ твореніи, которое, *всесторонне* касаясь русской жизни, требуетъ поэтому взаимнаго *повсемѣстнаго* къ себѣ участія.

Пишущій эти строки, предполагая разсуждать о поэмѣ Гоголя, избираетъ своимъ девизомъ мысль В. Гюго, который говоритъ: „Скоро всѣ согласятся, что писатели должны быть судимы не по правиламъ и родамъ искусства, чуждымъ природы и искусства, но по неизмѣннымъ началамъ этого искусства и особеннымъ законамъ личной организаціи самихъ писателей“.

Этимъ условливается точка взгляда (Standpunkt, point de vue) настоящей статьи и самое ея значеніе.

Поэзія—зеркало, отражающее жизнь. Вотъ это поэтическое опредѣленіе поэзіи у Платона и Жанъ-Поля, высочайшаго изъ древнихъ и остроумнѣйшаго изъ новѣйшихъ мыслителей-поэтовъ, трактовавшихъ о поэзіи. „Возьми зеркало, обойди съ нимъ кругомъ, и изобразится въ немъ солнце и все, что на небѣ, и земля, и всѣ животныя, и растенія, и ты самъ, и все окружающее тебя вмѣстѣ... Таковы точно живописецъ и поэтъ!“ „Для чистаго, прозрачнаго зеркала поэзіи нужна амальгама темной жизни, и тогда оно отразитъ міръ“.

Но какъ поэзія отражаетъ, подобно зеркалу, жизнь не сама по себѣ, а творческою силою поэта, облекающаго предметы созерцанія въ типическіе *образы*, то *художественное произведеніе не есть только вѣрная картина жизни, скопированная въ камеръ-обскуру, а представленіе жизни, какъ идеи, въ возможности настолько, насколько поэтъ проникнетъ ею, какъ идею въ дѣйствительности*. „Все дѣло поэта“, учитъ Аристотель, положившій первый основной камень систематическому изслѣдованію поэзіи, какъ предмета изученія, — „изображать не то, что было, но то, что могло быть, то есть возможное по вѣроятію или по необходимости... Поэзія отгадываетъ, какъ кому прилично говорить или дѣйствовать, по вѣроятію или по необходимости“.

Жанъ-Поль первый изъ новѣйшихъ теоретиковъ, понявшій ученіе Аристотеля безъ пристрастія прежняго и безъ предупрежденія позднѣйшаго времени — прекрасно объясняетъ ту же мысль, когда говоритъ, что „поэзія не есть точная копія жизни: это лучше всего видно на юношахъ, которые именно тогда хуже всего говорятъ языкомъ чувствъ, когда чувства въ нихъ дѣйствуютъ и вопіютъ, но слишкомъ сильная вода поэтической мельницы подавляетъ ихъ и останавливаетъ; между тѣмъ, какъ по ложно понимаемому правилу обезьянъ природы, стóитъ только имъ переписывать то, что въ нихъ говоритъ“. И далѣе: „Ни матерія природы ни ея форма не должны грубо служить поэту. Подражаніе первой предполагается высшимъ правиломъ; но такъ какъ всякій человѣкъ видитъ другую природу, то дѣло въ томъ, кто видитъ лучшую... И въ этомъ-то состоитъ прозаическая и поэтическая разница, или вопросъ, *чья* дума воодушевляетъ природу — начальника-ли невольниковъ или Гомера?“

Подобно тройственности состава человѣческаго, который есть духъ, душа и тѣло, *всякое художественное произведеніе состоитъ изъ содержанія и формы, одухотворяемыхъ идеею.* Въ какомъ же отношеніи находится между собой содержаніе и форма, и что есть это *нѣчто,* вдыхающее въ художественное произведеніе *душу живу,* отчего оно становится одушевленнымъ цѣлымъ? — вопросъ этотъ разрѣшаетъ Жанъ-Поль въ своей „Эстетикѣ“ слѣдующими словами: „Само собою разумѣется, есть внѣшняя механическая матерія, которою дѣйствительность (физическая или психологическая) насъ окружаетъ и часто преисполняетъ, и которая, не будучи облагорожена формой, для поэзіи ничто, и поэзія къ ней равнодушна... Но есть нѣчто высшее того, что представляетъ намъ каждый день. Есть *внутренняя* матерія - какъ бы врожденная непроизвольная поэзія, для которой форма служитъ не украшеніемъ, а только образомъ... Эта-то матерія составляетъ геніальную оригинальность, которую подражатель ищетъ лишь въ формѣ и манерѣ...“ И далѣе: „Только внѣшняя форма у поэта въ мгновенномъ напряженіи; но духъ и матерія требуютъ по-

ловины жизни, и у него или всякая мысль — поэзія или нѣтъ ея вовсе... Этотъ универсальный духъ генія воодушевляетъ, какъ всякій духъ, всѣ члены творенія, не будучи въ каждомъ порознь. Онъ можетъ даже сдѣлать ненужною прелесть формы,—геній, напримѣръ, Гете, выскажется вамъ и въ небрежномъ стихотвореньицѣ, какъ въ богатой прозѣ. Когда является солнце, то все равно и гвоздичекъ какъ обелискъ показываетъ время тѣнью. Духъ этотъ не можетъ быть доказываемъ, но только созерцаемъ, и тогда онъ оказывается лишь родственнымъ ему, поставляя ниже себя чуждыхъ ему". — И въ этомъ послѣднемъ отношеніи, т. е. касательно различной степени воспріимчивости художественнаго произведенія - обращаясь къ другой сторонѣ того же предмета, одинъ изъ поэтовъ (котораго поэзія является апоѳеозомъ чистѣйшаго поэтическаго идеала) даетъ разительное объясненіе того, какъ умы грубые, души черствыя, болѣе или менѣе увлекаясь въ произведеніи искусства содержаніемъ (разумѣется внѣшнимъ, или, просто говоря, сюжетомъ), по мѣрѣ доступности его горизонту ихъ понятій, остаются безчувственными къ его формѣ (т. е. тому, что въ немъ и есть художественнаго), и такимъ образомъ наслажденіе свое получаютъ не изъ самаго изящнаго, но изъ случайнаго интереса собственнаго ихъ вкуса и образа мыслей". „Не всегда", говоритъ Шиллеръ въ своихъ „Письмахъ объ эстетическомъ воспитаніи",—то, что твореніе производитъ эффектъ только своимъ содержаніемъ, доказываетъ недостатокъ въ формѣ; столь же часто это доказываетъ недостатокъ сочувствія къ формѣ въ цѣнителѣ. Онъ или слишкомъ напряженъ или слишкомъ слабъ; если онъ привыкъ понимать или однимъ умомъ или одними чувствами, то онъ всегда будетъ держаться и при счастливѣйшемъ цѣломъ только частей и при изящнѣйшей формѣ только матеріи. Способный къ воспріятію лишь грубаго элемента, онъ долженъ разрушить эстетическую организацію какого-нибудь произведенія, прежде нежели найдетъ въ немъ наслажденіе, и тщательно рыться въ особенностяхъ, которые художникъ безконечнымъ искусствомъ своимъ слилъ въ гар-

моніи цѣлаго. Интересъ его и есть непремѣнно или нравственный или физическій, только не эстетическій. Такіе читатели наслаждаются важною или патетическою поэзіею какъ проповѣдью, а веселою и забавною какъ опьяняющимъ напиткомъ; и если бъ они, по своему безвкусію, почувствовали отъ какой-нибудь трагедіи и эпопеи, будь она хоть „Мессіада“, умиленіе, то къ какой-нибудь анакреонтической или катулловской пѣсенкѣ непремѣнно почувствуютъ отвращеніе.

Наконецъ, поэтъ, прежде, нежели онъ поэтъ, есть человѣкъ и гражданинъ и притомъ своего времени; поэтому, *поэзія, какъ свободное искусство, будучи сама себѣ цѣль, въ личности поэта одушевляется современными интересами общечеловѣческими и національными.* Вотъ мысли объ этомъ двухъ поэтовъ -самаго національнаго въ своей литературѣ и самаго современнаго въ наше время. — „Если поэтъ“, говоритъ Тассъ, — „собственно, какъ поэтъ будетъ имѣть наслажденіе своей цѣлью, онъ не удалится отъ того предмета, къ которому долженъ устремлять всѣ свои мысли, какъ стрѣлецъ свои силы; но какъ гражданинъ и членъ государства, или, по крайней мѣрѣ, насколько его искусство подчинено искусству „управляющему всѣми, онъ изберетъ честь и пользу своей цѣлью“. — „Всякій истинный поэтъ“, какъ выражается В. Гюго, „независимо отъ идей, имѣющихъ источникомъ собственную организацію, и идей, сообщаемыхъ ему вѣчною истиной, долженъ совмѣщать въ себѣ сумму идей своего времени“.

Вотъ неизмѣнныя начала искусства, не произвольно гипотезированныя, но утвержденныя признанными авторитетами, собственными словами которыхъ они здѣсь изложены.

Примѣнимъ теперь эти начала къ поэмѣ Гоголя, въ отношеніи къ ея содержанію, формѣ и идеѣ.

Какъ сказано уже въ началѣ этой статьи, поэма Гоголя прочтена всѣми, кто только могъ, хотѣлъ или долженъ былъ прочесть ее. А потому, излишнимъ считая подробно излагать здѣсь какъ сюжетъ ея, выражаемый, впрочемъ, самимъ названіемъ, такъ и содержаніе, неизгладимо впе-

чатлѣвающееся въ памяти, со всѣми подробностями мѣстности и характеровъ, постараюсь обозначить это какъ можно короче.

Живьемъ живутъ и будутъ жить въ нашей памяти, такъ какъ живо представилась очамъ нашимъ въ поэмѣ Гоголя, и эта мѣстность отъ всегдашней нашей природы по обѣимъ сторонамъ столбового пути (гдѣ безпрестанно являются версты, станціонные смотрители, колодцы, обозы, сѣрыя деревни съ самоварами, бабами и бойкимъ бородатымъ хозяиномъ, бѣгущимъ изъ постоялаго двора съ овсомъ въ рукѣ; пѣшеходъ въ протертыхъ лаптяхъ, плетущійся за 800 верстъ, городишки, выстроенные живьемъ, съ деревянными лавчонками, мучными бочками, лаптями, калачами и прочей мелюзгой, поля неоглядныя и по ту и по другую сторону, помѣщичьи рыдваны, солдатъ верхомъ на лошади, везущій зеленый ящикъ съ свинцовымъ горохомъ и подписью: такой-то артиллерійской батареи, зеленыя, желтыя и свѣжеразрытыя черныя полосы, мелькающія по степямъ, затянутая вдали пѣсня, сосновыя верхушки въ туманѣ, пропадающій далече колокольный звонъ, вороны, какъ мухи, и горизонтъ безъ конца...) и отъ самыхъ удобствъ длинной дороги (съ ея колодцами, слякотью, грязью, не выспавшимися станціонными смотрителями, бряканьями колокольчиковъ, починками, перебранками, ямщиками, кузнецами и всякаго рода дорожными подлецами) до поприща дѣятельности героя поэмы — посѣщенныхъ имъ деревень (столь сходныхъ между собою вообще и вмѣстѣ столь различныхъ въ частностяхъ по различію характеровъ своихъ хозяевъ) и ознаменованнаго его пребываніемъ города (который никакъ не уступалъ другимъ городамъ, и въ которомъ все было семейственно)...

И эта масса лицъ, отъ сельскихъ обитателей (каковы сладенькій Маниловъ, барыня-помѣщица Коробочка, разбитной малый Ноздревъ съ зятемъ своимъ Мижуевымъ, медвѣдь Собакевичъ—его даже и звали Михаиломъ Семеновичемъ — и скупецъ Плюшкинъ) до горожанъ (которые всѣ были народъ добрый, и жили между собой въ ладахъ)... Этотъ губернаторъ, который былъ большой до-

брякъ и даже самъ иногда вышивалъ по тюлю; отецъ и благотворитель города, полицеймейстеръ, который былъ среди гражданъ совершенно какъ въ родной семьѣ, а въ лавки и въ гостиный дворъ навѣдывался какъ въ свою кладовую: предсѣдатель палаты, весьма разсудительный и любезный человѣкъ и не безъ образованія: онъ зналъ наизусть „Людмилу“ Жуковскаго и мастерски читалъ многія мѣста, особенно „боръ заснулъ, долина спитъ“ и слово „чу!“, такъ что въ самомъ дѣлѣ видѣлось, какъ будто долина спитъ; прокуроръ съ весьма черными густыми бровями и нѣсколько подмигивающимъ глазомъ, такъ какъ будто говорилъ: „пойдемъ братъ, въ другую комнату, тамъ я что-то тебѣ скажу“, человѣкъ, впрочемъ, серьезный и молчаливый: острякъ и философъ почтмейстеръ, читавшій весьма прилежно, даже по ночамъ, „Юнговы Ночи“ и „Ключъ къ Таинствамъ Натуры“ Эккартсгаузена, изъ которыхъ дѣлалъ весьма длинныя выписки, при разговорѣ же цвѣтистый въ словахъ и любившій, какъ самъ выражался, уснастить рѣчь, а уснащивалъ онъ рѣчь множествомъ разныхъ частицъ, какъ-то: „сударь ты мой, этакій, какой-нибудь, знаете, понимаете, можете себѣ представить, относительно, такъ сказать, нѣкоторымъ образомъ“ и прочими, которыми онъ сыпалъ мѣшками... А дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ и просто пріятная дама... А Семенъ Ивановичъ, никогда не называвшійся по фамиліи, носившій на указательномъ пальцѣ перстень, который давалъ разсматривать дамамъ.. А чернорабочій приказный Иванъ Антоновичъ, кувшинное рыло. . Еще два спутника героя поэмы, также имѣвшіе каждый свои отличительныя черты... одинъ — лакей Петрушка, который ходилъ въ нѣсколько широкомъ коричневомъ сюртукѣ, съ барскаго плеча, и имѣлъ, по обычаю людей своего званія, крупный носъ и губы, характера былъ больше молчаливаго, чѣмъ говорливаго, имѣлъ даже благородное побужденіе къ просвѣщенію, т. е. чтенію книгъ, содержаніемъ которыхъ не затруднялся, ему нравилось не то, о чемъ читалъ онъ, но больше самое чтеніе, или, лучше сказать, процессъ самаго чтенія, что вотъ де изъ буквъ вѣчно выходитъ какое-нибудь сло-

во, которое иной разъ, чортъ знаетъ, что и значитъ; кромѣ страсти къ чтенію, онъ имѣлъ еще два обыкновенія, составлявшія двѣ другія его характеристическія черты: спать не раздѣваясь, такъ какъ есть, въ томъ же сюртукѣ, и носить съ собою всегда какой-то свой особенный воздухъ, своего собственнаго запаха, отзывавшійся нѣсколько жилымъ покоемъ. Другой—кучеръ Селифанъ, занимавшійся своимъ дѣломъ con amore, подчасъ не прочь, однакожъ, былъ съ хорошимъ человѣкомъ выпить ли чаю или закусить, и въ такомъ случаѣ обыкновенно вдавался въ бесѣду съ тремя лошадьми, возившими бричку его барина, тотъ родъ брички, въ какой ѣздятъ всѣ тѣ, которыхъ называютъ господами средней руки, уча притомъ уму-разуму лукаваго коня чубараго и похваливая, для соревнованія, почтеннаго коня гнѣдого и тоже хорошаго коня засѣдателя. . И, наконецъ, самъ герой поэмы, коллежскій совѣтникъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ — который былъ не красавецъ, но и не дурной наружности, ни слишкомъ толстъ ни слишкомъ тонокъ, нельзя сказать, чтобы старъ, однакожъ не такъ, чтобъ и слишкомъ молодъ; говорилъ ни громко ни тихо, а совершенно такъ, какъ слѣдуетъ; во всемъ какъ-то умѣлъ найтись; и словомъ, куда ни поворoти, былъ очень порядочный человѣкъ... И собственно не то, что *былъ*, а только *казался*; что же онъ былъ дѣйствительно, авторъ откровенно говоритъ самъ, когда въ послѣдней главѣ своей поэмы, прослѣдивъ полную біографію Чичикова, въ заключеніе восклицаетъ: „Итакъ вотъ весь налицо герой нашъ, каковъ онъ есть! Но потребуютъ, можетъ-быть, заключительнаго опредѣленія одной чертой: кто же относительно качествъ нравственныхъ? Что онъ не герой, исполненный совершенствъ и добродѣтелей, это видно. Кто же онъ? стало-быть, подлецъ? Почему же подлецъ? зачѣмъ же быть такъ строгу къ другимъ? теперь у насъ подлецовъ не бываетъ; есть люди благонамѣренные, пріятные, а такихъ, которые бы на всеобщій позоръ выставили свою физіономію подъ публичную оплеуху, отыщется какихъ-нибудь два-три человѣка, да и тѣ уже говорятъ теперь о добродѣтели. Справедливѣе всего назвать

его хозяинъ-пріобрѣтатель. Пріобрѣтеніе—вина всего, изъ-за него произвелись дѣла, которымъ свѣтъ дастъ названіе *не очень чистыхъ*.

Вотъ сфера содержанія поэмы Гоголя. Теперь слѣдуетъ вопросъ: точно-ли эта сфера есть современная наша дѣйствительность, прозрачно отраженная свѣтлымъ зеркаломъ поэзіи?

Что касается до антологической вѣроятности сюжета и содержанія поэмы Гоголя, то, въ предупрежденіе всякихъ объясненій объ этомъ, я перескажу одинъ случай, могущій разъ навсегда отвѣчать на всѣ подобныя обстоятельства.

У книгъ также есть своя судьба: иногда исторія какой-нибудь книги интереснѣе самой книги. Не заходя вдаль, чтобъ не удалиться отъ своего предмета, я укажу только на исторію у насъ на Руси, еще въ недавнее время, напримѣръ „Горя отъ Ума“ и „Онѣгина“. Но съ тѣхъ поръ ни одно изъ произведеній нашей литературы не имѣло подобнаго вліянія въ массѣ читающей нашей публики, какъ поэма Гоголя. У насъ въ провинціи вліяніе всякаго литературнаго произведенія ощутительнѣе, нежели въ столицахъ; ибо у насъ вообще литература не вошла въ сферу общественной жизни, и надо много посредствующихъ и непосредствующихъ обстоятельствъ, чтобы какое-нибудь литературное произведеніе обратило на себя вниманіе провинціальнаго нашего досужества, вообще погруженнаго въ свою собственную сферу, съ своими особенными интересами, безпрестанно смѣняющимися: свадьба—похоронами, производство въ чинъ—удаленіемъ отъ должностей, счастливый выигрышъ или несчастный случай—погодой или цѣнами на съѣстные припасы... Есть много причинъ, разумѣется, совершенно нелитературныхъ, почему поэма Гоголя сдѣлалась предметомъ любопытства нашей провинціальной публики. И вотъ, вскорѣ по появленіи ея, во всякой такъ называемой у насъ *порядочной гостиной* (т. е. такой гостиной, гдѣ не подаютъ уже сальныхъ свѣчей и играютъ даже по четверти рубля серебромъ), до или послѣ преферанса можно было услышать толки о „Мертвыхъ Душахъ“, одни другихъ оригинальнѣе. Въ одномъ обще-

ствѣ шелъ такой разговоръ. Было въ началѣ вечера. Главными диспутантами были полицеймейстеръ, отставной армейскій полковникъ и молодой человѣкъ, недавно вышедшій изъ университета. Полицеймейстеръ слылъ вообще, какъ говорятъ у насъ, за *любителя литературы*, т. е выписывалъ „Сѣверную Пчелу", „Библіотеку для Чтенія" и „Репертуаръ", да бралъ у своихъ знакомыхъ *почитать* новые романы: само собою, онъ косо смотрѣлъ на „Похожденія Чичикова". Молодой человѣкъ былъ какъ всѣ молодые люди, недавно вышедшіе изъ университета, и, разумѣется, держалъ сторону поэмы Гоголя. Существенный пунктъ нападенія на нее былъ со стороны неестественности вообще сюжета, и въ частности различныхъ сценъ; особенно же полицеймейстеръ находилъ неправдоподобною всю эту кутерьму изъ-за мертвыхъ душъ, къ которымъ пришлели и губернаторскую дочку, такъ взволновавшую весь городъ N. N., —кутерьму, въ которой приняли такое участіе дамы просто пріятная и пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, и ради которой было знаменитое собраніе, гдѣ почтмейстеръ разсказалъ повѣсть о капитанѣ Копейкинѣ. Но въ самомъ разгарѣ диспута были предложены карты, и забыты Чичиковъ и „Мертвыя Души"... Кончился преферансъ... Въ антрактѣ передъ ужиномъ, когда разговоръ, послѣ закуски, особенно оживился, сталъ какъ-то искреннѣе, начали каждый изъ собесѣдниковъ, особенно отличавшихся даромъ слова, разсказывать, что и какъ кто могъ, къ назиданію и увеселенію честной компаніи. Полицеймейстеръ, также, какъ выражаются у насъ, *не искавши словъ по карманамъ*, разсказалъ анекдотъ, который —увы! не разсказать мнѣ вамъ, читатели, такъ, какъ онъ разсказывалъ своимъ слушателямъ, но который, за всѣмъ тѣмъ, я постараюсь передать вамъ какъ сумѣю, потому что здѣсь именно и начинается то, для чего написано все это предисловіе

„Это было въ 31-мъ году (повѣствовалъ полицеймейстеръ). Полкъ, въ которомъ служилъ я, квартировалъ въ ..скомъ уѣздѣ нашей губерніи, и я, по службѣ, находился въ самомъ уѣздномъ городѣ. *Городишко* этотъ, какъ вамъ извѣстно, отличался тѣмъ, что въ немъ можетъ

очень дешево жить народъ неприхотливый, и потому онъ всегда былъ пріютомъ всякаго рода отставного люда. Извѣстно также, что это было время, называвшееся въ нашихъ лѣтописяхъ *холернымъ*. Слухи о холерѣ носились ужъ недалеко отъ городишка, о которомъ я разсказываю. Однажды я встрѣчаюсь съ однимъ изъ тамошнихъ моихъ знакомыхъ, который шелъ объ руку съ знаменитѣйшимъ въ томъ околоткѣ ябедникомъ, какимъ-то выгнаннымъ изъ службы титулярнымъ совѣтникомъ... Я былъ въ веселомъ расположеніи духа и, желая подшутить надъ этимъ молодцомъ (котораго я зналъ только по наслышкѣ, но знакомъ съ нимъ не былъ), сказалъ моему знакомому: „А знаете-ли, что уже полученъ списокъ лицъ, которыя должны умереть отъ холеры въ нашемъ городѣ?“. И началъ вычисленіе, упомянувъ, между прочимъ, жертвами холеры почтмейстера и самого чернильнаго героя. Видимо смутившись, онъ отсталъ отъ насъ и отправился прямо къ почтмейстеру. Нѣсколько дней послѣ этого, я самъ видѣлъ почтмейстера весьма *не въ духѣ*. А между тѣмъ слухъ о спискѣ жертвъ холеры распространялся, и въ три дня весь городъ взбудоражился. Не было улицы и переулка, дома и домишки, гдѣ-бы не толковали о спискѣ, который, разумѣется, скоро не только удвоился, но и удесятерился, переходя изъ устъ въ уста... Пришедъ въ себя отъ перваго впечатлѣнія и понявъ нелѣпость настоящей идеи этой молвы, попали, однакожъ, на такое заключеніе, что, дескать, это дѣло нашихъ враговъ, которые, желая извести насъ, разгласили такой слухъ для того, чтобъ, при появленіи холеры, отравить насъ, а смерть нашу удобно сложить тогда на холеру. Случай этотъ имѣлъ и свою полезную сторону: именно—для уѣзднаго лѣкаря, котораго кругъ практики значительно расширился, потому что мирные горожане, пользуясь цвѣтущимъ состояніемъ здоровья, рѣдко безпокоили его высокоблагородіе: теперь же, когда въ молвѣ о роковомъ спискѣ загремѣло для нихъ memento mori, многіе трухнули не-въ-шутку. Нѣсколько разъ приставали къ городничему, чтобъ онъ далъ мнѣ запросъ: отъ кого слыхалъ я о спискѣ, кѣмъ онъ соста-

вленъ и откуда присланъ?.. Между тѣмъ, изъ губернскаго города пріѣхалъ чиновникъ для распоряженія о принятіи предохранительныхъ мѣръ противъ холеры. Тотчасъ ябедникомъ составлено прошеніе отъ имени нѣкоторыхъ жертвъ рокового списка и лично ими подано чиновнику. Въ прошеніи этомъ они, объясняя разнесшійся слухъ, жаловались на городничаго за непринятіе должныхъ по этому предмету мѣръ, сказывая, что, въ случаѣ неудовлетворенія ихъ, они будутъ жаловаться губернатору. Чиновникъ объяснилъ имъ смѣшную сторону только ихъ самихъ въ этомъ дѣлѣ, и, возвративъ имъ прошеніе, не совѣтовалъ распространять его далѣе, если не хотятъ сидѣть въ желтомъ домѣ. Такъ это и кончилось: но слухъ о холерномъ спискѣ долго еще ходилъ по городу и проникъ вскорѣ за шлагбаумъ. Сосѣдніе помѣщики и помѣщицы пріѣзжали сами и присылали развѣдать, не состоятъ ли они или кто изъ ихъ знакомыхъ въ спискѣ, и если только было что-либо похожее на это, тотчасъ коляска такой-то помѣщицы или бричка такого-то помѣщика являлась у воротъ лѣкарскаго домика, и его высокоблагородіе запасался на дорогу содовыми порошками, зная уже впередъ, въ чемъ дѣло“.

Когда молодой человѣкъ, за нѣсколько часовъ диспутовавшій съ полицеймейстеромъ о „Чичиковѣ“, замѣтилъ ему, что эта сцена напоминаетъ сцену слуховъ о мертвыхъ душахъ и губернаторской дочкѣ въ поэмѣ Гоголя, тотъ спросилъ: „Да развѣ вы не вѣрите мнѣ? Право, это такъ было“.—„Да я-то вѣрю, отвѣчалъ защитникъ Гоголя: „и только удивляюсь, какъ вы не вѣрите тому же въ книгѣ, что вы сами видѣли и разсказываете“!

А почему и въ самомъ дѣлѣ многому въ книгѣ не вѣримъ, или, лучше, хотимъ не вѣрить такому, чего въ жизни бываемъ не только свидѣтелями, но и дѣйствующими лицами; другое же кажется намъ отвратительнымъ, тогда какъ на то же мы глядимъ каждый день очень равнодушно и подчасъ и сами бываемъ въ тѣхъ же обстоятельствахъ, — превосходно объясняетъ Гоголь въ своей поэмѣ:

„Но не то тяжело, что будутъ недовольны героемъ,— тяжело то, что живетъ въ душѣ неотразимая увѣренность, что тѣмъ-же самымъ героемъ, тѣмъ же Чичиковымъ были-бы довольны читатели. Не загляни авторъ поглубже ему въ душу, не шевельни на днѣ ея того, что ускользаетъ и прячется отъ свѣта, не обнаружь сокровеннѣйшихъ мыслей, которыхъ никому другому не ввѣряетъ человѣкъ, а покажи его такимъ, какимъ онъ показался всему городу, Манилову и другимъ людямъ, и всѣ были-бы радешеньки и приняли бы его за интереснаго человѣка. Нѣтъ нужды, что ни лицо ни весь образъ его не метался бы какъ живой передъ глазами: зато, по окончаніи чтенія, душа не встревожена ничѣмъ, и можно обратиться къ карточному столу, тѣшащему всю Россію. Да, мои добрые читатели, вамъ бы не хотѣлось видѣть обнаженную человѣческую бѣдность. Зачѣмъ, говорите вы, къ чему это? Развѣ мы не знаемъ сами, что есть много презрѣннаго и глупаго въ жизни? И безъ того случается намъ часто видѣть то, что вовсе неутѣшительно. Пусть лучше позабудемся мы!— „Зачѣмъ ты, братъ, говоришь мнѣ, что дѣла въ хозяйствѣ идутъ скверно?“ говоритъ помѣщикъ приказчику: „я, братъ, это знаю безъ тебя, да у тебя рѣчей развѣ нѣтъ другихъ, что-ли? ты дай мнѣ позабыть это, не знать этого, я тогда счастливъ“. И вотъ. тѣ деньги, которыя бы поправили сколько-нибудь дѣла, идутъ на разныя средства для приведенія себя въ забвеніе. Спитъ умъ, можетъ-быть, обрѣтшій бы внезапный родникъ великихъ средствъ, а тамъ имѣніе бухъ съ аукціона, и пошелъ помѣщикъ забываться по міру съ душою отъ крайности готовою на низости, которыхъ бы самъ ужаснулся прежде“.

И далѣе:

„Вы боитесь глубоко устремленнаго взора, вы страшитесь устремить на что-нибудь глубокій взоръ, вы любите скользнуть по всему не думающими глазами. Вы посмѣетесь даже отъ души надъ Чичиковымъ, можетъ быть, даже похвалите автора, скажете: „однакожъ, кое-что онъ ловко подмѣтилъ, долженъ быть веселаго права человѣкъ“.

И послѣ такихъ словъ съ удвоившеюся гордостью обратитесь къ себѣ, самодовольная улыбка покажется на лицѣ вашемъ, и вы прибавите: „А, вѣдь, должно согласиться, престрашные и пресмѣшные бываютъ люди въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, да и подлецы притомъ немалые!“ А кто изъ васъ, полный христіанскаго смиренія, не гласно, а въ тишинѣ, одинъ, въ минуты уединенныхъ бесѣдъ съ самимъ собою, углубитъ во внутрь собственной души сей тяжелый запросъ: А нѣтъ ли и во мнѣ какой-нибудь части Чичикова? Да, какъ бы не такъ! А вотъ пройди въ это время мимо его какой нибудь его же знакомый, имѣющій чинъ ни слишкомъ большой ни слишкомъ малый, онъ въ ту же минуту толкнетъ подъ руку своего сосѣда и скажетъ ему чуть не фыркнувъ отъ смѣха: „Смотри, смотри, вонъ Чичиковъ, Чичиковъ пошелъ!“ И потомъ, какъ ребенокъ, позабывъ всякое приличіе, должное званію и лѣтамъ, побѣжитъ за нимъ въ догонку, поддразнивая сзади и приговаривая: „Чичиковъ, Чичиковъ, Чичиковъ!“

Кстати вспомнить здѣсь еще нѣчто подобное, что говоритъ Гоголь по поводу героя своей комедіи:

„Всякій хоть на минуту, если не на нѣсколько минутъ, дѣлался или дѣлается Хлестаковымъ, но натурально въ этомъ не хочетъ только признаться: онъ любитъ даже и посмѣяться надъ этимъ фактомъ, но только, конечно, въ кожѣ другого, а не въ собственной. И ловкій гвардейскій офицеръ окажется иногда Хлестаковымъ, и нашъ братъ грѣшный литераторъ окажется подъ часъ Хлестаковымъ, и государственный мужъ окажется иногда Хлестаковымъ. Словомъ, рѣдко кто имъ не будетъ хоть разъ въ жизни, дѣло только въ томъ, что вслѣдъ за тѣмъ очень ловко повернется, и какъ будто бы и не онъ“.

И точно, не тѣ же ли мертвыя души какая-нибудь *Исторія Русскаго Народа* или *Портретная и Біографическая Галлерея*? Не тѣ ли же это проказы столичнаго молодца въ провинціи, напримѣръ: повѣсть въ родѣ *Паденія Ширванскаго Царства*, или переводъ съ восточнаго въ родѣ *Сокъ Доброприимчиваго языка*? Но кто же признаетъ себя Чичиковымъ или Хлестаковымъ?

Въ отношеніи Чичикова, собственно, какъ *героя поэмы*, читателямъ, недовольнымъ имъ, приведу я глубокое замѣчаніе самого Гоголя, что, „тотъ же читатель, который на жизненной своей дорогѣ будетъ друженъ съ такимъ человѣкомъ, будетъ водить съ нимъ хлѣбъ-соль и проводить пріятно время, станетъ глядѣть на него косо, если онъ очутится героемъ драмы или поэмы: но мудръ тотъ, кто не гнушается никакимъ характеромъ, но, вперивъ въ него испытующій взглядъ, извѣдываетъ его до первоначальныхъ причинъ“. Литераторамъ же, упрекающимъ автора „Мертвыхъ Душъ“ за выбраннаго имъ героя, укажу на толки про одно изъ лучшихъ произведеній Пушкина, имъ самимъ записанные: „О „Цыганахъ“ одна дама замѣтила, что во всей поэмѣ одинъ только честный человѣкъ, и то медвѣдь. Покойный Р. негодовалъ, зачѣмъ Алеко водитъ медвѣдя и еще собираетъ деньги съ глазѣющей публики. В. повторилъ то же замѣчаніе (Р. просилъ меня сдѣлать изъ Алеко хотя кузнеца, что было бы не въ примѣръ благороднѣе). „Всего бы лучше сдѣлать изъ него чиновника или помѣщика, а не Цыгана. Въ такомъ случаѣ, правда, не было бы поэмы: ma tanto meglio“.

О темной сторонѣ жизни, составляющей вообще, по замѣчанію нѣкоторыхъ литераторовъ и читателей, фонъ картины въ поэмѣ Гоголя, литераторамъ я припомню о двухъ обитателяхъ въ отдаленномъ уголку Россіи, Кифѣ Мокіевичѣ и Мокіи Кифовичѣ, нежданно, какъ изъ окошка выглянувшихъ въ концѣ поэмы, для того, чтобы отвѣчать скромно на обвиненье со стороны нѣкоторыхъ критиковъ, до времени покойно занимающихся какой-нибудь философіей или приращеніями на счетъ суммъ нѣжно любимаго ими отечества, думающихъ не о томъ, чтобъ не дѣлать дурного, а о томъ, чтобъ только не говорили, что они дѣлаютъ дурное.

Читателей же попрошу смотрѣть на поэму Гоголя безъ темнаго стекла предварительно составленнаго предубѣжденія, и тогда они, можетъ быть, увидятъ въ ней что-нибудь и свѣтлое. Такъ, записные любители родной природы

напрасно претендуютъ на автора „Мертвыхъ Душъ“ за этотъ ландшафтъ.

„Едва только ушелъ назадъ городъ, какъ уже пошли писать по нашему обычаю чушь и дичь по обѣимъ сторонамъ дороги. кочки, ельники, низенькіе, жидкіе кусты молодыхъ сосенъ, обгорѣлые стволы старыхъ, дикій верескъ и подобный вздоръ. Попадались вытянутыя по снурку деревни, постройкой похожія на старыя складенныя дрова, покрытыя сѣрыми крышами съ разными деревянными подъ ними украшеніями, въ видѣ висячихъ шитыхъ уборами утиральниковъ. Нѣсколько мужиковъ, по обыкновенію зѣвали, сидя на лавкахъ передъ воротами, въ своихъ овчинныхъ тулупахъ. Бабы съ толстыми лицами и перевязанными грудями смотрѣли изъ верхнихъ оконъ; изъ нижнихъ глядѣлъ теленокъ, или высовывала слѣпую морду свою свинья. Словомъ, виды извѣстные!“

Въ той же поэмѣ можно прочесть.

„Русь! Русь! вижу тебя, изъ моего чуднаго прекраснаго далека тебя вижу: бѣдна природа въ тебѣ, не развеселятъ, не испугаютъ взоровъ дерзкія ея дива, вѣнчанныя дерзкими дивами искусства, города съ многооконными, высокими дворцами, вросшими въ утесы, картинныя деревья и плющи, вросшіе въ домы, въ шумѣ и вѣчной пыли водопадовъ, не опрокинется назадъ голова посмотрѣть на громоздящіяся безъ конца надъ нею въ вышинѣ каменныя глыбы; не блеснутъ сквозь наброшенныя окна на другую каменныя арки, опутанныя виноградными сучьями, плющами и несмѣтными милліонами дикихъ розъ, не блеснутъ сквозь нихъ вдали вѣчныя линіи сіяющихъ горъ, несущихся въ серебряныя ясныя небеса. Открыто-пустынно и ровно все въ тебѣ: какъ точки, какъ значки неприметно торчатъ среди равнинъ невысокіе твои города; ничто не обольститъ и не очаруетъ взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря, пѣсня? Что въ ней, въ этой пѣснѣ? что зоветъ и рыдаетъ и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно

лобзаютъ и стремятся въ душу и вьются около моего сердца? Русь! чего ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи? И еще полный недоумѣнія, неподвижно стою я, а уже главу осѣнило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онѣмѣла мысль предъ твоимъ пространствомъ. Что пророчитъ сей необъятный просторъ? Здѣсь ли, въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто гдѣ развернуться и пройтись ему? И грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшною силою отразясь въ глубинѣ моей, неестественной властью освѣтились мои очи: у! какая сверкающая, незнакомая землѣ даль! Русь!..“

Энтузіасты отечественнаго слова также напрасно обижаются этой выходкой автора „Мертвыхъ Душъ“.

„Виноватъ! кажется, изъ устъ нашего героя излетѣло словцо, подмѣченное на улицѣ. Что жъ дѣлать! Таково на Руси положеніе писателя! Впрочемъ, если слово изъ улицы попало въ книгу, не писатель виноватъ, виноваты читатели высшаго общества: отъ нихъ первыхъ не услышишь ни одного порядочнаго русскаго слова, а французскими, нѣмецкими и англійскими они, пожалуй, надѣлятъ въ такомъ количествѣ, что и не захочешь, и надѣлятъ даже съ сохраненіемъ всѣхъ возможныхъ произношеній по-французски въ носъ и картавя, по англійски произнесутъ какъ слѣдуетъ птицѣ, и даже физіономію сдѣлаютъ птичью, и даже посмѣются надъ тѣмъ, кто не сумѣетъ сдѣлать птичьей физіономіи; а вотъ только русскимъ ничѣмъ не надѣлятъ, развѣ изъ патріотизма выстроятъ для себя на дачѣ избу въ русскомъ вкусѣ. Вотъ каковы читатели высшаго сословія, а за ними и всѣ, причитающіе себя къ высшему сословію. А между тѣмъ, какая взыскательность! Хотятъ непремѣнно, чтобъ все было написано языкомъ самымъ строгимъ, очищеннымъ, благороднымъ, однимъ словомъ, хотятъ, чтобъ русскій языкъ самъ собою опустился вдругъ съ облаковъ обработанный, какъ слѣ-

дуетъ, и сѣлъ имъ прямо на языкъ, а имъ больше ничего, какъ только рты разинуть, да выставить его“...

Они могутъ утѣшиться слѣдующими строками въ той же поэмѣ:

„Какъ несмѣтное множество церквей, монастырей, съ куполами, главами, крестами, разсыпано по святой благочестивой Руси, такъ несмѣтное множество племенъ, поколѣній, народовъ толпится, пестрѣетъ и мечется по лицу земли. И всякій народъ, носящій въ себѣ залогъ силъ, полныхъ творящихъ способностей души, своей яркой особенности и другихъ даровъ Бога, своеобразно каждый отличился своимъ собственнымъ словомъ, которымъ, выражая какой ни есть предметъ, отражаетъ въ выраженіи его часть собственнаго своего характера. Сердцевѣдѣніемъ и мудрымъ познаніемъ жизни отзовется слово Британца; легкимъ щеголемъ блеснетъ и разлетится недолговѣчное слово Француза; затѣйливо придумаетъ свое, не всякому доступное умно-худощавое слово Нѣмецъ; но нѣтъ слова, которое было бы такъ замашисто, бойко, такъ вырвалось бы изъ-подъ самаго сердца, такъ бы кипѣло и живо трепетало, какъ мѣтко сказанное русское слово!“

Еще, пожалуй, можетъ разгнѣваться какая-нибудь дама-аристократка за сравненіе ея съ Коробочкой, или какой-нибудь господинъ со звѣздой на груди, разговаривающій о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе, за сравненіе его съ Ноздревымъ, въ отношеніи страсти нагадить ближнему.

Но уже у насъ въ провинціи, не знаю, право, на что могутъ жаловаться наши горожане, которыхъ авторъ „Мертвыхъ Душъ“ рекомендуетъ съ такой пріятной стороны:

„Насчетъ благовидности уже извѣстно, что всѣ они были люди надежные, чахоточнаго между ними никого не было. Всѣ были такого рода, которымъ жены, въ нѣжныхъ разговорахъ, происходящихъ въ уединеніи, давали названія кубышки, толстунчика, пузанчика, чернушки, кики, жужу и проч. Но вообще они были народъ добрый, полны гостепріимства, и человѣкъ, вкусившій съ ними хлѣба-со-

ли, или просидѣвшій вечеръ за вистомъ, уже становился чѣмъ-то близкимъ".

Или чѣмъ могутъ быть недовольны наши провинціальныя дамы, о которыхъ авторъ поэмы такъ справедливо отзывается, что „Онѣ были то, что называютъ презентабельны, и въ этомъ отношеніи ихъ можно было смѣло поставить въ примѣръ всѣмъ другимъ. Что до того, какъ вести себя, соблюсти тонъ, поддержать этикетъ, множество приличій самыхъ тонкихъ, а особенно наблюсти моду въ самыхъ послѣднихъ мелочахъ, то въ этомъ онѣ опередили даже дамъ петербургскихъ и московскихъ. Одѣвались онѣ съ большимъ вкусомъ, разъѣзжали по городу въ колясках, какъ предписывала послѣдняя мода, сзади покачивался лакей и ливрея въ золотыхъ позументахъ. Визитная карточка, будь она писана хоть на трефовой двойкѣ или бубновомъ тузѣ, но вещь была очень священная. Изъ-за нея двѣ дамы, большія пріятельницы и даже родственницы, перессорились совершенно, именно за то, что одна изъ нихъ какъ-то манкировала контръ-визитомъ. И ужъ какъ ни старались потомъ мужья и родственники примирить ихъ, но нѣтъ, оказалось, что все можно сдѣлать на свѣтѣ, одного только нельзя: примирить двухъ дамъ, поссорившихся за манкировку визита. Такъ обѣ дамы и остались во взаимномъ нерасположеніи, по выраженію городского свѣта. На счетъ занятія первыхъ мѣстъ происходило множество весьма сильныхъ сценъ, внушавшихъ мужьямъ иногда совершенно рыцарскія великодушныя понятія о заступничествѣ. Дуэли, конечно, между ними не происходило, потому что всѣ были гражданскіе чиновники, но зато одинъ другому старался напакостить, гдѣ было можно, что, какъ извѣстно, подъ часъ бываетъ тяжелѣе самой дуэли. Въ нравахъ дамы города N. были строги, исполнены благороднаго негодованія противъ всего порочнаго и всякихъ соблазновъ, казнили безъ всякой пощады всякія слабости. Если же между ними и происходило какое-нибудь то, что называютъ *другое-третье*, то оно происходило втайнѣ, такъ что не было подаваемо никакого вида, что происходило; сохранялось все достоин-

ство, и самъ мужъ такъ былъ приготовленъ, что если и видѣлъ *другое-третье*, или слышалъ о немъ, то отвѣчалъ коротко и благоразумно пословицею: кому какое дѣло, что кума съ кумомъ сидѣла. Еще нужно сказать, что дамы города N. отличались, подобно многимъ дамамъ петербургскимъ, необыкновенною осторожностью и приличіемъ въ словахъ и выраженіяхъ. Никогда не говорили онѣ: я высморкалась, я вспотѣла, я плюнула, а говорили: я облегчила себѣ носъ, я обошлась посредствомъ платка. Ни въ какомъ случаѣ нельзя было сказать: этотъ стаканъ или эта тарелка воняетъ. Тоже нельзя было сказать ничего такого, что бы подало намекъ на это, а говорили вмѣсто того: этотъ стаканъ нехорошо ведетъ себя или что-нибудь въ родѣ этого. Чтобъ еще болѣе облагодарить русскій языкъ, половина почти словъ была выброшена вовсе изъ разговора, и потому весьма часто было нужно прибѣгать къ французскому языку: за то ужъ тамъ, по-французски, другое дѣло: тамъ позволялись такія слова, которыя были гораздо пожестче упомянутыхъ“.

Чиновникамъ также не слѣдуетъ обижаться Ѳемидой, которая принимала гостей, просто какова есть, въ неглиже и халатѣ: вѣдь, это, какъ они сами говорятъ, дѣло очень обыкновенное и всегдашнее...

И если кто-нибудь у насъ въ провинціи въ правѣ претендовать на автора „Мертвыхъ Душъ“, то развѣ какая-нибудь содержательница благороднаго пансіона за то, что при трехъ главныхъ предметахъ, составляющихъ основу человѣческихъ добродѣтелей, каковы: французскій языкъ, необходимый для счастія семейственной жизни, фортепіано, для доставленія пріятныхъ минутъ мужу, и, наконецъ, собственно хозяйственная часть, вязанье кошельковъ и другихъ сюрпризовъ,—пропущенъ четвертый, едва ли не важнѣйшій всѣхъ предыдущихъ, именно танцы.

Наконецъ, *въ приложеніи предмета поэзіи къ самому автору и къ условіямъ ея исполненія*,—литераторамъ предложу я мысль Горація, которую Байронъ избралъ эпиграфомъ для своего Донъ-Хуана: „Не легко обыкновенное выразить оригинально. Легче (прибавляетъ потомъ Горацій)

заимствовать уже готовые сюжеты изъ Иліады, обработывая ихъ по своему для сцены, нежели изображать никѣмъ еще неизображенное и дотолѣ неизвѣстное“ .. Не такъ ли и въ наше время легче писать по готовымъ образцамъ историческіе романы изъ французской исторіи или изъ литовскихъ преданій, или перекраивать на свой манеръ Шекспира и обкрадывать его, чѣмъ представить въ правдивой картинѣ современную нашу дѣйствительность или вывесть живьемъ передъ очи наши все окружающее насъ ежедневно, чего мы не замѣчаемъ только потому, что оно — *мы сами?* Читателямъ же не угодно ли обратить вниманіе на это многознаменательное мѣсто въ поэмѣ Гоголя:

„Счастливъ писатель, который мимо характеровъ скучныхъ, противныхъ, поражающихъ печальною своею дѣйствительностью, приближается къ характерамъ, являющимъ высокое достоинство человѣка, который изъ великаго омута ежедневно вращающихся образовъ, избралъ одни немногія исключенія, который не измѣнялъ ни разу возвышеннаго строя своей лиры, не ниспускался съ вершины своей къ бѣднымъ, ничтожнымъ своимъ собратьямъ и, не касаясь земли, весь повергался въ свои далеко отторгнутые и возвеличенные образы. Вдвойнѣ завиденъ прекрасный удѣлъ его: онъ среди нихъ какъ въ родной семьѣ; а между тѣмъ далеко и громко разносится его слава. Онъ окурилъ упоительнымъ куревомъ людскія очи, онъ чудно польстилъ имъ, сокрывъ печальное въ жизни, показавъ имъ прекраснаго человѣка. Все рукоплеща несется за нимъ, и мчится вслѣдъ за торжественной колесницей. Великимъ всемірнымъ поэтомъ именуютъ его, парящимъ высоко надъ всѣми другими геніями міра, какъ паритъ орелъ надъ другими высоколетающими. При одномъ имени его уже объемлются трепетомъ молодыя пылкія сердца, отвѣтныя слезы блещутъ во всѣхъ очахъ... Нѣтъ равнаго ему въ силѣ! Но не таковъ удѣлъ, и другая судьба писателя, дерзнувшаго вызвать наружу все, что ежеминутно предъ очами, и чего не зрятъ равнодушныя очи, всю потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ ха-

рактеровъ, которыми кипитъ наша земная, подчасъ горькая и скучная дорога, и крѣпкою силою неумолимаго рѣзца дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи! Ему не собрать народныхъ рукоплесканій, ему не зрѣть признательныхъ слезъ и единодушнаго восторга взволнованныхъ имъ душъ; къ нему не полетитъ навстрѣчу шестнадцатилѣтняя дѣвушка, съ закружившеюся головой и геройскимъ увлеченіемъ; ему не забыться въ сладкомъ обаяніи имъ же исторгнутыхъ звуковъ; ему не избѣжать, наконецъ, отъ современнаго суда, лицемѣрно безчувственнаго современнаго суда, который назоветъ ничтожными и низкими имъ лелеянныя созданья, отведетъ ему презрѣнный уголъ въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество, придастъ ему качества имъ же изображенныхъ героевъ, отниметъ отъ него и сердце, и душу, и божественное пламя таланта. Ибо не признаетъ современный судъ, что равно чудны стекла, озирающія солнца и передающія движенія незамѣченныхъ насѣкомыхъ; ибо не признаетъ современный судъ, что высокій восторженный смѣхъ достоинъ стать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеніемъ, и что цѣлая пропасть между имъ и кривляньемъ балаганнаго скомороха. Не признаетъ сего современный судъ, и все обратитъ въ упрекъ и поношенье непризнанному писателю; безъ раздѣленья, безъ отвѣта, безъ участья, какъ безсемейный путникъ, останется онъ одинъ посреди дороги. Сурово его поприще, и горько почувствуетъ онъ свое одиночество.

И долго еще мнѣ чудной властью дано итти объ руку съ моими страшными героями, озирать всю громадно несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы. И далеко еще то время, когда инымъ ключомъ грозная вьюга вдохновенья подымется изъ облеченной въ святой ужасъ и въ блистанье главы, и почуютъ въ смущенномъ трепетѣ величавый громъ другихъ рѣчей!..“

Теперь отъ самаго предмета поэмы перехожу къ ея *формѣ*. Здѣсь предшествовавшее изложеніе, содержаніе и все сказанное о немъ или по поводу сюжета, дѣлаетъ не-

нужнымъ выводы a priori о *внутреннемъ* исполненіи поэмы: ибо, конечно, нужно совершенно *умышленное* желаніе видѣть бѣлое чернымъ, а черное бѣлымъ, чтобы не замѣтить разницы этихъ типическихъ образовъ и свѣжести колорита художественной картины, составляющей поэму Гоголя, и отъ пошлыхъ идеальныхъ изображеній небывалой природы, небывалыхъ людей какимъ-нибудь манеромъ, самоучкой, рисующимъ, по остроумному выраженію Жанъ-Поля, „воздухъ, воздухомъ, въ воздухѣ“, и отъ извѣстныхъ „разсказовъ на родимый ладъ“, гдѣ, по словамъ нашего поэта—

...Надъ Москвой смѣются,
Или чиновниковъ бранятъ!

Толковать съ тѣми, кто *дѣйствительно* не умѣетъ различать ходуль отъ истиннаго величія, и карикатуры отъ истиннаго комизма, все равно, что объяснять слѣпому живопись Рафаэля или глухому музыку Бетховена. Не диво, что эти люди, по мѣткому выраженію автора поэмы: „пропустятъ мимо созданіе поэта, ясное, какъ день, все проникнутое согласіемъ и высокою мудростью простоты, а бросятся именно на то, гдѣ какой-нибудь удалецъ наплететъ, изломаетъ, выворотитъ природу, и имъ оно понравится, и они станутъ кричать: вотъ оно, вотъ настоящее знаніе сердца! И какъ далеко выше ихъ, этихъ слѣпыхъ дальновидцевъ и глухихъ всезнаекъ, тѣ, просто одаренные здравымъ разсудкомъ, которые, не причисляя себя къ записнымъ любителямъ или знатокамъ, *инстинктивно* понимаютъ истинное отраженіе природы въ искусствѣ и сочувствуютъ ему! Здѣсь-то полное торжество искусства. И въ этомъ отношеніи поэма Гоголя, непонятная привилегированнымъ критикамъ и дилетантамъ, по своему высокому художественному достоинству, состоящему въ соединеніи чистѣйшаго ясновидѣнія съ безыскусственнѣйшей простотой внѣшняго представленія, принадлежитъ именно къ этимъ, ознаменованнымъ печатью истинной геніальности произведеніямъ, которыя (какъ говоритъ самъ Гоголь по поводу Помпеи Брюлова) „живостью, чистымъ зерка-

ломъ природы доступны всякому.. которыя могутъ понимать и художникъ, имѣющій высокое развитіе вкуса, и не знающій, что такое художество“.

Что же касается до внѣшняго исполненія поэмы, то, прежде нежели опредѣлится индивидуальное значеніе *слога* ея, предстоитъ отвѣчать на три обвиненія недовольныхъ имъ. И я сдѣлаю это какъ можно короче, и притомъ, какъ и до сихъ поръ, не самопроизвольно, но основываясь на авторитетахъ, заслуживающихъ полнаго довѣрія въ настоящемъ случаѣ.

Такимъ образомъ, называющимъ слогъ „Мертвыхъ Душъ“ *растянутымъ*, я приведу замѣчаніе о полнотѣ слога Квинтиліана: „Легко пособить обилію слога; но безплодію никакой трудъ не поможетъ“.

Впрочемъ, полнота полнотѣ рознь: иное дѣло полнота слога, проистекающая отъ обилія мыслей, иное дѣло простое желаніе увеличить число страницъ, особенно въ такомъ случаѣ, когда пишется за плату, постранично.

Упрекающимъ автора „Мертвыхъ Душъ“ въ *небрежности* слога я укажу на мнѣніе Цицерона, который не только допускаетъ нѣкоторую пріятную небрежность въ писателѣ, но даже предлагаетъ заботиться больше о сущности предмета, нежели о словахъ. И опять прибавлю: есть разница между небрежностью литературнаго поставщика, работающаго къ сроку, и небрежность мастера, какъ слѣдствіе преобладанія идеи надъ формой.

Наконецъ, къ тѣмъ, которые въ слогѣ „Мертвыхъ Душъ“ находятъ забвеніе *приличій*, я обращусь съ словами князя Вяземскаго, сказанными имъ по поводу Гоголева „Ревизора“, именно объ этихъ господахъ рыцаряхъ, ратующихъ противъ неприличныхъ, по ихъ мнѣнію, для образованнаго слуха словъ:

„У котораго-то изъ нихъ уши покраснѣли отъ выраженія *супъ воняетъ, чай воняетъ рыбой*. Онъ увѣряетъ, что теперь и порядочный лакей того не скажетъ. Да мало ли того, что скажетъ и чего не скажетъ лакей? Неужели писателю ходить въ лакейскія справляться, какія слова тамъ въ чести и какія въ употребленіи. Такъ, — если онъ

описываетъ лакейскую сцену; но иначе къ чему же? Напримѣръ, *Осипъ* въ „Ревизорѣ“ говоритъ чисто лакейскимъ языкомъ, лакея въ немъ слышишь деревенскаго, который прожилъ нѣсколько времени въ столицѣ: это дѣло другое. Впрочемъ, критикъ, можетъ-быть, и правъ: въ этомъ случаѣ мы спорить съ нимъ не будемъ. *Порядочный лакей*, то-есть, что называется un laquais endimanché, точно, можетъ-быть, постыдится сказать: *воняетъ*; но *порядочный человѣкъ*, то-есть воспитанный, смѣло скажетъ это слово и въ гостиной и передъ дамами. Извѣстно, что люди высшаго общества гораздо свободнѣе другихъ въ употребленіи *собственныхъ словъ*. Жеманство, чопорность, щепетильность, оговорки—отличительные признаки людей, не живущихъ въ хорошемъ обществѣ, но желающихъ корчить хорошее общество. Человѣкъ, въ сферѣ гостиной рожденный, въ гостиной—у себя дома: садится ли онъ въ кресла, онъ садится, какъ въ свои кресла; заговоритъ ли, онъ не боится проговориться. Посмотрите на провинціала, на выскочку: онъ не смѣетъ присѣсть иначе, какъ на кончикѣ стула; шевелитъ краемъ губъ кобенясь; извиняется вычурными фразами нашихъ нравоучительныхъ романовъ; не скажетъ слова безъ прилагательнаго, безъ оговорки. Вотъ отчего многіе критики наши, добровольно подвизаясь на защиту хорошаго общества и неразрушимости законовъ его, попадаютъ въ такіе смѣшные промахи, когда говорятъ, что такое-то слово неприлично, такое-то выраженіе невѣжливо. Охота имъ мѣшаться не въ свои дѣла! Пускай говорятъ они о томъ, что знаютъ; рѣдко будетъ имъ случай говорить,—это правда, но зато они могутъ говорить дѣльное. Можно быть очень добрымъ и разсудительнымъ человѣкомъ, и не имѣть доступа въ высшее общество. Смѣшно хвастаться тѣмъ, что судьба, что рожденіе приписали васъ къ этой области; но не менѣе смѣшно, если не смѣшнѣе, не уроженцу или не получившему права гражданства въ ней толковать о правахъ, обычаяхъ и условіяхъ ея. Что вамъ за нее рыцарствовать? Эта область сама умѣетъ стоять за себя, сама умѣетъ приводить въ дѣйствіе законы своего покровительства и остракизма. Все это не

журнальное дѣло. У васъ уши вянутъ отъ языка „Ревизора“: а лучшее общество сидитъ въ ложахъ и креслахъ, когда его играютъ; брошюрка „Ревизора“ лежитъ на модныхъ столикахъ работы Гамбса. Не смѣшно ли съ желудкомъ натощакъ гнѣваться на повара, который позволилъ себѣ поставить не довольно утонченное кушанье на столъ, за которымъ нѣтъ прибора“...

Или вотъ еще и весьма *кстати* идущія сюда слова Пушкина: „Если бъ Недоросль, сей единственный памятникъ народной сатиры, явился въ наше время, то въ нашихъ журналахъ, посмѣясь надъ правописаніемъ Ф. Визина, съ ужасомъ замѣтили бы, что Простакова бранитъ Палашку *канальей* и *собачьей дочерью*, а себя сравниваетъ съ *сукою* (!!). „Что скажутъ дамы!“ воскликнулъ бы критикъ. „Вѣдь, эта комедія можетъ попасться дамамъ!“ Въ самомъ дѣлѣ странно. Что за нѣжный и разборчивый языкъ должны употреблять господа сіи съ дамами! Гдѣ бы, какъ бы послушать! А дамы наши (Богъ имъ судья!) ихъ и не слушаютъ и не читаютъ; а читаютъ этого грубаго В. Скотта, который никакъ не умѣетъ замѣнить просторѣчіе простомысліемъ...“ Тутъ ужъ и прибавлять нечего!

У всякаго писателя есть *свой* слогъ. Это и справедливо въ томъ смыслѣ, какъ говорятъ: слогъ Марлинскаго, слогъ Брамбеуса, и потому что всякая даже посредственность имѣетъ, по крайней мѣрѣ, претензію на оригинальность слога. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, это не совсѣмъ и такъ, если подъ „слогомъ“ разумѣть не одну только манеру писать по своему, но субстанціонное выраженіе идей духа художественнымъ словомъ. Въ этомъ смыслѣ слѣдующія строки изъ Жанъ Полевой „Эстетики“ изображаютъ не столько принадлежность, сколько достоинство слога. „Слогъ—это самъ человѣкъ“, справедливо говоритъ Бюффонъ. „Какъ каждый народъ въ своемъ языкѣ, такъ каждый авторъ обнаруживается въ своемъ слогѣ; сокровеннѣйшая *особенность* съ ея тончайшими возвышеніями и углубленіями живо образуется въ слогѣ — этомъ второмъ гибкомъ тѣлѣ духа. Подражать чужому слогу значитъ печатать отпечаткомъ, вмѣсто печати“. Но оттого, нѣтъ ничего труднѣе, какъ

говорить объ индивидуальномъ значенiи истиннаго слога, и нѣтъ ничего легче, какъ понимать или *чувствовать особенность* слога какого-нибудь автора—это нѣчто невещественное, и потому-то *ощутительное*, но не *осязаемое*. Въ этомъ отношенiи для тѣхъ, которымъ, внѣ понятiя о поэтической художественности формъ, прекрасное проявленiе ихъ въ самобытномъ языкѣ Гоголя недоступно, не могутъ быть объяснимы: и эта его своенародность живыхъ современныхъ формъ и типизмъ формъ классическихъ—одинаковыхъ для всѣхъ нацiй и вѣковѣчныхъ для всѣхъ временъ. Сочувствующiе же всему этому давно наслаждались имъ сами.

Наконецъ, въ заключенiе сказаннаго здѣсь объ исполненiи поэмы Гоголя вообще, кстати какъ нельзя болѣе примѣняется къ нему въ настоящемъ случаѣ идеалъ художника, начертанный Шиллеромъ: „Художникъ хотя и сынъ своего времени, но горе ему, если онъ будетъ его питомцемъ или еще любимцемъ! Благодѣтельное Божество пусть во-время отниметъ младенца отъ груди матерней, вскормитъ его молокомъ лучшаго вѣка и предоставитъ ему созрѣть подъ отдаленнымъ греческимъ небомъ. Когда же возмужаетъ онъ, пусть возвратится какъ чуждый образъ въ свое столѣтiе; но не для того, чтобы порадовать его своимъ появленiемъ, а грозно, какъ сынъ Агамемнона, чтобъ очистить его. Матерiю возьметъ онъ у настоящаго, форму же у благороднѣйшаго времени, въ безусловномъ, неизмѣняемомъ единствѣ своего существа. Здѣсь, изъ чистаго эфира демонической его природы, бьетъ источникъ красоты, недосягаемый порчѣ поколѣнiй и вѣковъ, глубоковращающихся подъ нимъ въ мутныхъ пучинахъ".

Какимъ образомъ въ художественномъ произведенiи *матерiя*, овеществленная изящной *формой*, одухотворяется *идеей*, и какимъ образомъ становится оно живымъ, органически цѣлымъ,—это тайна того процесса духовной природы генiя, который называется *актомъ творчества*. Извѣстно, однакожъ, что самое богатое содержанiе безъ изящной формы составляетъ одинъ грубый, необработанный матерiалъ, равно какъ и одна прекрасная форма, лишенная

содержанія, есть не что иное, какъ галантерейная вещица; но и при богатомъ содержаніи, облеченномъ въ изящную форму, безъ духа жизни, который есть идея,—произведеніе будетъ механической работой труженика, а не свободнымъ явленіемъ творческаго генія: ибо только духъ свободенъ, вещество же зависимо. Таковы повседневныя произведенія такъ называемой беллетристической литературы, въ которыхъ нѣтъ недостатка ни въ разнообразіи содержанія ни въ прекрасномъ изложеніи, но не достаетъ идеи, ради которой и изъ которой создались они, и вотъ эфемерное ихъ существованіе соотвѣтствуетъ ихъ происхожденію: тогда какъ идея, положенная въ основу какого-либо произведенія, увѣковѣчиваетъ бытіе его на незыблемомъ основаніи даже и тогда, когда содержаніе лишается своего мѣстнаго или временнаго интереса, а форма состарѣвается: ибо одинъ духъ вѣченъ, вещество же измѣняемо...

Примѣняя эту общую мысль къ поэмѣ Гоголя, невольно поражаешься противорѣчіемъ грандіозной идеи ея съ діаметрально-противоположнымъ источникомъ, изъ котораго оно вытекло: и этотъ высоко-гуманистическій взглядъ поэта на жизнь и этотъ глубоко національный паѳосъ его гордаго народнымъ самосознаніемъ духа... Въ этомъ смыслѣ названіе „Мертвыхъ Душъ“ *полной* имѣетъ значеніе совсѣмъ не то, какое приписываютъ ей тѣ, у которыхъ есть *свои* цѣли не понимать поэтическаго элемента творенія Гоголя. Но здѣсь не о нихъ рѣчь, да и не о тѣхъ, кому нужны объясненія, что такое идея какого-либо художественнаго произведенія: это такъ же невозможно объяснить образно, какъ и то, что такое душа человѣческая, что такое жизненное начало природы, что такое гармонія вселенной. А потому для тѣхъ, кому доступны понятія объ истинномъ искусствѣ и сочувствіе къ благородно доблестному и изящному, представлю здѣсь изъ поэмы Гоголя три отрывка, въ которыхъ выразился гуманическій элементъ его поэзіи, и заключу четвертымъ, проявляющимъ національный элементъ ея...

Строки изъ главы V, внушенныя появленіемъ блондинки

„Вездѣ, гдѣ бы то ни было въ жизни, среди ли черствыхъ, шероховато-бѣдныхъ и неопрятно плѣснѣющихъ низменныхъ рядовъ ея, или среди однообразно-хладныхъ и скучно-опрятныхъ сословій высшихъ, вездѣ хоть разъ встрѣтится на пути человѣку явленье, не похожее на то, что случалось видѣть ему прежде, которое хоть разъ пробудитъ въ немъ чувство, не похожее на тѣ, которыя суждено ему чувствовать всю жизнь. Вездѣ, поперекъ какимъ бы то ни было печалямъ, изъ которыхъ плетется жизнь наша, весело промчится блистающая радость, какъ иногда блестящій экипажъ съ золотой упряжью, картинными конями и сверкающимъ блескомъ стеколъ вдругъ неожиданно пронесется мимо какой-нибудь заглохнувшей бѣдной деревушки, не видавшей ничего, кромѣ сельской телѣги, и долго мужики стоятъ зѣвая съ открытыми ртами, не надѣвая шапокъ, хотя давно уже унесся и пропалъ изъ виду дивный экипажъ...“

Мысль изъ главы V, по поводу Плюшкина:

„И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ, могъ такъ измѣниться! И похоже это на правду? Все похоже на правду, все можетъ статься съ человѣкомъ. Нынѣшній же пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бъ показали ему его же портретъ въ старости. Забирайте же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое ожесточающее мужество, забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ, не подымете потомъ: грозна, страшна грядущая впереди старость, и ничего не отдаетъ назадъ и обратно! Могила милосерднѣе ея, на могилѣ напишется: здѣсь погребенъ человѣкъ! но ничего не прочитаешь въ хладныхъ безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости“.

Мѣсто изъ главы X, послѣ собранія чиновниковъ у полицеймейстера ради сумятицы, надѣланной Чичиковымъ и мертвыми душами.

„Но это, однакожъ, несообразно! Это не согласно ни съ чѣмъ! Это невозможно, чтобы чиновники такъ могли сами напугать себя, создать такой вздоръ, такъ отдалиться

отъ истины, когда даже ребенку видно въ чемъ дѣло! такъ скажутъ многіе читатели, и укорятъ автора въ несообразностяхъ, или назовутъ бѣдныхъ чиновниковъ дураками, потому что щедръ человѣкъ на слово „дуракъ", и готовъ прислужиться имъ двадцать разъ на день своему ближнему. Довольно изъ десяти сторонъ имѣть одну глупую, чтобы быть признану дуракомъ, мимо девяти хорошихъ. Читателю легко судить, глядя изъ своего покатаго угла и верхушки, откуда открытъ весь горизонтъ на все, что дѣлается внизу, гдѣ человѣку виденъ только близкій предметъ. И во всемірной лѣтописи человѣчества много есть столѣтій, которыя, казалось бы, вычеркнулъ и уничтожилъ, какъ ненужныя. Много совершилось въ мірѣ заблужденій, которыхъ бы, казалось, не сдѣлалъ теперь и ребенокъ. Какія искривленныя, глухія, узкія, непроходимыя, заносящія далеко въ сторону, дороги избирало человѣчество, стремясь достигнуть вѣчной истины, тогда какъ передъ нимъ весь былъ открытъ прямой путь, подобный пути, ведущему къ великолѣпной храминѣ, назначенной царю въ чертоги. Всѣхъ другихъ путей шире и роскошнѣе онъ, озаренный солнцемъ и освѣщенный всю ночь огнями; но мимо его въ глухой темнотѣ текли люди. И сколько разъ, уже наведенные снисходившимъ съ неба смысломъ, умѣли среди бѣла дня попасть вновь въ непроходимыя захолустья, умѣли напустить вновь слѣпой туманъ другъ другу въ очи и, влачась вслѣдъ за болотными огнями, умѣли таки добраться до пропасти, чтобы потомъ съ ужасомъ спросить другъ друга, гдѣ выходъ, гдѣ дорога? Видитъ теперь все ясно текущее поколѣніе, дивится заблужденьямъ, смѣется надъ неразуміемъ своихъ предковъ, не зря, что небеснымъ огнемъ исчерчена сія лѣтопись, что кричитъ въ ней каждая буква, что отовсюду устремленъ пронзительный блескъ на него же, на него, на текущее поколѣніе, но смѣется текущее поколѣніе, и самонадѣянно, гордо начинаетъ рядъ новыхъ заблужденій, надъ которыми также потомъ насмѣются потомки."

Послѣднія страницы послѣдней главы:

— „И какой же Русскій не любитъ скорой ѣзды? Его ли душѣ, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: чортъ побери все! его-ли душѣ не любить ее? Ее ли не любить, когда въ ней слышится что-то восторженно-чудное! Кажись, невидимая сила подхватила тебя на крыло къ себѣ, и самъ летишь и все летитъ: летятъ версты, летятъ навстрѣчу купцы на облучкахъ своихъ кибитокъ, летитъ съ обѣихъ сторонъ лѣсъ съ темными строями елей и соснъ, съ топорнымъ стукомъ и вороньимъ крикомъ, летитъ вся дорога ни вѣсть куда въ пропадающую даль, и что-то страшное заключено въ семъ быстромъ мельканьи, гдѣ не успѣваетъ означиться пропадающій предметъ; только небо надъ головою, да легкія тучи, да продирающійся мѣсяцъ, одни красуются недвижны. Эхъ, тройка! птица тройка, кто тебя выдумалъ? Знать, у бойкаго народа ты могла только родиться, въ той землѣ, что не любитъ шутить, а ровнемъ гладнемъ раскатнулась на полъ-свѣта, да и ступай считать версты, пока не зарябитъ тебѣ въ очи. И не хитрый, кажись, дорожный снарядъ, не желѣзнымъ схваченъ винтомъ, а наскоро, живьемъ, однимъ топоромъ да долотомъ снарядилъ и собралъ тебя ярославскій расторопный мужикъ. Не въ нѣмецкихъ ботфортахъ ямщикъ: борода да рукавицы, и сидитъ чортъ знаетъ на чемъ; а привсталъ, да замахнулся, да затянулъ пѣсню — кони вихремъ, спицы въ колесахъ смѣшались въ одинъ гладкій кругъ, только дрогнула дорога, да вскрикнулъ въ испугѣ остановившійся пѣшеходъ! И вотъ она понеслась, — понеслась,—понеслась! И вонъ уже видно вдали, какъ что-то пылитъ и сверлитъ воздухъ.

Не такъ-ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься? Дымомъ дымится надъ тобою дорога, гремятъ мосты, все отстаетъ и остается позади. Остановился пораженный Божьимъ чудомъ созерцатель. Не молнія-ли это, сброшенная съ неба? Что значитъ это наводящее ужасъ движенье, и что за невѣдомая сила заключена въ сихъ невѣдомыхъ свѣтомъ коняхъ? Эхъ, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидятъ въ вашихъ гривахъ? Чуткое-ли ухо горитъ во всякой вашей жилкѣ? Заслышали-ли съ вышины

знакомую пѣсню, дружно и разомъ напрягли мѣдныя груди, и, почти не тронувъ копытами земли, превратились въ однѣ вытянутыя линіи, летящія по воздуху, и мчится вся вдохновенная Богомъ!.. Русь, куда-жъ несешься ты, дай отвѣтъ?.. Не даетъ отвѣта! Чуднымъ звономъ заливается колокольчикъ, гремитъ и становится вѣтромъ въ груди разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что ни есть на землѣ, и косясь посторониваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства“.

Все начинается съ сознанія, и пока нѣтъ сознанія, не можетъ быть и помину о возможности. Сознание—это свѣтлая заря, пророчествующая лучезарный востокъ дѣйствительнаго исполненія... Въ этомъ отношеніи національное значеніе поэмы Гоголя столь велико, что если оно можетъ скользнуть безпривѣтно по душѣ какого-нибудь изъ русскихъ, въ патріотизмѣ того, несмотря на всѣ патріотическіе возгласы въ нужныхъ случаяхъ, смѣло усомниться можно... Нѣтъ, сердце сердцу вѣсть даетъ, по выраженію одного изъ старыхъ нашихъ поэтовъ... И вся Русь православная, вопреки крикамъ нѣкоторыхъ критиковъ, давнымъ-давно уже усвоила себѣ этотъ драгоцѣннѣйшій подарокъ ей одного изъ сыновъ ея, пламенѣющихъ къ ней, общей нашей матери, чистою, а не лицемѣрною, не безотчетною, а разумною любовью.

P. S. На вопросъ: неужели нѣтъ недостатковъ въ поэмѣ Гоголя? я буду отвѣчать словами Лонгина: „То, что безпогрѣшно, не порицается только; великому же удивляются“. И затѣмъ рекомендую прочесть изъ трактата Лонгина: „О Высокомъ“ хоть въ русскомъ переводѣ Мартынова, главы, гдѣ онъ разрѣшаетъ вопросъ: *Что лучше, совершенная-ли посредственность безъ высокаго, или* высокое, съ нѣкоторыми несовершенствами?..

„Отечественныя Записки“. Статья Н. М.

Сочиненія Николая Гоголя. Четыре тома.

*) Въ нынѣ вышедшихъ четырехъ частяхъ сочиненій Гоголя собрано все, что написалъ г. Гоголь, кромѣ „Мертвыхъ Душъ“, еще не оконченныхъ. Первая часть содержитъ въ себѣ „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“, повѣсти, изданныя пасѣчникомъ Рудымъ Панькомъ. Въ предисловіи авторъ говоритъ, что всю ее слѣдовало бы исключить вовсе, какъ „первоначальные ученическіе опыты, недостойные строгаго вниманія читателя“. Но „при нихъ чувствовались первыя сладкія минуты молодого вдохновенія“, и г. Гоголю „стало жалко исключить ихъ, какъ жалко исторгнуть изъ памяти первыя игры невозвратной „юности...“

Во второй части содержится „Миргородъ“, — повѣсти, служащія продолженіемъ „Вечеромъ на хуторѣ близъ Диканьки“. Ихъ четыре: „Старосвѣтскіе Помѣщики“, „Вій“, „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Иванычъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“, „Тарасъ Бульба“. Три первыя оставлены въ прежнемъ видѣ; „Тарасъ Бульба“ значительно передѣланъ. Торопясь къ новымъ сочиненіямъ г. Гоголя, не будемъ распространяться о передѣлкѣ. Скажемъ только, что герой повѣсти въ новомъ своемъ видѣ гораздо болѣе правдоподобенъ. То, что было хорошо въ прежнемъ „Бульбѣ“, осталось нетронуто, что было слабо исключено или замѣнено, по большей части, очень удачно; развито и представлено въ дѣйствіи много идей и сценъ, о которыхъ въ первомъ изданіи было только намекнуто. Нѣтъ надобности прибавлять, что повѣсть выиграла какъ въ занимательности, такъ и въ объемѣ.

Третья часть называется „Разныя Повѣсти“ и содержитъ въ себѣ, кромѣ извѣстныхъ уже публикѣ повѣстей — „Невскій Проспектъ“, „Носъ“, „Портретъ“, „Коляска“, „Записки Сумасшедшаго“, новую повѣсть, „Шинель“. Въ од-

*) „Литературная Газета“ 1843 г., № 11.

номъ департаментѣ служилъ чиновникъ, нельзя сказать, чтобы очень замѣчательный, низенькаго роста, нѣсколько рябоватъ, нѣсколько рыжеватъ, нѣсколько даже на видъ подслѣповатъ, съ небольшой лысиной на лбу, съ морщинами по обѣимъ сторонамъ щекъ и цвѣтомъ лица, что называется, геморроидальнымъ. Фамилія чиновника была Башмачкинъ; когда, въ какое время и какимъ образомъ она произошла отъ башмака — неизвѣстно. И отецъ, и дѣдъ, и даже шуринъ и всѣ Башмачкины ходили въ сапогахъ. Звали чиновника: Акакій Акакіевичъ. Для тѣхъ, кому бы показалось такое имя страннымъ и выисканнымъ, авторъ поставляетъ на видъ обстоятельства, по которымъ Башмачкина назвать иначе было нельзя. Родился Акакій Акакіевичъ противъ ночи, если только не измѣняетъ память, на 23-е марта. Покойница матушка, чиновница и очень хорошая женщина, расположилась, какъ слѣдуетъ, окрестить ребенка. Матушка еще лежала на кровати противъ дверей, а по правую руку стоялъ кумъ, превосходнѣйшій человѣкъ, Иванъ Ивановичъ Ерошкинъ, служившій столоначальникомъ въ Сенатѣ, и кума, жена квартальнаго офицера, женщина рѣдкихъ добродѣтелей, Арина Семеновна Бѣлобрюшкова. Родительницѣ предоставили на выборъ любое изъ трехъ, какое она хочетъ выбрать, Моккія, Соссія или назвать ребенка во имя мученика Хоздазата. „Нѣтъ, подумала покойница, имена то все такія“. Чтобы угодить ей, развернули календарь въ другомъ мѣстѣ; вышли опять три имени: Трефилій, Дула и Варахасій. „Вотъ это наказаніе“, проговорила старуха: „какія все имена, я право и не слыхивала такихъ. Пусть бы еще Варадатъ или Варухъ, а то Трефилій и Варахасій“. Еще переворотили страницу—вышли: Павсикахій и Вахтисій. „Ну ужъ я вижу, сказала старуха:—что, видно, его такая судьба. Ужъ если такъ, пусть будетъ называться, какъ и отецъ его. Отецъ былъ Акакій, такъ и пусть и сынъ будетъ Акакій.

Когда поступилъ въ департаментъ Акакій Акакіевичъ и кто опредѣлилъ его—никто не помнитъ. Сколько ни перемѣнялось директоровъ и всякихъ начальниковъ, его

видѣли все въ томъ же положеніи въ той же самой должности, тѣмъ же чиновникомъ для письма. Въ департаментѣ его не уважали нисколько. Сторожа ему не кланялись, молодые чиновники надъ нимъ подсмѣивались; начальники обращались съ нимъ холодно, даже деспотически; онъ ни на что не сердился—былъ смиренъ и нѣмъ, какъ рыба. Онъ служилъ такъ усердно, что если-бъ соразмѣро его рвенію давали ему награды, то онъ, къ изумленію своему, можетъ-быть, попалъ бы даже въ статскіе совѣтники. Впрочемъ, одинъ директоръ, добрый человѣкъ, желая вознаградить Акакія Акакіевича за долгую службу, приказалъ дать ему что-нибудь поважнѣе, чѣмъ обыкновенное переписываніе, именно изъ готоваго уже дѣла ему велѣно было сдѣлать какое то отношеніе въ другое присутственное мѣсто; дѣло состояло только въ томъ, чтобы перемѣнить заглавный титулъ, да перемѣнить кое-гдѣ глаголы изъ перваго лица въ третье. Это задало ему такую работу, что онъ вспотѣлъ совершенно, теръ лобъ и, наконецъ, сказалъ: „нѣтъ, лучше дайте я перепишу что-нибудь". Съ тѣхъ поръ оставили его навсегда переписывать. Внѣ службы Акакій Акакіевичъ былъ очень беззаботенъ, ходилъ неряхою и, кромѣ того, имѣлъ искусство поспѣвать, ходя по улицамъ, подъ окно именно въ то самое время, когда изъ него выбрасывали всякую дрянь. Жалованья получалъ онъ 420 рублей. Акакій Акакіевичъ. герой новой повѣсти г. Гоголя, обрисованъ превосходно: ни одна черта не забыта, ни одинъ тончайшій оттѣнокъ не ускользнулъ отъ наблюдательнаго взора автора. Но что, казалось бы, можно сдѣлать изъ такого человѣка, чѣмъ приковать къ нему вниманіе читателей,—какъ найти въ его однообразной, безсознательной, грубоспокойной жизни элементы для повѣсти, которая бы занимала и трогала?.. Вотъ тутъ-то и задача, которую задалъ себѣ авторъ, и которую разрѣшилъ онъ прекрасно. Подумайте, что Акакій Акакіевичъ человѣкъ совершенно безъ интересовъ, безъ страстей. Его интересы мелки, его страсти еще мельче, если онѣ есть. Правда, они долго дремали, теперь пришла пора имъ проснуться: морозъ далъ почув-

ствовать Акакію Акакіевичу, что шинель его очень ветха, а портной Петровичъ рѣшительно отказался чинить ее, говоря, что необходимо сдѣлать новую. Новую!.. Знаете вы, что значитъ для человѣка, получающаго 400 рублей жалованья, сдѣлать новую шинель? Гдѣ взять денегъ? Награжденіе, ожидаемое къ празднику, Акакій Акакіевичъ уже размѣстилъ—требовалось завести новыя панталоны, заплатить сапожнику старый долгъ, да заказать три рубашки, да штуки двѣ того бѣлья, которое неприлично называть въ печатномъ слогѣ. Акакій Акакіевичъ имѣлъ обыкновеніе отъ каждаго рубля откладывать по грошу, такимъ образомъ у него составилась сумма въ сорокъ рублей, но гдѣ взять еще сорокъ?.. Шинель будетъ стоить не менѣе восьмидесяти. Съ величайшимъ трудомъ, съ лишеніями необыкновенными сопряжено было для Акакія Акакіевича скопленіе недостающей суммы; но вотъ, наконецъ, онъ все преодолѣлъ: шинель заказана. И вотъ она, наконецъ, готова. Петровичъ явился съ шинелью, какъ слѣдуетъ хорошему портному. Въ лицѣ его показалось выраженіе такое значительное, какого Акакій Акакіевичъ никогда еще не видалъ. Казалось, онъ чувствовалъ въ полной мѣрѣ, что сдѣлалъ не малое дѣло и что вдругъ показалъ въ себѣ бездну, раздѣляющую портныхъ, которые подставляютъ только подкладки и переправляютъ, отъ тѣхъ, которые шьютъ заново. Онъ вынулъ шинель изъ носового платка, въ которомъ ее принесъ; платокъ былъ только что отъ прачки; онъ уже потомъ свернулъ и положилъ его въ карманъ для употребленія. Вынувши шинель, онъ весьма гордо посмотрѣлъ и, держа въ обѣихъ рукахъ, набросилъ весьма ловко на плеча Акакію Акакіевичу; потомъ потянулъ и осадилъ ее сзади рукой книзу, потомъ драпировалъ ею Акакія Акакіевича нѣсколько нараспашку. Акакій Акакіевичъ, какъ человѣкъ въ лѣтахъ, хотѣлъ помѣрять въ рукава, Петровичъ помогъ надѣть и въ рукава - вышло, что и въ рукава было хорошо. Словомъ, оказалось, что шинель была совершенно и какъ разъ въ пору. Петровичъ не упустилъ при семъ случаѣ сказать, что онъ только потому, что живетъ безъ

вывѣски на небольшой улицѣ и притомъ давно знаетъ Акакія Акакіевича, взялъ такъ дешево, а на Невскомъ проспектѣ съ него взяли бы за одну только подкладку семьдесятъ пять рублей. Акакій Акакіевичъ объ этомъ не хотѣлъ разсуждать съ Петровичемъ, да и боялся всѣхъ сильныхъ суммъ, какими Петровичъ любилъ запускать пыль. Онъ расплатился съ нимъ, поблагодарилъ и вышелъ тутъ же въ новой шинели въ департаментъ. Петровичъ вышелъ вслѣдъ за нимъ, и, остановясь на улицѣ, долго еще смотрѣлъ издали на шинель, и потомъ пошелъ нарочно въ сторону, чтобы, обогнувши кривымъ переулкомъ, забѣжать вновь на улицу и посмотрѣть еще разъ на свою шинель, съ другой стороны, то-есть прямо въ лицо. Между тѣмъ Акакій Акакіевичъ шелъ въ самомъ праздничномъ расположеніи чувствъ. Онъ чувствовалъ всякій мигъ минуты, что на плечахъ его новая шинель, и нѣсколько разъ даже усмѣхнулся отъ внутренняго удовольствія. Въ самомъ дѣлѣ, двѣ выгоды: одно то, что тепло, а другое, что хорошо. Дороги онъ не примѣтилъ вовсе и очутился вдругъ въ департаментѣ; въ швейцарской онъ скинулъ шинель, осмотрѣлъ ее кругомъ и поручилъ въ особенный надзоръ швейцару.

Въ департаментѣ, неизвѣстно какимъ образомъ, всѣ вдругъ узнали, что у Акакія Акакіевича новая шинель, и въ ту же минуту выбѣжали въ переднюю смотрѣть и хвалить ее. Потомъ начали напрашиваться на „спрыски". Акакій Акакіевичъ пришелъ въ замѣшательство; его выручилъ какой-то помощникъ столоначальника, вызвавшись, вмѣсто него, дать вечеръ, и пригласивъ тутъ же всѣхъ чиновниковъ, не исключая и Акакія Акакіевича. Акакій Акакіевичъ началъ было отговариваться, но общія просьбы и случай пройтись вечеромъ въ новой шинели подстрекнули его. Онъ далъ слово. Наступилъ вечеръ, и Акакій Акакіевичъ, надѣвъ шинель, вышелъ на улицу. Путь лежалъ черезъ пустые, грязные переулки, въ одну изъ лучшихъ петербургскихъ улицъ. Акакій Акакіевичъ, не выходившій уже нѣсколько лѣтъ по вечерамъ, встрѣтилъ на пути много для себя новаго. Но вотъ онъ, наконецъ,

пришелъ. Повѣсивши свою шинель, вошелъ въ комнату. Здѣсь начали его поить сначала чаемъ, потомъ подали ужинъ и шампанскаго. Акакій Акакіевичъ просился нѣсколько разъ домой, но его не пустили. Наконецъ, часовъ въ двѣнадцать онъ вышелъ потихоньку изъ комнаты, надѣлъ на плеча шинель, которую съ сожалѣніемъ увидѣлъ лежавшею на полу, и пустился въ обратный путь. Скоро потянулись передъ нимъ тѣ пустынныя улицы, которыя даже и днемъ не слишкомъ-то веселы, и вотъ онъ приблизился къ тому мѣсту, гдѣ перерѣзывалась улица безконечною площадью. На него напалъ невольный страхъ. Онъ оглянулся назадъ и по сторонамъ: точно море вокругъ него. „Нѣтъ лучше и не глядѣть“, подумалъ онъ, и шелъ, закрывъ глаза, и когда открылъ ихъ, чтобъ узнать, близко ли конецъ площади, увидѣлъ вдругъ, что передъ нимъ стоятъ, почти передъ носомъ, какіе-то люди съ усами, какіе именно ужъ этого онъ не могъ даже различить. У него затуманило въ глазахъ и забилось въ груди. „А, вѣдь, шинель-то моя!“ сказалъ одинъ изъ нихъ громовымъ голосомъ, схвативши его за воротникъ. Акакій Акакіевичъ хотѣлъ было уже закричать „караулъ“, какъ другой приставилъ ему къ самому рту кулакъ, величиною съ чиновничью голову, промолвивъ: „а вотъ только крикни“!

Акакій Акакіевичъ прибѣжалъ домой безъ шинели, въ совершенномъ безпорядкѣ; волосы его растрепались, бокъ и грудь и всѣ панталоны были въ снѣгу. Ночь провелъ онъ въ ужасныхъ мукахъ; день не былъ въ присутствіи; по утру рано былъ у частнаго,—но безъ успѣха. На другой день, по совѣту добраго человѣка, онъ пошелъ къ одному значительному лицу. Значительному лицу почему-то показалось обращеніе съ нимъ Акакія Акакіевича фамильярнымъ. Онъ задалъ ему нагоняй, который такъ озадачилъ Акакія Акакіевича, что если бы его не поддержали тутъ же сторожа, то онъ шлепнулся бы на полъ, его вынесли почти безъ движенія... Акакій Акакіевичъ на дорогѣ въ свою квартиру простудился, слегъ въ постель, нѣсколько дней бредилъ шинелью, значительнымъ

лицомъ, Петровичемъ, и, наконецъ, душа его воспарила въ обитель горнюю... Но кто бы могъ вообразить, говоритъ авторъ, что здѣсь не все еще объ Акакіи Акакіевичѣ, что суждено ему на нѣсколько дней прожить шумно послѣ своей смерти, какъ бы въ награду за непримѣченную никѣмъ жизнь. Разнеслась молва, что у Калинкина моста и далѣе сталъ показываться по ночамъ мертвецъ, стаскивающій шинели со всѣхъ плечъ, не разбирая чина и званія. Всѣ, видѣвшіе мертвеца, находили въ немъ разительное сходство съ Акакіемъ Акакіевичемъ. Мертвецъ-чиновникъ наводилъ не малый страхъ на всѣхъ робкихъ людей. Однажды ночью значительное лицо ѣхало къ Каролинѣ Ивановнѣ. Вдругъ оно почувствовало, что его ухватилъ кто-то весьма крѣпко за воротникъ. Сцена произошла ужасная: блѣдный человѣкъ,—безъ сомнѣнія, мертвецъ - Акакій Акакіевичъ,—стащилъ шинель съ значительнаго лица, которое очень перепугалось и сказало своему кучеру: „пошелъ во весь духъ домой"... Съ тѣхъ поръ появленіе чиновника-мертвеца совершенно прекратилось.

Впрочемъ, многіе дѣятельные и заботливые люди никакъ не хотѣли успокоиться и поговаривали, что въ дальнихъ частяхъ города все еще показывается чиновникъ-мертвецъ. И точно, одинъ коломенскій будочникъ видѣлъ собственными глазами, какъ показалось изъ-за одного дома привидѣніе; но будучи по природѣ своей нѣсколько безсиленъ, такъ что одинъ разъ обыкновенный взрослый поросенокъ, кинувшись изъ-за какого-то частнаго дома, сшибъ его съ ногъ, къ величайшему смѣху стоявшихъ вокругъ извозчиковъ, съ которыхъ онъ вытребовалъ за такую издѣвку по грошу на табакъ, — и такъ, будучи безсиленъ, онъ не посмѣлъ остановить его, а такъ шелъ за нимъ въ темнотѣ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, привидѣніе вдругъ оглянулось и, остановясь, спросило: „тебѣ чего хочется"? и показало такой кулакъ, какого и у живыхъ не найдешь. Будочникъ сказалъ: „ничего" да и поворотилъ тотъ же часъ назадъ. Привидѣніе, однакожъ, было уже гораздо выше ростомъ, носило преогромные

усы, и направивъ шаги, какъ казалось, къ Обухову мосту, скрылось совершенно въ ночной темнотѣ...

Повѣсть „Портретъ“, находящаяся также въ третьемъ томѣ, несмотря на значительныя передѣлки и дополненія, все-таки осталась однимъ изъ слабѣйшихъ произведеній г. Гоголя. Первая половина лучше второй.

Четвертый томъ содержитъ въ себѣ комедіи. „Ревизоръ“ опять внимательно пересмотрѣнъ, урѣзанъ, пополненъ и снабженъ эпиграфомъ (на зеркало неча пенять, коли рожа крива), который названъ народною пословицею. За „Ревизоромъ“ слѣдуетъ „Женитьба“, совершенно невѣроятное происшествіе, въ двухъ дѣйствіяхъ, которое публика недавно видѣла на сценѣ подъ именемъ комедіи... За „Женитьбою“ слѣдуютъ „Игроки“, происшествіе, по нашему мнѣнію, очень вѣроятное, которое недавно съ большимъ успѣхомъ было представлено на московской сценѣ въ бенефисъ г. Щепкина. Послѣ Пасхи оно будетъ представлено и у насъ въ Петербургѣ, слѣдовательно, мы будемъ имѣть случай подробно поговорить о немъ. Пока скажемъ, что „Игроки“ одно изъ удачнѣйшихъ драматическихъ сочиненій г. Гоголя: дѣйствіе кипитъ жизнью живой и естественной, лица удивительно натуральны, положенія интересны и остроумны поразительно .. Но самый драгоцѣнный перлъ, который принесли намъ „Сочиненія г. Гоголя“ — это безспорно „Разъѣздъ изъ театра послѣ представленія новой комедіи“ .. Много глубокихъ и прекрасныхъ истинъ высказано здѣсь, теплой любовью къ человѣчеству согрѣта здѣсь каждая мысль, умомъ необыкновеннымъ и сердцевѣдѣніемъ отзывается каждое слово. Читаешь и не вѣришь, какъ могъ авторъ обнять такъ много умовъ, разгадать такъ много сердецъ, войти по одиночкѣ въ сферу понятій, вѣрованій и привычекъ каждаго изъ множества лицъ, составляющихъ такъ называемую „публику“. Болѣе ста лицъ проходятъ передъ нами въ „Театральномъ Разъѣздѣ“. Одинъ броситъ мысль, другой безсмыслицу, тотъ скажетъ одно только слово, другой наговоритъ цѣлый коробъ, третій самъ ничего не скажетъ, а только доскажетъ чужое, четвертый только моргнетъ

бровями, — тотъ сердится, тотъ хвалитъ, — тотъ говоритъ вздоръ, не понимая дѣла, тотъ понимаетъ дѣло, но говоритъ вздоръ, тотъ кричитъ о завязкѣ, тому чтобъ была любовь, тотъ недоволенъ, но хохочетъ во все горло, другой очень доволенъ, но ему отчего-то грустно; словомъ, каждая голова, каждая шляпка, шинель, каждый мундиръ, каждый фракъ, каждый армякъ, думаютъ по своему и говорятъ по своему. Нѣтъ спора, нуженъ большой талантъ, чтобы нарисовать сколько-нибудь сходный портретъ стоглаваго чудовища, которое зовутъ публикою... Авторъ, лицо идеальное, въ которомъ изображено положеніе въ обществѣ комика, избравшаго предметомъ своимъ осмѣяніе злоупотребленій въ кругу различныхъ сословій и должностей, — выходитъ въ театральныя сѣни. Слышенъ отдаленный гулъ рукоплесканій — и вскорѣ сѣни начинаютъ наполняться народомъ. Авторъ становится за колонну и слушаетъ. Приведемъ небольшой отрывокъ изъ того, что онъ услышалъ.

Господинъ А.

Признаться, вы меня извините, но мнѣ самому невольно представился вопросъ: а что скажетъ народъ, глядя на все это?

Очень скромно-одѣтый человѣкъ.

Что скажетъ народъ? (посторанивается, проходятъ двое въ армякахъ).

Синій армякъ сѣрому.

Небось, прыткіе были воеводы, а всѣ поблѣднѣли, когда пришла царская расправа! (оба выходятъ вонъ).

Очень скромно-одѣтый человѣкъ.

Вотъ, что скажетъ народъ, вы слышали?

Господинъ А.

Что?

Очень скромно-одѣтый человѣкъ.

Скажетъ: „прыткіе были воеводы, а всѣ поблѣднѣли, какъ пришла царская расправа!“ Слышите-ли вы, какъ вѣренъ естественному чутью и чувству человѣкъ? Какъ вѣренъ самый простой глазъ, если онъ не отуманенъ теоріями и мыслями, надерганными изъ книгъ, а черпаетъ ихъ изъ самой природы человѣка? Да развѣ это не очевидно, что послѣ такого представленія народъ получитъ болѣе вѣры въ правительство? Да, для него нужны такія представленія. Пусть видитъ онъ, что злоупотребленія происходятъ не отъ правительства, а отъ непонимающихъ цѣлей правительства, отъ нехотящихъ отвѣтствовать правительству Пусть онъ видитъ, что благородно правительство, что бдитъ равно надъ всѣмъ его недремлющее око, что рано или поздно настигнетъ оно измѣнившихъ закону, чести и святому долгу человѣка; что поблѣднѣютъ передъ нимъ имѣющіе нечистую совѣсть. Да, эти представленія ему должно видѣть; повѣрьте, что если и случится ему испытать на себѣ прижимки и несправедливости, онъ выйдетъ утѣшенный послѣ такого представленія, съ твердой вѣрой въ недремлющій высшій законъ. Мнѣ нравится тоже замѣчаніе: „народъ получитъ дурное мнѣніе о своихъ начальникахъ“. То-есть, они воображаютъ, что народъ только здѣсь, въ первый разъ, въ театрѣ, увидитъ своихъ начальниковъ; что если дома какой-нибудь плутъ староста сожметъ его въ лапу, такъ это никакъ онъ не увидитъ, а вотъ какъ пойдетъ въ театръ, тогда и увидитъ. Они, право, народъ нашъ считаютъ глупѣе бревна, глупымъ до такой степени, что будто ужъ онъ не въ силахъ отличить, который пирогъ съ мясомъ и который съ кашей. Нѣтъ, теперь мнѣ кажется даже хорошо, что не выведенъ на сцену честный человѣкъ. Самолюбивъ человѣкъ. Выстави ему при множествѣ дурныхъ сторонъ одну хорошую, онъ ужъ гордо выйдетъ изъ театра. Нѣтъ, хорошо, что выставлены одни только исключенія и пороки, которые колютъ теперь до того глаза, что не хотятъ быть ихъ соотечественниками, стыдятся даже, что это можетъ быть.

Господинъ А.

Но неужели, однакожъ, существуютъ у насъ точь-въ-точь такіе люди?

Очень скромно-одѣтый человѣкъ.

Позвольте мнѣ сказать вамъ на это вотъ что: я не знаю, почему мнѣ всякій разъ становится грустно, когда слышу подобный вопросъ. Я могу съ вами говорить откровенно: въ чертахъ лица вашихъ я вижу что-то такое, что располагаетъ меня къ откровенности. Человѣкъ прежде всего дѣлаетъ вопросъ: „неужели существуютъ такіе люди?“ Но когда было видано, чтобы человѣкъ сдѣлалъ такой вопросъ: „неужели я самъ чистъ вовсе отъ такихъ пороковъ?“ Никогда, никогда! Да вотъ что: я буду съ вами говорить прямо. У меня доброе сердце, любви много въ моей груди, но если бъ вы знали, какихъ душевныхъ усилій и потрясеній мнѣ стоило, чтобы не впасть во многія порочныя наклонности, въ которыя впадаешь невольно, живя съ людьми. И какъ я могу сказать, что во мнѣ нѣтъ сію же минуту тѣхъ самыхъ наклонностей, которымъ только что посмѣялись назадъ тому десять минутъ всѣ, и надъ которыми я самъ смѣялся.

Господинъ А., послѣ нѣкотораго молчанія.

Признаюсь, надъ словами вашими призадумаешься...

Пожелаемъ, чтобы г. Гоголь, котораго каждое новое произведеніе далеко оставляетъ за собой предыдущее, продолжалъ идти впередъ, — не смущаясь отъ недостойныхъ его вниманія умышленныхъ порицаній, не увлекаясь излишними похвалами и вообще осторожно оберегаясь отъ всего, что можетъ помѣшать полному и правильному развитію его прекраснаго самобытнаго дарованія...

Изъ „Литературной Газеты“ за 1843 г.

* *
*

*) Одно изъ величайшихъ несчастій, какія только могутъ на литературномъ поприщѣ постигнуть человѣка съ истиннымъ дарованіемъ, это ослѣпленіе непомѣрнымъ тщеславіемъ. Писатель, которому злая судьба послала это прискорбное ослѣпленіе, неизбѣжно теряетъ во всѣхъ отношеніяхъ: онъ не видитъ своихъ недостатковъ, не можетъ ничего развить и усовершенствовать въ своемъ талантѣ; пароксизмы необузданной самонадѣянности нерѣдко повергаютъ его въ дикія корчи самолюбія, которыя дѣлаютъ его смѣшнымъ въ глазахъ читателей, и люди основательные невольно начинаютъ даже сомнѣваться въ существенности такого таланта: они знаютъ какъ нельзя лучше, что первый инстинктъ большого дарованія и хорошей науки недовѣрчивость къ собственнымъ своимъ силамъ, или то чувство слабости человѣческаго искусства въ сравненіи съ могуществомъ природы и творческой мысли, которое въ людяхъ съ высшимъ умственнымъ назначеніемъ необходимо поселяетъ робость и сомнѣніе въ самомъ себѣ. Авторская скромность — не пустая выдумка. У великихъ писателей она всегда была природнымъ результатомъ ихъ генія; у посредственностей она - искусное подражаніе великимъ писателямъ и хорошее средство скрыть недостатокъ въ геніи. Авторъ этихъ „Сочиненій" началъ, какъ извѣстно, свое литературное поприще изданіемъ собранія нѣсколькихъ анекдотовъ, разсказанныхъ въ видѣ небольшихъ повѣстей подъ заглавіемъ: „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки".

Эти анекдоты разсказы или повѣсти понравились. Въ нихъ пробивался, возлѣ пріятнаго дарованія, особенный провинціальный юморъ, малороссійское жартованіе, котораго типъ и идеалъ - малороссійская Энеида.

Выше этого знаменитаго творенія, съ такимъ наслажденіемъ перечитываемаго земляками поэта, украинскій юморъ не создалъ ничего. Эпитеты Котляревскаго, иногда черезчуръ отважные, другіе замѣняютъ словами болѣе гармоническими, подлецъ, свинья, каналья, нагружая свои

*) „Библіотека для Чтенія" 1843 г., отд. 6, стр. 21—28.

картины пудами прибавочной грязи (по-малороссійски поэзии.. Конечно, такой способъ быть забавнымъ нисколько не согласуется съ изяществомъ литературныхъ понятій: но какъ въ первыхъ повѣстяхъ господина Гоголя господствовала нѣкоторая воздержность, и какъ притомъ предметы этихъ повѣстей были заимствованы большею частью изъ мѣстныхъ преданій и требовали мѣстнаго колорита, то и этотъ украинскій юморъ не произвелъ своимъ запахомъ и цвѣтомъ слишкомъ непріятнаго ощущенія. Было сносно. Но большое тщеславие, среди перваго успѣха, всегда плыветъ въ лодкѣ безъ веселъ и руля, увлекаясь игрою волнъ, въ которыя попасть ему случилось. Это судьба каждаго тщеславія. Первое пріятное качаніе волнъ убаюкиваетъ его: оно предается льстивымъ сновидѣніямъ, а между тѣмъ лодка несется, и дарованіе очутилось въ грязномъ прибережьѣ, въ вязкой тинѣ, закрытой тростникомъ. Жарты, болѣе или менѣе забавныя шутки, картины не совсѣмъ миловидныя повторились съ большимъ изобиліемъ въ другомъ собраніи анекдотовъ-повѣстей автора, изданныхъ подъ заглавіемъ „Миргородъ“. Около того же времени явился въ свѣтъ рядъ болѣе серьезныхъ статей того же пера, окрещенный „Арабесками“.

Этотъ томикъ много повредилъ ему въ мнѣніи людей основательныхъ: страшное тщеславіе пробивалось сквозь каждую строчку: заносчивыя сужденія о предметахъ, очевидно, извѣстныхъ писателю очень поверхностно, напыщенность выраженій, замашки старой семинарской риторики, жестокое притязаніе на блестящій слогъ—при печальномъ неустройствѣ фразы и неумѣньѣ владѣть языкомъ, —все это весьма непріятно поразило тѣхъ, которые, по двумъ первымъ книгамъ, радовались появленію примѣчательнаго таланта, надѣясь, что онъ современемъ образуется, очистится и подчинитъ себя законамъ хорошаго вкуса. Надежда эта уже не могла сбыться при такомъ направленіи ума молодого писателя. Онъ смѣло, и даже съ гордостью, брелъ далѣе и далѣе въ тину украинскаго юмора, хотя должно сказать тутъ же, съ большею зрѣлостью автора произведенія его получали болѣе окончатель-

ности до такой степени, что „Старосвѣтскіе Помѣщики“, обрисованные опять по нѣсколькимъ мѣстнымъ анекдотамъ, относительно къ повѣствовательному искусству могли уже почитаться образцомъ наивности и деревенской прелести. Это—совершенно малороссійская идиллія, но идиллія, исполненная художественной истины. Съ другой стороны, „Тарасъ Бульба“, новый старый анекдотъ въ разсказѣ, представилъ повѣсть превосходно обдуманную, согрѣтую живымъ чувствомъ, исполненную характернаго мѣстнаго колорита. Чтобы усовершенствовать эту прекрасную повѣсть, стоило только исправить въ ней русскій языкъ, придать нѣсколько болѣе логической строгости фразѣ, устранить грубые жарты и немножко обмыть нѣкоторыя картины. Но тщеславіе никогда не знаетъ своихъ настоящихъ выгодъ. Понятія автора о своемъ значеніи въ искусствѣ раздувались болѣе и болѣе. Литературная котерія, имѣвшая нужду въ его талантѣ, разгорячала это болѣзненное тщеславіе необузданными панегириками, чтобы удобнѣе имъ пользоваться. Автору показались его повѣсти великими идеями, потому что онѣ построены изъ крупныхъ анекдотовъ, и онъ, повѣривъ лести, сталъ приписывать имъ не только поэтическую, но даже и философскую важность. Онъ довѣрился коварнымъ совѣтамъ, и эти совѣты были пустой плескъ волнъ. Въ собраніи его „Сочиненій“ мы уже не видимъ прежняго Тараса: изъ обширной по сюжету, но хорошо сжатой повѣсти, раскинулась цѣлая украинская пустыня, и большая часть достоинствъ прежняго „Бульбы“ утонула въ степномъ ковылѣ. Еще заслуженный успѣхъ,—къ нему повелъ снова одинъ старый анекдотъ, передѣланный въ безвидную комедію съ нѣсколькими прекрасными сценами, — и нашъ авторъ, величая свои милыя передѣлки старыхъ анекдотовъ „моими твореніями“, бросился на утлой лодкѣ въ бурное и опасное море. Одною рукою схватилъ онъ за рога бодастую сатиру, а другою, по обыкновенію, пошлый и совершенно нелитературный анекдотъ, отрекся отъ своего стараго добраго конька, безъ утвержденія публики провозгласилъ себя комико-сатирико-философо-поэтомъ, и напалъ, безъ слога, безъ во-

обращенія, безъ доказательствъ о своемъ тонкомъ вкусѣ и чувствѣ приличій, на весь свѣтъ, на всѣ его странности, пороки и недостатки. На худой конецъ, для этого требовалась, по крайней мѣрѣ, наблюдательность, не та, что умѣетъ подмѣчать, въ какомъ мѣстѣ у какого чиновника протерлось платье и какой духъ распространяютъ около себя лакеи, но та наблюдательность, которая слѣдитъ за всѣми біеніями сердца, читаетъ въ душѣ, знаетъ людей и свѣтъ, и умѣетъ опредѣлить, что важно для успѣховъ нравственности, а что не стоитъ вниманія въ обычаяхъ и занятіяхъ сословій. Отсутствіе этой художнической наблюдательности нашъ украинскій юмористъ замѣнилъ коллекціей гротесковъ, оригиналовъ, чудаковъ и плутовъ безъ всякой важности для философической сатиры, ихъ грязныя похожденія объявилъ „перлами своего созданія“; тѣшится надъ ними отъ души, заставляетъ ихъ, ради лирическаго смѣха, сморкаться, чихать, падать и ругаться, сколько душѣ угодно, канальями, подлецами, мошенниками, свиньями, свинтусами, Фетюками; мараетъ ихъ сажей и грязью; льетъ на нихъ всякую нечисть; и все это, въ своемъ тщеславіи, очень серьезно называетъ поэмою, эпопеей, давая уразумѣть, что онъ — новый Гомеръ. Это имя было даже неоднократно произнесено, безъ малѣйшей запинки, органами нашего украинскаго юмориста, тѣми же, которые увѣрили его, будто онъ философъ и поэтъ. Несчастно, сто разъ несчастно дарованіе, которое попадетъ въ кругъ такихъ цѣнителей! Съ тѣхъ поръ, усвоенный имъ юморъ украинскихъ чумаковъ сбросилъ послѣднюю узду вкуса: въ „Чичиковѣ“ нашъ Гомеръ, для вящшей потѣхи, безъ обиняковъ высовывалъ языкъ читателямъ; но въ послѣдней комедіи его, „Женитьба“, твореніи, ниже котораго ничего не сотворило дарованіе человѣческое, эти степные „жарты“ дошли до того, что возбудили отвращеніе даже въ самыхъ неразборчивыхъ любителяхъ крупной театральной соли и жирнаго литературнаго соуса. Въ „Мертвыхъ Душахъ“ обрисовка нѣкоторыхъ характеровъ, безспорно, показываетъ въ авторѣ большой карикатурный талантъ, и есть страницы, гдѣ этотъ талантъ сильно похожъ на

талантъ знаменитаго англійскаго юмориста Диккенса. Честолюбіе нашего украинскаго юмориста, если оно не совсѣмъ уже недоступно благоразумію, должно бы устремиться къ достиженію еще полнѣйшаго сходства съ этимъ писателемъ, и избрать его образцомъ себѣ. Конечно, между литературнымъ саномъ Гомера и чиномъ Диккенса—цѣлая пропасть; но если украинскому юмористу и его „органамъ" удастся когда-нибудь прочесть Гомера и еще кое-что изъ хорошихъ вещей на свѣтѣ, то они очень, очень будутъ рады удержать его для пѣвца Чичикова Надобно же будетъ, рано или поздно, его колоссальному тщеславію подать въ отставку отъ потѣшнаго званія „перваго поэта нашего времени", за неспособностью къ этому званію и за ранами, нанесенными самолюбію: а для отставного Гомера, право, очень лестно не стоять ниже Диккенса! „Записки Пиквикскаго Клуба" разошлись въ первые годы въ числѣ шестидесяти тысячъ экземпляровъ, и до сихъ поръ безпрерывно перепечатываются и читаются. Этотъ страшный успѣхъ долженъ имѣть основаніе. Въ самомъ дѣлѣ, „Записки Пиквикскаго Клуба" едва-ли не самый примѣчательный сатирическій романъ нашего вѣка. Не называя господина Диккенса англійскимъ Сервантесомъ, нельзя однакожъ не видѣть большого сходства между его знаменитымъ романомъ и „Донъ-Кихотомъ" Пиквикъ рѣшительно—англійскій донъ-Кихотъ, донъ-Кихотъ великобританской филантропіи, которая въ наше время пускается въ такіе же подвиги, какъ нѣкогда странствующее рыцарство. Отъ всей души можно пожелать новому Гомеру, чтобы ему удалось сдѣлаться русскимъ Диккенсомъ, но, покамѣстъ, мало надежды. Насчетъ грязи, нашъ Гомеръ можетъ дружески пожать руку англійскому Сервантесу. Въ веселости и карикатурѣ они не уступятъ другъ другу. Но Диккенсъ доказалъ характеромъ Пиквика, что онъ понимаетъ сущность высшаго сатирическаго романа: этотъ характеръ—въ превосходной степени смѣшонъ, и, въ то же время, читатель столько же привязывается къ нему, какъ и къ донъ-Кихоту. Пиквикъ чудесный характеръ, не чета Чичикову, герою „Мертвыхъ Душъ"! Кромѣ

гого. у Диккенса есть воображеніе, изобрѣтательность, планъ, хорошее дѣйствіе: онъ не перестраиваетъ старыхъ анекдотовъ въ мнимые „перлы созданія“, и „Ревизора“ своего не разнообразитъ на разные виды. У Диккенса есть также классическія познанія, образованный вкусъ, чувство приличія: онъ не называетъ своихъ романовъ поэмами, предоставляя этотъ пышный титулъ такимъ „перламъ созданія“, въ которыхъ дѣйствующія лица ругаются какъ извозчики. Наконецъ, у Диккенса есть слогъ: онъ отлично знаетъ свой языкъ, и его „Diary“ можетъ убѣдить всякаго, что онъ владѣетъ въ совершенствѣ всѣми тонкостями хорошаго слога. Еще одно важное преимущество Диккенса передъ русскимъ Гомеромъ: онъ умѣетъ пользоваться замѣчаніями, и не сердится на своихъ критиковъ. Не то чтобъ мы здѣсь боялись гнѣва почтеннѣйшаго Гомера Второго: на насъ раздражительное самолюбіе украинскаго гомериста не можетъ вооружиться. Не за что! мы критики не пишемъ! Гдѣ жъ тутъ критика? Одни чистые факты,—дѣло лѣтописное да и только! Но за своего „Ревизора“, за печатныя и изустныя мнѣнія о „Ревизорѣ“ почтеннѣйшій Гомеръ Второй до того разсердился, что въ защиту этого плохого драматическаго анекдота анекдотъ плохъ: это также—фактъ,—написалъ огромную статью подъ названіемъ „Разъѣздъ“, которымъ и заключается четвертый томъ его „Сочиненій“. Этотъ „Разъѣздъ“ самая смѣшная и жалкая вспышка уязвленнаго тщеславія, которое полагаетъ, будто всѣ точно такъ же заняты судьбою творенія автора „Ревизора“, какъ онъ самъ, между-тѣмъ какъ всѣ давно уже забыли объ его твореніи; самое неудачное подражаніе Байрону, Мицкевичу, Мольеру. Въ этомъ „Разъѣздѣ“ столько лицъ, что и десятой доли ихъ не бываетъ въ Александринскомъ Театрѣ при самыхъ выгодныхъ для дирекціи представленіяхъ „Ревизора“. Всѣ разъѣзжающіеся зрители раздѣляются на двѣ партіи: одни утверждаютъ, что должно бранить чиновниковъ, другіе говорятъ, что не должно. Разумѣется, первые говорятъ немного покрасивѣе; но за то вторые... въ числѣ которыхъ помѣщены и литераторы. Изъ такой діалектики авторъ

начинаетъ выводить результаты въ свою пользу, облекая ораторскую рѣчь свою трагическимъ пафосомъ. Есть минуты, въ которыя читателю становится страшно, чтобы для большаго эффекта почтеннѣйшій Гомеръ Второй не закололся. Къ счастію, онъ пощадилъ себя. Посмѣявшись, по-своему, съ своимъ украинскимъ юморомъ, надъ публикой, надъ критикою, надъ всею этою безсмысленною толпою, которая „не поняла моего творенія“ (да тамъ ровно нечего понимать: это фактъ!); наказавъ память покойнаго Дюра, разбранивъ всѣхъ, расхваливъ себя, авторъ, который, судя по трагическому „Разъѣзду“, уже возненавидѣлъ было и театръ, и публику, и себя, вдругъ ставитъ на сцену другую комедію, другой старый анекдотецъ— „Женитьбу“. Вѣрно, никто не ожидалъ такой комической развязки!.. Но чѣмъ же Дюръ виноватъ? спросите вы.— Какъ, чѣмъ! Онъ долженъ былъ сыграть Хлестакова лицомъ даже добродѣтельнымъ! Такъ хочетъ Гомеръ Второй.—Но мосье Хлестаковъ, возражаете вы, просто негодяй: онъ изволитъ безстыдно обирать чужие карманы и отнимать у бѣдныхъ людей даже полтинники и гривенники—да это лирическій смѣхъ, а не мошенничество!.. Странно только одно: „Ревизоръ“, творенье, котораго никто не понялъ, имѣлъ сначала большой успѣхъ; а „Женитьба“, которую всѣ поняли... какъ не понимать!.. смысла нѣтъ!.. ясно какъ дважды два четыре!.. встрѣчена всеобщимъ отвращеніемъ. Какъ согласить это?.. Развѣ авторъ напишетъ второй „Разъѣздъ“, и отдѣлаетъ по свойски актеровъ и публику за то, что теперь они со страху уже слишкомъ хорошо все поняли, тогда какъ этихъ высокихъ красотъ слѣдовало даже не понимать. Въ изданіи „Сочиненій“ помѣщены нѣкоторые драматическіе отрывки и родъ повѣсти „Шинель“. Все то же, что и въ „Ревизорѣ“, что и въ „Женитьбѣ“, что и въ „Чичиковѣ“: такая же напряженная малороссійская сатира противъ великороссійскихъ чиновниковъ, такія же сказки про игроковъ. Но болѣе всего поразительно въ этомъ изданіи предисловіе, въ которомъ авторъ свои лучшія вещи, именно, „Вечера на Хуторѣ“, совѣтуетъ читателю пропустить безъ вниманія, а заняться

чтеніемъ, вѣроятно, его драматическихъ и сатирическихъ произведеній. Не слушайте его, читатели: обманутый своимъ раздражительнымъ самолюбіемъ, онъ невольно васъ обманываетъ. Это предисловіе—то же что и послѣсловіе, или „Разъѣздъ“. Онъ съ родительскою нѣжностью пристращается къ своимъ хворымъ чадамъ, и насильно хочетъ заставить васъ читать самыя слабыя произведенія свои. Читайте его повѣсти! Еще одно весьма важное явленіе въ этомъ изданіи: авторъ отказался отъ учености въ исключительную пользу сатиры. Всѣ высокопарно-ученыя статьи, блиставшія нѣкогда въ „Арабескахъ“, изъ этого изданія исключены, и объ нихъ ни помина. Вотъ это дѣло! Право не стоитъ хлопотать. Сатирикомъ еще можно притвориться: но ученымъ—никакъ нельзя.

Изъ „Библіотеки для Чтенія“ за 1843 г.

* * *

*) Прошло не болѣе восьми лѣтъ, какъ публикѣ представлены были въ первый разъ первые опыты сочиненій Гоголя. Она приняла ихъ съ тѣмъ вниманіемъ и любопытствомъ, какія возбуждаетъ всегда истинный талантъ. Не знали еще имени автора, которое и послѣ долго было тайною, но живо представляли воображенію прелестныя сцены, которыми сочинитель такъ очаровалъ ихъ. Съ появленіемъ „Современника“ онъ принялъ въ немъ живое участіе. Смерть Пушкина была ударомъ для литературной его дѣятельности. Въ великомъ поэтѣ Гоголь утратилъ истиннаго своего судью, друга и вдохновителя. Никто не цѣнилъ его такъ строго и такъ вѣрно, какъ Пушкинъ. Вотъ его отзывы о второмъ изданіи „Вечеровъ на Хуторѣ близъ Диканьки“: „Читатели (говоритъ Пушкинъ), конечно, помнятъ впечатлѣніе, произведенное надъ ними появленіемъ Вечеровъ на Хуторѣ: всѣ обрадовались этому живому описанію племени, поющаго и пляшущаго, этимъ свѣжимъ картинамъ малороссійской природы, этой веселости, просто-

*) „Современникъ“ 1843 г., т. 29, стр. 408—410.

душной и вмѣстѣ лукавой. Какъ изумились мы русской книгѣ, которая заставляла всѣхъ смѣяться, мы, не смѣявшіеся со времёнъ Фонвизина! Мы такъ были благодарны молодому автору, что охотно простили и неправильность его слога, безсвязность и неправдоподобіе нѣкоторыхъ разсказовъ, предоставя сіи недостатки на поживу критики. Авторъ оправдалъ такое снисхожденіе. Онъ съ тѣхъ поръ непрестанно развивался и совершенствовался. Онъ издалъ Арабески, гдѣ находится его Невскій Проспектъ, самое полное изъ его произведеній. Вслѣдъ за тѣмъ явился Миргородъ, гдѣ съ жадностью всѣ прочли и Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ, эту шутливую, трогательную идиллію, которая заставляетъ васъ смѣяться сквозь слезы грусти и умиленія, и Тараса Бульбу, коего начало достойно Вальтеръ-Скотта (Т. I. Современ., 311 стран.)". Наконецъ, долговременное молчаніе Гоголя прервано было въ прошедшемъ году поэмою его „Мертвыя Души". Мы помѣстили уже подробный разборъ этого произведенія (Т. XXVII Совр., стр. 19, первой нумераціи). Теперь передъ нами Гоголь весь съ его неистощимымъ запасомъ истинно-художническаго юмора, глубокой задумчивости, рѣзкой насмѣшливости, живыхъ представленій, то возвышенно-умилительныхъ, то неподражаемо-комическихъ. Онъ повсюду полонъ истины, силы разнообразія и увлекательности. Въ изданномъ нынѣ собраніи его сочиненій — цѣлый томъ новыхъ пьесъ, которыя свидѣтельствуютъ, какъ этотъ великій талантъ расширяетъ передъ собою кругъ литературной дѣятельности. Пьеса „Театральный разъѣздъ послѣ перваго представленія комедіи" одна вмѣщаетъ въ себѣ всѣ сокровища драмы, критики, характеристики и комизма. Вся блещетъ идеями высокой наблюдательности, знаніемъ страстей и нравовъ, яркими красками и оригинальностію соображеній. Самое неутомимое вниманіе не можетъ поспѣвать за движеніемъ сценъ и явленіемъ характеровъ. Авторъ влечетъ васъ, самъ увлекаемый потокомъ новыхъ образовъ, положеній и чувствованій. Онъ менѣе всего думаетъ объ окончательной отдѣлкѣ языка, довольствуясь одною точностію выраженій безъ отношенія ихъ къ тре-

бованіямъ гармоніи и словосочиненія. Его надобно не читать, а играть или представлять, какъ онъ и самъ обходится съ своими пьесами. Въ нихъ такъ мало соблюдено условій, принятыхъ въ книжномъ языкѣ, что, безъ сочувствія съ самымъ художествомъ, не оцѣнишь автора, вышедшаго совершенно изъ формъ искусственности, еще странно смѣшиваемой нами съ тѣмъ, что называется изящнымъ искусствомъ".

Изъ „Современника" за 1843 г.

* * *

[1]) Послѣ появленія „Мертвыхъ Душъ" Гоголя много говорено было за нихъ и противъ нихъ не только въ литературѣ, но и во всѣхъ кругахъ читателей, — между тѣмъ, отъ восторженныхъ похвалъ и страстныхъ порицаній осталось, кажется, одно общее убѣжденіе, что Гоголь въ словесности нашей есть представитель той новой, великой, до сихъ поръ въ ясномъ видѣ еще не являвшейся силы, которой неисчислимые результаты могутъ произвести совершенный переворотъ въ нашей литературѣ, и которую называютъ *силою Русской народности*. — До сихъ поръ мы были и находимся еще подъ вліяніемъ французовъ и нѣмцевъ. Жизнь нашей словесности оторвана отъ жизни нашего народа. Но читая Гоголя, мы понимаемъ возможность ихъ соединенія. Впрочемъ, не потому Гоголь народенъ, что содержаніе разсказовъ его взято по большей части изъ русской жизни: содержаніе не характеръ; Шекспиръ столько же Англичанинъ, описывая Римъ и Венецію, сколько въ своихъ Британскихъ драмахъ: не потому также называемъ мы Гоголя народнымъ, чтобы народъ читалъ его, (слава Богу, народъ нашъ живетъ еще въ литературѣ словенской, и немногіе, просвѣщенные *гражданскою* грамотностію, продолжаютъ образовываться посредствомъ Выжигина, Орлова и Поль-де Кока), но потому, что въ глу-

---

[1]) „Москвитянинъ" 1845 г., № 1, ч. 1-я. „Нѣсколько словъ о значеніи Гоголя въ русской литературѣ". Статья К. И. В. Кирѣевскаго.

бинѣ души его таятся особенные звуки, потому что въ словѣ его блестятъ особенныя краски, въ его воображенiи живутъ особенные образы, исключительно свойственные русскому народу, тому свѣжему, глубокому народу, который не утратилъ еще своей личности въ подражанiяхъ иностранному. Если бы и можно было перевесть Гоголя на чужой языкъ, что, впрочемъ, невозможно—то и тогда самый образованный иноземецъ не понялъ бы лучшей половины его красотъ.

Въ этой особенности Гоголя заключается глубокое значенiе его оригинальности Въ ней его право на великое дѣйствие въ литературѣ еще болѣе, чѣмъ въ генiальности его произведенiй. Ибо, если справедливо, что красота принадлежитъ всѣмъ нацiямъ, что статуя греческая равно нравится нѣмцу и русскому, то надобно сознаться, что для понятiя чужой красоты необходимо нѣкоторое разумное отвлеченiе, охлаждающее ея дѣйствiе, между тѣмъ, какъ красота своенародная, окруженная невидимымъ строемъ сочувственныхъ звуковъ, близкихъ и далекихъ отголосковъ, темныхъ и ясныхъ, сердечныхъ, не сознанныхъ воспоминанiй,—не отрываетъ мечту отъ жизненной сферы, но, дѣйствуя двойною силою, связываетъ художественное наслажденiе, подлежащее сознанiю вмѣстѣ съ безотчетными пристрастiями нашей особенной жизни.

Этимъ объясняется, можетъ-быть, и безмѣрное сочувствiе къ Гоголю нѣкоторыхъ и неимовѣрныя нападенiя на него другихъ.

Изъ „Москвитянина“ за 1845 г. Статья К.

* * *

*) М. Грабовскiй извѣстенъ въ польской литературѣ, какъ авторъ нѣсколькихъ прекрасныхъ повѣстей и романовъ, основанныхъ на народныхъ преданiяхъ, а гораздо болѣе какъ превосходный критикъ. Соединяя съ глубоко-

*) „Современникъ“ 1846 г., т. 41. (Статья Грабовскаго о соч. Гоголя).

мыслемъ обширныя познанія въ наукахъ и обладая притомъ самостоятельнымъ вѣрнымъ вкусомъ, онъ своими рецензіями указалъ польскимъ повѣствователямъ и романистамъ истинные элементы поэзіи и, можно сказать, пересоздалъ въ польской литературѣ теорію повѣсти и романа. Строгое безпристрастіе управляетъ его перомъ. Живя въ своей украинской деревнѣ (въ Чигиринскомъ уѣздѣ), посреди семейства своего, онъ не знаетъ ни литературныхъ партій ни книжныхъ спекуляцій: пишетъ изъ одной любви къ истинѣ и красотѣ, и служитъ образцомъ литератора благороднаго и возвышеннаго надъ мелочными видами. Сужденіе такого критика о самомъ оригинальномъ изъ современныхъ писателей русскихъ должно быть любопытно для нашихъ читателей уже по одному тому, что польскій критикъ стоитъ внѣ атмосферы кружащихся у насъ понятій и толковъ какъ о литературѣ вообще, такъ и о Гоголѣ въ особенности; но въ предлагаемомъ здѣсь письмѣ есть много интереснаго и въ другихъ отношеніяхъ, на что мы указывать, впрочемъ, не будемъ, предоставляя каждому увидѣть то изъ самаго дѣла.

* * *

*) „Возвращаю вамъ съ великою благодарностью два тома 2-й и 3-й Гоголя. Прочелъ я ихъ съ неописаннымъ удовольствіемъ. Во 2-мъ томѣ прочелъ я съ тѣмъ же наслажденіемъ, какъ и прежде, небольшую повѣсть: „Старосвѣтскіе Помѣщики“ — съ тѣмъ самымъ наслажденіемъ, но съ сильнѣйшимъ чувствомъ изящества этого чуднаго созданія; а вторичное чтеніе есть проба, которую выдерживаютъ только немногія произведенія. Третій томъ также мнѣ очень понравился. Не могу согласиться съ вами, чтобы Гоголь сбился съ своей дороги, переставъ брать предметы для повѣстей изъ жизни малороссійской. Видно, это явленіе естественное и необходимое. Главное, важнѣйшее свой-

*) Писано къ П. А. Кулишу, прежде выхода въ свѣтъ поэмы „Мертвыя Души“.

ство таланта Гоголя есть *тонкая наблюдательность* и сильное уразумѣніе поэзіи дѣйствительности. Это свойство сопутствуетъ ему вѣрно на жизненной дорогѣ, переноситъ онъ его съ собою всюду, и какъ въ послѣднее время потерялъ изъ глазъ родную свою Малороссію, то изучаетъ и изображаетъ предметы чужіе—что, конечно, имѣетъ менѣе привлекательности для его земляковъ, однакожъ это не есть добровольное совращеніе таланта съ надлежащей дороги. Въ нѣкоторомъ отношеніи можно даже сказать, что исключительные предметы провинціальнаго быта малороссійскаго доставили бы ему содержанія слишкомъ мало, или, по крайней мѣрѣ, это содержаніе было бы слишкомъ однообразно. Безъ сомнѣнія, въ высокомъ родѣ исторической поэзіи малороссійскіе рудники неисчерпаемы; но, судя по Тарасу Бульбѣ, это не родъ Гоголевъ; вдавшись въ него, онъ долженъ былъ бы сильно мучить свой талантъ, и не создалъ бы тѣхъ высоко-изящныхъ произведеній, которыя теперь составляютъ славу его. А потому, какіе бы ни избиралъ предметы для своихъ сочиненій Гоголь, это не должно намъ препятствовать восхищаться чуднымъ выраженіемъ его необыкновеннаго генія: въ противномъ случаѣ мы будемъ такъ несправедливы, какъ тотъ хозяинъ дома, что разсердился на художника, зачѣмъ онъ пишетъ портретъ съ своего Ивана, вмѣсто того, чтобы намалевать какого-нибудь генерала со звѣздою. По моему мнѣнію, чѣмъ предметъ менѣе поэтиченъ самъ по себѣ, тѣмъ онъ лучше для Гоголя. Мнѣ кажется, что онъ больше извлекъ бы поэзіи изъ шлипона, скупающаго щетину, нежели изъ самаго поэтическаго момента Иліады Малороссійской. Странный, однакожъ, высокій талантъ! И поэтому все, что только эта рука отдѣлаетъ согласно съ природнымъ своимъ вдохновеніемъ, будетъ драгоцѣнность. Изъ собранія его повѣстей больше всего понравилась мнѣ „Шинель“, и, можетъ-быть, потому, что содержаніе ея самое простое. Этотъ бѣдный чиновникъ, пьяница-портной и закоулокъ, въ которомъ гнѣздятся эти бѣдняки и который бы французъ назвалъ le tableau de son pauvre intérieur, это такія вещи, которыми никогда не налюбуется истинный

знатокъ. Я мало знаю равныхъ Гоголю, и никого выше, изъ писателей, составляющихъ въ литературѣ школу, которая соотвѣтствуетъ Фламандской школѣ въ живописи. Только здѣсь средства поэзіи во сто разъ выше средствъ кисти и палитры: ибо если мы съ истиннымъ наслажденіемъ всматриваемся въ сцены повседневной жизни, куда насъ переноситъ живописецъ; то, благодаря чародѣйству поэта, какъ несравненно глубже въ нихъ проникаемъ! какую безконечную новость и разнообразіе представляетъ намъ эта душа человѣческая, равно драгоцѣнная во всѣхъ своихъ состояніяхъ и положеніяхъ! сколько находимъ поэзіи въ этихъ зрѣлищахъ повседневной прозы! Въ послѣднемъ отношеніи не знаю писателя, который бы лучше Гоголя умѣлъ самый обыкновенный предметъ обвѣять дыханіемъ поэзіи — и это даетъ ему высокое мѣсто между поэтами всѣхъ вѣковъ и народовъ. Послѣ *Шинели* очень понравился мнѣ эпизодъ влюбленнаго живописца, въ „Невскомъ Проспектѣ". Эта противоположность чистой любви съ недостойнымъ ея предметомъ прекрасна, и тѣмъ болѣе, что Гоголь умѣлъ въ нѣсколькихъ чертахъ, но пластически изобразить погибшую дѣвушку. Я, впрочемъ, не ставлю этой повѣсти Гоголя на ряду со множествомъ, повидимому, подобныхъ вымысловъ Французской школы. Здѣсь любовь живописца есть потребность молодого сердца, которое можетъ тѣмъ болѣе увлечься своимъ чувствомъ, если молодой человѣкъ, живя въ большомъ городѣ, удаленъ отъ всякихъ общественныхъ связей—и потому драма повѣсти Гоголя имѣетъ колоритъ истины и дѣйствительности. Въ повѣсти *Носъ* есть также множество отличныхъ мѣстъ *Портретъ*—вообще хорошая повѣсть, кое-гдѣ обставленная несравненными сценами и вездѣ исполненная высокаго разума и возвышенныхъ мыслей. Наконецъ, въ эскизѣ *Римъ* Гоголь является совершенно съ новой стороны; это уже наблюдатель не мелкихъ и юмористическихъ сторонъ нравовъ, но великихъ задачъ общественныхъ и вопросовъ, занимающихъ умы нашего вѣка. Естественная и истинная картина, въ которой онъ представилъ сперва упоеніе молодого человѣка шумною цивилизацiею Запада,

потомъ скорое его пресыщеніе, открытіе суетности и мишуры подъ этою блестящею наружностью, и предпочтеніе, данное имъ вѣчному элементу Итальянцевъ предъ театральною выставкою Французовъ, сообщаетъ высокую цѣну этому отрывку. Вообще, въ 3-мъ томѣ Гоголь является человѣкомъ болѣе развитымъ и зрѣлымъ, нежели былъ прежде. Глядя на него, какъ на писателя, имѣющаго значеніе европейское, нужно было этого желать ему отъ всей души. Я радуюсь, что онъ вышелъ изъ круга предметовъ малороссійскихъ, и вы меня въ томъ простите. Въ послѣднее время, по извѣстнымъ вамъ причинамъ, я очень мало читаю, и потому во второмъ томѣ прочелъ только „Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ“, равную, а если вамъ угодно, то и лучшую изъ всѣхъ прочихъ повѣстей Гоголя; да прочелъ еще „Тараса Бульбу“, котораго, впрочемъ, не сравнивалъ съ прежнимъ изданіемъ. Вы желаете, чтобъ я на поляхъ книги записывалъ свои замѣчанія, какія представятся мнѣ во время чтенія. Я это вспомнилъ на половинѣ уже повѣсти, и сдѣлалъ кое-гдѣ замѣтки, которыя по надлежащему нужно было бы стереть, потому что это сотая часть того, что нужно-бы еще сказать. Отрывочныя мои замѣчанія могутъ казаться странными и даже смѣшными. Распространяться о „Тарасѣ Бульбѣ“ нѣтъ охоты, ибо, скажу вамъ коротко, что это весьма слабая повѣсть, и кто не зналъ бы прочихъ сочиненій Гоголя, тому она не дала бы о нихъ никакого понятія, или же дала-бы понятіе самое ложное. Характеръ произведеній Гоголя состоитъ, какъ я уже сказалъ, въ особенной мѣткости наблюденія и въ строгой истинѣ живописи. Вездѣ у него видимъ руку, изучающую живую натуру, черпающую краски изъ великой ихъ сокровищницы, изъ дѣятельности, и потому его сочиненія вообще состоятъ, какъ и у каждаго хорошаго писателя, изъ частностей, которыя и порознь имѣютъ свою безусловную цѣну. Взявши же для сочиненія предметъ изъ историческаго минувшаго, онъ въ первый разъ создавалъ по воображенію рисунокъ и колоритъ, билея безъ дороги и дѣлалъ погрѣшности на каждомъ шагу. Однимъ словомъ, повѣсть его „Тарасъ Бульба“ принадлежитъ къ

числу тѣхъ созданій, которыя ни поэзія ни исторія. Вы, конечно, подумаете, не потому ли я ставлю „Тараса Бульбу“ ниже всѣхъ произведеній вашего малороссійскаго поэта, что эта повѣсть мнѣ непріятна, какъ поляку. Совсѣмъ нѣтъ! Въ вашей эпопеѣ казаки дышатъ во сто разъ большею ненавистью къ ляхамъ, однакожъ, я отдаю ей должную справедливость. Въ „Тарасѣ Бульбѣ“ замѣтилъ я, что когда авторъ приступаетъ къ изображенію мукъ казацкихъ, то старается предупредить возраженія, ссылаясь на грубость вѣка и обычаевъ. Но для историческаго повѣствованія мало имѣть одно благородное желаніе безпристрастія: нужно къ тому еще достаточное изученіе дѣла, а безъ того и возраженія и оправданія будутъ ничтожны. Высокій родъ историческаго романа, чадо нашего вѣка, есть произведеніе глубокой учености. Мало того, что я возьму какое-нибудь историческое событіе, представлю его въ картинѣ и буду подбирать къ ней черту за чертой: нужно мнѣ сперва такъ хорошо уразумѣть историческій фактъ, чтобъ онъ представился моему уму въ поэтическихъ краскахъ; тогда только *дѣйствительность* и *поэзія* станутъ одно, и картина извѣстнаго событія будетъ имѣть оба эти условія. Изъ нѣсколькихъ общихъ мыслей, выраженныхъ въ „Тарасѣ Бульбѣ“, видно, что Гоголь ошибочно понимаетъ исторію Малороссіи, даже самое происхожденіе украинскаго народа и казачества, а потому и не могъ уразумѣть отношеній ихъ къ Польшѣ. Далѣе, опираясь главнымъ моментомъ драмы на жестокостяхъ Поляковъ, онъ подвергаетъ ее, въ отношеніи художественномъ, великой опасности. Вы въ своихъ думахъ повторяете также всѣ преданія о жестокостяхъ Поляковъ, и я первый утверждаю, что безъ потери поэтическихъ красокъ опустить этого вы не могли. Почему жъ я порицаю то у Гоголя, что хвалю у васъ? Потому что различны законы романа и эпопеи. Эпопея представляетъ мнѣ *одинъ* народъ, со всѣми его чувствами и понятіями, которыя въ немъ дѣйствительно образовались въ теченіе исторической его жизни, а романъ есть картина разносторонней дѣйствительности, картина, которая не будетъ имѣть гармо-

нической прелести и пропорціи, коль скоро въ ней что-нибудь преступитъ границу строгой истины. Каковы были и были-ли жестокости Поляковъ въ отношеніи къ Руси? Были, безъ сомнѣнія, и были великія: ибо въ такой смертельной борьбѣ, какая происходила между Рѣчью Посполитою и Войскомъ Запорожскимъ не могло обойтись безъ взаимнаго ожесточенія. Однакожъ ужъ одно то, что это происходило въ запалѣ отчаянной борьбы, даетъ имъ иной характеръ, нежели когда мы представляемъ одну сторону постоянно торжествующею, а другую попранною, когда представляемъ жестокости, совершаемыя съ хладнокровіемъ и т. п. Если бъ историческій романистъ изобразилъ самымъ вѣрнымъ образомъ какую-нибудь казнь, но не предупредилъ этого положеніемъ причинъ справедливыхъ или ложныхъ, которыя бы оправдывали это дѣйствіе, то онъ пренебрегъ бы важною тайною своего искусства, тайною, составляющею существенную принадлежность рода: ибо романъ историческій есть игра самой исторіи предъ нашими глазами, и потому нужно, чтобъ драма его совершалась въ условіяхъ естественныхъ и правдоподобныхъ. Ввесть въ романъ историческое происшествіе или имя—не значитъ еще ничего: они извѣстны намъ еще въ лѣтописи: представь это натурально—вотъ искусство! Гоголь въ „Шинели“ вводитъ портного—предметъ, кажется, ничтожный: но когда онъ мнѣ изображаетъ его какъ портретъ, я любуюсь этимъ родомъ искусства. Пусть же онъ представитъ мнѣ точно такъ въ историческомъ романѣ живую натуру историческаго событія, тогда и оно будетъ картиною: иначе это будетъ ничтожная оперная декорація, которая понравится только дитяти и невѣждѣ. Наконецъ, что такое эти повѣсти о быкѣ Фалериса, о дѣтяхъ, варенныхъ въ котлѣ и пр. легко, кажется, можно отгадать. Лѣтъ тридцать съ небольшимъ назадъ въ англійской литературѣ не было книги популярнѣе Исторіи Наполеона, въ которой этотъ корсиканецъ представленъ былъ твореніемъ отвратительнѣйшимъ, оскорбителемъ дѣвицъ, пожирателемъ маленькихъ дѣтей и т. п. Плимутскіе матросы, манчестерскіе и ливерпульскіе ремесленники свято этому

вѣрили, такими баснями питались ненависть и месть народная. Такъ точно и во время продолжительной вражды Поляковъ съ казаками взаимныя клеветы безпрестанно кружились въ народѣ съ той и другой стороны. Однѣ изъ нихъ пущены въ ходъ съ умысломъ, другія рождались отъ преувеличенныхъ разсказовъ и повѣстей; а народъ съ такимъ баснословнымъ воображеніемъ, какъ украинскій, легко составилъ себѣ изъ всего этого ужаснѣйшія страшилища—раскаленныхъ быковъ, ксендзовъ, ѣздящихъ въ колесницахъ, запряженныхъ дѣвками и т. п. Можетъ-быть, изъ царства описательной поэзіи исключать это не слѣдуетъ, но представить это въ драмѣ съ признаками правдоподобія никто не будетъ въ состояніи. Для этого нужно бы исказить всѣ обычаи; а въ вымышленныхъ обычаяхъ никогда нѣтъ колорита, истинные же обычаи противорѣчатъ драмѣ. Не зная польскихъ обычаевъ даже касательно отношеній казаковъ къ Полякамъ въ XVII вѣкѣ, Гоголь не могъ утвердить своей картины на широкомъ основаніи, и сдѣлалъ только парафразу и амплификацію происшествія, взятаго изъ лѣтописей дѣло, недостойное такого художника! Я думаю, и вы замѣтили, какая у него бѣдность въ обстановкѣ этой сцены казни казаковъ! какъ онъ не знаетъ мѣста казни, обычаевъ и вѣка! Что за маріонетки эта толпа варшавскихъ жителей на мѣстѣ казни! этотъ шляхтичъ съ Юзысею и пр., и пр.! Точно также въ важнѣйшемъ мѣстѣ, при описаніи осады Дубна, какъ некстати юморизмъ этихъ эпитетовъ (очевидно, за недостаткомъ лучшихъ): *чаленьки поляшникъ, одинокій, одиночы, фрукан.* Еслибъ историческій поэтъ умѣлъ только означить разницу между рыцарствомъ Поляковъ и возстаніемъ казаковъ, то уже однимъ этимъ нашелъ бы богатѣйшія краски для обѣихъ сторонъ. Вы читали Паска, и потому можете себѣ представить, каковъ былъ польскій жолнеръ XVII вѣка. Наконецъ, и вы сами дѣлаете коегдѣ (на поляхъ книги) замѣчанія, что Гоголь иногда противорѣчитъ обычаямъ украинскимъ. Что жъ послѣ того сказать объ обычаяхъ польскихъ? Можно-ли повѣрить этой сценѣ знакомства Андрія съ дочкою воеводы? Полька

XVII вѣка, дѣвушка знатной фамиліи, амурится съ мальчишкою, который влѣзъ къ ней сквозь каминъ! Для этого нужна не *вѣтреная* Полька, а развѣ нынѣшняя воспитанница госпожи Зандъ—и то врядъ ли еще! Я замѣтилъ на поляхъ книги, что Гоголь не знаетъ даже мѣстоположенія той страны, гдѣ происходитъ дѣйствіе его повѣсти, и потому недостаетъ ему важнаго условія романа—исторической видописи. Характеры дѣйствующихъ лицъ, даже и Тараса Бульбы, тоже плохо выдержаны и ненатуральны: страшный, однакожъ, справедливый упрекъ тому Гоголю, который въ этомъ отношеніи является такимъ несравненнымъ художникомъ, когда возьметъ для повѣсти сюжетъ изъ обыкновенной жизни! Что же касается отдѣлки нѣкоторыхъ эпическихъ частей повѣсти, то въ нихъ безспорно есть красоты высшаго разряда, но это не украшаетъ цѣлости созданія. Соединеніе родовъ поэзіи никогда не можетъ быть удачно. У эпопеи свои принадлежности, у романа свои, незаконнорожденное дитя обоихъ всегда будетъ безобразно; и тѣмъ болѣе мнѣ жаль этихъ эпическихъ прядей, что Гоголь посягнулъ нѣкоторымъ образомъ на нашу собственность.

Эти чудныя описанія принадлежатъ по вѣчному праву Украинскимъ думамъ: а потому искренно вамъ совѣтую перенесть ихъ на надлежащее мѣсто.

Не боитесь упрека въ похищеніи: прекрасна мысль французскаго писателя: Je prends mon bien partout où je le trouve. Тѣмъ болѣе еще вамъ совѣтую, что жаль мнѣ этихъ гомерическихъ прыжковъ Гоголя; ихъ стоитъ перенесть на такое мѣсто, гдѣ они будутъ жить вѣчно, або въ „Тарасѣ Бульбѣ" они приданы трупу, или вѣрнѣе набитому соломой чучелу, которое рано или поздно, а должно обратиться въ соръ. Такъ какъ я все это говорю съ намѣреніемъ обращать вниманіе ваше, чѣмъ далѣе, все на высшее и чистѣйшее понятіе поэзіи исторической (безъ этого побужденія я даже не сталъ бы и распространяться о слабомъ произведеніи писателя, передъ которымъ въ другихъ его сочиненіяхъ благоговѣю, и готовъ бить ему челомъ), то прибавлю еще нѣчто. Картины единообразныхъ

битвъ рыцарства казацкаго, по примѣру героевъ Гомеровыхъ, какъ я сказалъ уже, чудесны: нужно, и непремѣнно нужно, присвоить ихъ вашей эпопеѣ, ибо онѣ тамъ совершенно придутся даже къ общему складу; но не должно забывать, что вообще характеръ этихъ войнъ былъ не таковъ. Не отвергаю вовсе единообразной воинственности казаковъ; однакожъ, образъ войнъ XVII вѣка, а еще больше образъ войнъ казаковъ съ поляками не основывался на рукопашномъ бою. Тогда уже были битвы массъ, а не индивидуумовъ.

Вотъ какъ я расписался! Надобно вамъ сказать, что въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ я едва написалъ нѣсколько писемъ, и не одного такого длиннаго, какъ это. Я теперь живу, какъ Гоголевы *Старосвѣтскіе Помѣщики*, только тѣмъ менѣе Аѳанасія Ивановича и хозяйничаю лучше Пульхеріи Ивановны.

1843 г. Ноября 17. Александровка.

М. Грабовскій.

* * *

*) Въ осторожномъ видѣ *отрывка* изъ письма и подъ скромною надписью: „Объ Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ“, помѣщено въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и въ послѣднемъ нумерѣ „*Современника*“ новое произведеніе Гоголя, небывалое произведеніе, которому безъ зазрѣнія присуждаю названіе *поэмы*, снявъ съ „Мертвыхъ Душъ“ сей почтенный, имъ не подобающій титулъ. Такъ какъ онъ остается въ поэтическомъ семействѣ Гоголя, т. е. переходитъ отъ одного его дѣтища къ другому, то, вѣроятно, никто не осудитъ этого необыкновеннаго, но тѣмъ не менѣе произвольнаго дѣйствія критики. Истинная критика не сѣтуетъ о томъ, что интересный образъ нашего поэта уже теряется въ густомъ облакѣ усерднаго ему воскуренія, принимая довольно странный видъ. Да, стран-

---

*) „Сѣверная Пчела“ 1846 г., № 181. „Русская литература“. Статья барона Розена.

ностей не мало въ нѣкоторыхъ журналахъ! Признаться, я иногда негодовалъ и принимался было за перо... Нѣтъ: не стоитъ возраженія! Мало-по-малу привыкнувъ къ этимъ странностямъ, я, наконецъ, довелъ твердость духа до того, что оставался спокойнымъ и трезвымъ даже и при безпорядочныхъ, головокружительныхъ разсужденіяхъ и рецензіяхъ Бѣлинскаго. Въ этомъ родѣ меня ничто уже не изумитъ, думалъ я, и вотъ! изумила новая поэма Гоголя—изумительная до чрезвычайности!

Со времени смерти Лермонтова, Гоголь остался единственнымъ предметомъ самаго слѣпого и забавнаго пристрастія двухъ или трехъ журналовъ. Разсказываютъ, что одинъ изъ древнихъ Ѳракійскихъ народовъ, а именно Геты, поставили себѣ единственнымъ богомъ умершаго своего философа Замольксиса (Zamolxis). Во время грозы они свирѣпствовали противъ громовержца, метали стрѣлы къ небу, чтобъ его поразить, упорствуя въ томъ, что нѣтъ другого бога и не быть другому богу, кромѣ Замолксиса! То же самое случилось и у насъ: когда, бывало, Н. А. Полевой или другой писатель какимъ-нибудь дѣльнымъ сочиненемъ пророкочетъ надъ головою этихъ Гетовъ -тотчасъ тревога, и ну разить его стрѣлами, пущенными въ воздухъ, нѣтъ другого предмета нашего умственнаго поклоненія, кромѣ Гоголя! Что касается до меня, я никогда не считалъ Гоголя геніемъ, менѣе всего Гомеромъ, но всегда признавая въ немъ оригинальное дарованіе, въ особенности широкое стремительное воображеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ всегда сожалѣлъ, что образованіемъ онъ далеко назади своего таланта, и что поэтому перевѣсъ воображенія надъ другими для хорошаго писателя необходимыми качествами помѣшаетъ ему сотворить что-либо достойное его таланта. Недостатокъ вкуса, критики и любви къ изящной природѣ былъ для меня такъ ощутителенъ въ Гоголѣ, что я не могъ увлекаться тѣмъ, чѣмъ увлекались другіе. Нѣкто сказалъ: „Природа, разумѣется, изящная, хотѣла знать, какова она собою—т.-е. пожелала смотрѣться въ зеркалѣ, и создала *Гете*!“ Можно было бы сказать: неизящная, нечистая природа захотѣла

смотрѣться въ кривомъ зеркалѣ, и создала *Гоголя*! Въ самомъ дѣлѣ, какъ въ кривомъ зеркалѣ, отражаются карикатурно въ произведеніяхъ нашего автора всѣ эти, — можетъ-быть, и вѣрныя наблюденія въ особенномъ отдѣлѣ о низкой природѣ. Не взирая на то, и какъ я ни боялся всегда за эксцентрическіе порывы таланта Гоголя, между тѣмъ никогда не ожидалъ, чтобы разгульное воображеніе его могло загуляться до подобной поэмы, до такого дифирамбическаго полета, который несется высоко надъ крайнею чертою уразумѣнія человѣческаго. Однако, постараюсь хоть что-нибудь разгадать въ этомъ загадочномъ твореніи, въ этомъ пиѳійскомъ прорицаніи.

„Появленіе Одиссеи произведетъ эпоху". Оно уже произвело эпоху — новую *позу* Гоголя, событіе, обильное послѣдствіями и повторяющееся развѣ только вѣками. „Одиссея есть рѣшительно совершеннѣйшее поэтическое произведеніе всѣхъ вѣковъ. Иліада передъ нею эпизодъ!" Этотъ восторженный возгласъ имѣлъ бы нѣкоторую грацію въ устахъ семинариста, какъ доказательство, что онъ началъ ревностно учиться изъ Одиссеи греческому языку, и еще не знаетъ Иліады; но въ устахъ Гоголя этотъ возгласъ забавенъ! Развѣ онъ знаетъ поэтическія произведенія всѣхъ вѣковъ? Развѣ онъ извѣстный эллинистъ, ученый, филологъ? Увы! онъ такъ далекъ отъ всего этого, какъ нельзя быть дальше! Чтобы спуститься до обыкновеннаго тона Гоголя, спросимъ его: какой злыдень шепнулъ ему на ухо, что Одиссея лучше и самой Иліады, и что Иліада передъ нею *эпизодъ*? Вѣроятно, онъ слышалъ, что Иліада имѣетъ содержаніемъ эпизодъ Троянской войны, и это сбило его съ пути. — Далѣе: „Участь Одиссеи странна: въ Европѣ ея не оцѣнили, виною этому отчасти недостатокъ перевода, который художественно передалъ бы всесовершеннѣйшее произведеніе древности, отчасти недостатокъ языка, въ такой степени богатаго и полнаго, на которомъ бы отразились какъ всѣ неуловимыя безчисленныя красоты самаго Гомера, такъ вообще красоты эллинской рѣчи, отчасти же недостатокъ народа, не одареннаго въ такой степени чистотою дѣвственнаго вкуса, который

въ силахъ былъ бы почувствовать Гомера." — По этой неловкой, тяжелой фразѣ вдвое непонятнѣе мнѣние Гоголя, будто бы одинъ *русскій* языкъ могъ передать *всѣ неуловимыя* красоты, какъ самого Гомера, такъ и эллинской рѣчи Одиссея не оцѣнена въ Европѣ!

Она, можетъ-быть, не оцѣнена на *хуторѣ близъ Диканьки*.

Обѣ поэмы Гомера, Иліада и Одиссея, оцѣнены издавна вездѣ въ Европѣ и всѣми, за исключеніемъ развѣ тѣхъ, кто автора „Похожденій Чичикова" нарекъ Гомеромъ Ужели Гоголь не слыхалъ, что ни одинъ изъ новѣйшихъ языковъ не можетъ состязаться съ эллинскимъ? Но все, что только можно было, при меньшихъ совершенствахъ новѣйшихъ нарѣчій, совершено съ честью, съ полнымъ успѣхомъ, особенно въ нѣмецкой литературѣ, и потому Гоголь не слыхалъ ни объ одномъ переводѣ, который художественно передалъ бы Одиссею! Гомера хорошо переводили Штальбергъ, Бергеръ, Бодмеръ и другіе; но старикъ Фоссъ стяжалъ пальму первенства, оставивъ далеко за собою такихъ достойныхъ соперниковъ. Сколько знаменитыхъ мужей оцѣнивали Гомера; лучшее о немъ сказалъ Шлегель, въ разборѣ Гетевой поэмы: Германъ и Доротея. Какъ же не оцѣнили Одиссеи! Что же касается до *чистоты одьвственнаго вкуса*, нужный для уразумѣнія Гомера, то надобно замѣтить, что эти слова какъ-то странны въ устахъ творца *Ревизора* и нѣкотораго *будочника* въ „Мертвыхъ Душахъ", и что эта чистота вкуса навѣрное не есть отличительное качество тѣхъ, кому нравятся „Мертвыя Души" и „Ревизоръ", а число ихъ, если не весь народъ, то по крайней мѣрѣ *легіонъ!*—Гоголь смѣло продолжаетъ „Теперь переводъ первѣйшаго поэтическаго творенія производится на языкѣ полнѣйшемъ и богатѣйшемъ изъ всѣхъ европейскихъ языковъ!" Стало быть, русскій языкъ не есть европейскій? Какъ бы то ни было, однимъ многоязычникамъ (полиглотамъ), а не *Гоголю* и не *мнѣ*, судить, который изъ всѣхъ языковъ полнѣйшій и богатѣйшій. Мы знаемъ только *то*, что, по молодости нашей литературы, нашъ полнозвучный языкъ еще не вполнѣ развитъ, и что

поэтому переводъ Гомера на русскій языкъ долженъ быть труднѣе, чѣмъ на нѣмецкій; *это* обстоятельство слѣдовало бы выставить диѳирамбическому глашатаю новаго труда Жуковскаго.—Далѣе: „Вся литературная жизнь Жуковскаго была какъ бы приготовленіемъ къ этому дѣлу (т.-е. къ переводу Одиссеи); нужно было его стиху выработаться на сочиненіяхъ и переводахъ съ поэтовъ всѣхъ націй и языковъ“ (какая опять гипербола!) „*чтобы* сдѣлаться потомъ способнымъ передать стихъ Гомера, уху его наслушаться всѣхъ лиръ, дабы сдѣлаться до того чуткимъ, *чтобы* оттѣнокъ эллинскаго духа не пропалъ“. Это имѣетъ претензію на что-то путное, но разсмотрѣнное ближе, оказывается такъ же неосновательнымъ, какъ и все прочее. Слѣдовало бы начать съ того, что Жуковскій (какъ вѣроятно), рѣшившись перевести Одиссею, принялся сперва за греческій языкъ, котораго онъ дотолѣ не зналъ: вотъ единственное приготовленіе къ этому дѣлу! Переводы же съ нѣмецкаго и съ англійскаго, подражаніе испанскому и вообще всему, что весьма далеко отъ Гомеровской простоты, скорѣе вредятъ, чѣмъ помогаютъ, и при нихъ пропадутъ всѣ оттѣнки эллинскаго звука, если не знаешь **эллинскаго языка.**

На переводахъ *молодой* писатель обработываетъ свой слогъ, т.-е. свою прозу, но отдѣлка и ладъ *стиха* зависятъ отъ свойства дарованія, отъ вкуса и уха, отъ глубокаго знанія просодіи. Далѣе: „Нужно было совершиться многимъ событіямъ внутри самого переводчика, которыя привели въ большую стройность и спокойствіе его душу, необходимыя для передачи произведенія, замышленнаго въ такой стройности и спокойствіи“. Гомеръ, по преданію, былъ бѣдный праздношатающійся слѣпецъ, и поэтому не очень *спокоенъ*. Что же касается до стройности Одиссеи, то это плодъ вѣковыхъ трудовъ и, въ особенности, александрійскихъ критиковъ, которые, посредствомъ разныхъ вставокъ, стали вводить въ нѣкое цѣлое, отдѣльные, хотя уже и собранные лоскутки народныхъ рапсодій, приписываемыхъ Гомеру или Гомеридамъ. Какимъ же особеннымъ событіямъ совершиться было внутри переводчика

Одиссеи? Не понимаемъ! Жизнь Жуковскаго всегда была свѣтла и спокойна, и протекала въ самыхъ радостныхъ и лестныхъ для него отношеніяхъ, такъ что онъ и за двадцать лѣтъ предъ симъ могъ бы приняться за переводъ Одиссеи съ равною какъ и теперь надеждою на успѣхъ. Теперь прошу вашего вниманія. „Нужно было, наконецъ, сдѣлаться *христіаниномъ*, дабы пріобрѣсть презирающій взглядъ, глубоко вонзающійся *въ жизнь*, котораго никто не можетъ имѣть, кромѣ христіанина, но который все-таки долженъ былъ имѣть, да еще въ большей степени, нежели переводчикъ, *авторъ* Одиссеи!“ Какъ можетъ извѣстный писатель такъ неосторожно размахиваться смѣлыми фразами, когда рѣчь идетъ о презирающемъ взглядѣ, глубоко вонзающемся куда-то. Нѣтъ, г-нъ Гоголь! рѣшительная противоположность тому, что вы сказали, есть истина: переводчику Одиссеи надобно углубиться въ языческій міръ, сдѣлаться современникомъ Гомера! Русскій переводчикъ поступилъ наоборотъ, по словамъ Гоголя. „За то вышло что-то чудное: переводъ какъ-бы еще болѣе вводитъ въ древнюю жизнь, чѣмъ самъ оригиналъ!“ Чтобы это не была совершенная безсмыслица, нужно бы было прибавить: потому, что мы, не зная эллинскаго языка, не можемъ читать Гомера въ подлинникѣ! Но Гоголь намекаетъ на то, что переводъ лучше оригинала! Надобно быть Гомеромъ малороссійскихъ Терентьевъ Чичикова и Собакевича, чтобы произнести подобное сужденіе! Когда Гнѣдичъ выдалъ свою Иліаду, старецъ Гомеръ у барона Дельвига вскрикнулъ:

„Вотъ слава моя, вотъ чего вѣки я ждалъ!“

Это гораздо скромнѣе. Что-то скажетъ старикъ, узнавъ отъ послѣдняго Гомерида, что переводъ Одиссеи болѣе вводитъ въ древнюю жизнь, чѣмъ самый оригиналъ? Безъ сомнѣнія *вскрикнетъ*!

Гоголь все смѣлѣе и смѣлѣе шагаетъ впередъ. Коснувшись развращенія Европы, „судорожныхъ, больныхъ произведеній вѣка, съ примѣсью всякихъ не переварившихся идей, нанесенныхъ какими-то броженіями; видитъ, что всѣ нынѣшнія обстоятельства какъ бы *нарочно* обстанови-

лись такъ, чтобы появленіе Одиссеи (т. е. русскаго перевода ея) было всецѣлебнымъ лѣкарствомъ (панацеею) для больной Европы. У насъ же въ Россіи, вотъ каково будетъ вліяніе Одиссеи *вообще на всѣхъ*: дворянинъ, мѣщанинъ, купецъ, грамотей и не грамотей, рядовой солдатъ, лакей, далѣе — ребенокъ обоего пола — ее прочитаютъ и выслушаютъ безъ скуки!" Мало того: Одиссея дойдетъ и до народа, который *чешетъ у себя въ затылкѣ*, и вотъ какое произведетъ на него дѣйствіе: „греческое многобожие не соблазнитъ нашего народа. Народъ нашъ уменъ; онъ растолкуетъ, не ломая головы, даже то, что вводитъ въ тупикъ умниковъ. Онъ здѣсь увидитъ только доказательство того, какъ трудно человѣку самому, безъ пророковъ, безъ откровенія свыше, дойти до того, чтобъ узнать Бога въ его истинномъ видѣ, и въ какихъ нелѣпыхъ видахъ станетъ онъ представлять себѣ ликъ Его, раздробивши единство на множество образовъ и силъ. Онъ даже не посмѣется надъ тогдашними язычниками, признавъ ихъ ни въ чемъ не виноватыми: Пророки имъ не говорили; Христосъ тогда еще не родился; Апостоловъ не было". Нѣтъ, народъ нашъ скорѣй *почешетъ у себя въ затылкѣ*, почувствовавъ, что онъ, зная Бога уже въ его истинномъ видѣ, зная даже и то, чего онъ требуетъ отъ него, имѣя въ рукахъ письменный законъ, имѣя даже истолкователей его въ отцахъ, — молится лѣнивѣе и выполняетъ долгъ свой хуже древняго язычника!" Подумайте: подобныя мысли будетъ внушать народу *Одиссея!* Каковъ толкъ! Какова необузданность фантазіи Гоголя! Что это такое насмѣшка ли, или въ самомъ дѣлѣ диѳирамбъ, amabilis insania?—Право, нѣтъ силъ продолжать выписки о томъ, какія чудеса произведетъ у насъ Одиссея. Эта широковѣщательная пошлость прерывается очень мило такою-же отчаянною выходкой противъ филологовъ. „Какъ глупы нѣмецкіе умники, выдумавшіе, будто Гомеръ—миѳъ, а всѣ творенія его народныя пѣсни и рапсодіи!" Не то бѣда, что Гоголь здѣсь, какъ и выше, при чесаніи затылка, выпалъ изъ диѳирамбическаго тона, а вотъ что изъ этой выходки явствуетъ, что Гоголю вовсе неизвѣстно.

о чемъ спорили знаменитѣйшіе филологи касательно Гомера, и что было результатомъ этого спора, давно уже рѣшеннаго. Мы бы охотно разсказали ему все дѣло, но теперь некогда и, кромѣ того, мы вышли бы изъ предѣловъ газетной статьи. Какъ намъ ни горько было видѣть, что Гоголь (въ Мертвыхъ Душахъ) съ такою неизящною нѣжностью занимается меделянскимъ щенкомъ, и руками Порфирія *три раза на день* моетъ его въ мылѣ и разсказываетъ самыя отвратительныя подробности; но, убѣждаясь въ совершенномъ его невѣдѣніи всего, что касается до Гомера, мы, какъ предмету для пѣснопѣній отдаемъ преимущество меделянскому щенку.

Остается говорить о томъ вліяніи, которое, по словамъ Гоголя, можетъ произвести у насъ Одиссея „*отдѣльно* на *каждаго*". Во-первыхъ, она возродитъ и передѣлаетъ нашихъ сочинителей. Желательно, чтобъ она начала съ таланта Гоголя, чтобъ она этотъ оригинальный талантъ пристрастный къ грязной природѣ, также мыла три раза въ день эллинскимъ мыломъ, которое однако едва ли подѣйствуетъ на людей, не ознакомившихся отъ раннихъ лѣтъ съ древнимъ бытомъ. Во вторыхъ, Одиссея подѣйствуетъ на вкусъ и развитіе эстетическаго чувства. Она освѣтитъ критику. Критика устала и запуталась отъ разбора загадочныхъ произведеній нынѣшней литературы. Въ-третьихъ, „Одиссея, въ переводѣ Жуковскаго, подѣйствуетъ сильно на очищеніе нашего языка"! Гоголь говоритъ, что не только у прежняго Жуковскаго, „но даже у Пушкина и у Крылова не достигала такой полноты русская рѣчь, до какой она достигла въ Одиссеѣ". Объ этомъ мы покуда судить не можемъ: русская Одиссея еще рукописная тайна. Но, конечно, мы бы болѣе повѣрили, еслибъ намъ это сказалъ человѣкъ, пишущій по-русски чище и лучше Гоголя. Въ четвертыхъ, „Одиссея подѣйствуетъ на любознательность", и, наконецъ, Гоголь даже *опасается*, что появленіе Одиссеи произведетъ впечатлѣніе на духъ современнаго общества. Въ этой думѣ нашъ авторъ, подобно Горацію, стукнулъ головою о небесную звѣзду, а *его* голова закружилась отъ великолѣпія этихъ пререканій! .

Зачѣмъ пускать пыль въ глаза? Гоголь и всякій изъ насъ знаетъ по Иліадѣ, во сто разъ интереснѣйшей для всякаго читателя, чѣмъ Одиссея, что и сія послѣдняя не произведетъ ни малѣйшаго впечатлѣнія на публику. А въ то время публика гораздо болѣе благоволила къ отечественной словесности чѣмъ теперь, когда многочисленный классъ читателей исключительно пристрастился къ новѣйшимъ французскимъ романамъ, доступнымъ ему въ нашихъ толстыхъ журналахъ. Покойный Гнѣдичъ переводилъ съ подлинника, хорошо зналъ механизмъ гекзаметра, трудился добросовѣстно, написалъ великолѣпное предисловіе къ своей Иліадѣ, увѣренный въ огромномъ успѣхѣ, а всетаки русская Иліада, тотчасъ по появленіи своемъ, отошла къ эзотерическому существованію, т.-е. въ библіотеки нѣкоторыхъ ученыхъ—и только! Иначе и быть не можетъ: ни одно произведеніе древне-классической литературы не расшевелитъ новѣйшаго народа, не можетъ имѣть успѣха (въ смыслѣ книжной торговли).

Нужно ли называть тому причину? Одни знатоки, или, по крайней мѣрѣ, любители древностей, ожидаютъ съ нетерпѣніемъ русской Одиссеи: ихъ весьма немного! Я согласенъ, что языкъ Жуковскаго лучше языка Гнѣдича; но я теперь знаю по *Ундинѣ* и по *Налю и Дамаянти*, что публика не любитъ *ничьихъ* гекзаметровъ. Хотите-ли сдѣлать Одиссею доступною для всѣхъ и даже для народа, попросите нашего любезнаго *казака Луганскаго* разсказать ее тѣмъ *русскимъ* языкомъ, которымъ онъ мастерски владѣетъ.

Баронъ Розенъ.

* *

*) Текстъ второго изданія „Мертвыхъ Душъ" напечатанъ безъ всякихъ измѣненій противъ перваго изданія. Но авторъ присоединилъ къ нему предисловіе, которое назы-

---

*) „Отечественныя Записки" 1846 г., № 12. Т. 49. „Русская Литература". О „Мертвыхъ Душахъ".

вается „Къ Читателю отъ Сочинителя“, и изъ котораго приведемъ здѣсь нѣсколько выдержекъ:

„Кто-бы ты ни былъ, мой читатель, на какомъ бы мѣстѣ ни стоялъ, въ какомъ бы званіи ни находился, почтенъ ли ты высшимъ чиномъ или человѣкъ простого сословія, но если тебя вразумилъ Богъ грамотѣ, и попалась ужъ тебѣ въ руки моя книга, я прошу тебя помочь мнѣ“.

Гоголь проситъ у своихъ читателей замѣчаній на недостатки его поэмы и свѣдѣній у Россіи.

„Я не могу“, говоритъ онъ, *„выдать послѣднихъ томовъ моего сочиненія* до тѣхъ поръ, покуда сколько-нибудь не узнаю русскую жизнь со всѣхъ ея сторонъ, хотя въ такой мѣрѣ, въ какой мнѣ нужно знать ее для моего сочиненія“.

Нѣсколько далѣе сказано:

„Всякій человѣкъ, кто жилъ и видѣлъ свѣтъ и встрѣчался съ людьми, замѣтилъ что-нибудь такое, чего другой не замѣтилъ, и узналъ что-нибудь такое, чего другіе не знаютъ“.

Несмотря на очевидность этой истины, мы полагаемъ, что величайшее достоинство второго изданія „Мертвыхъ Душъ“ заключается въ тождествѣ его текста съ текстомъ перваго изданія.

Изъ „Отечественныхъ Записокъ“ 1846 г.

Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями Николая Гоголя*).

Это едва-ли не самая странная и не самая поучительная книга, какая когда-либо появлялась на русскомъ языкѣ. Безпристрастный читатель, съ одной стороны, найдетъ въ ней жестокій ударъ человѣческой гордости, а съ другой стороны, обогатится любопытными психологическими фактами касательно бѣдной человѣческой природы... Впрочемъ, нисколько не правъ будетъ тотъ, кѣмъ при чтеніи этой книги попеременно стали-бы овладѣвать то

*) Современникъ 1846 г., № 2, т. 1. Статья В. Бѣлинскаго.

жестокая грусть, то злая радость,—грусть о томъ, что и человѣкъ съ огромнымъ талантомъ можетъ пасть такъ же, какъ и самый дюжинный человѣкъ, радость отъ того, что все ложное, натянутое, неестественное никогда не можетъ замаскироваться, но всегда безпощадно казнится собственною же пошлостью.. Смыслъ этой книги не до такой степени печаленъ. Тутъ дѣло идетъ только объ искусствѣ, и самое худшее въ немъ—потеря человѣка для искусства.

Сколько книгъ является съ эпиграфами, которые нисколько къ нимъ не идутъ, и ничего въ нихъ не поясняютъ, и сколько эпиграфовъ такъ и просятся въ эту книгу, которая явилась безъ всякаго эпиграфа! Напримѣръ, какъ шелъ-бы къ ней этотъ эпиграфъ: *Суета суетъ и всяческая суета!* или этотъ: *Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas!* Но не будемъ говорить о томъ, чего въ ней нѣтъ, а обратимся къ тому, что въ ней есть.. Изъ предисловія узнаемъ мы, что авторъ былъ боленъ при смерти, и написалъ было завѣщаніе. Все это очень обыкновенно и со всякимъ случиться можетъ. Но вотъ что вовсе необыкновенно и что доселѣ еще ни съ кѣмъ изъ частныхъ лицъ не случалось. Завѣщаніе Н. В. Гоголя, напечатанное въ книгѣ вполнѣ, не заключаетъ въ себѣ никакихъ семейныхъ подробностей, которыя, разумѣется, и не шли-бы въ печать, но все состоитъ изъ интимной бесѣды автора съ Россіею.. То-есть, авторъ говоритъ и наказываетъ, а Россія его слушаетъ и обѣщаетъ выполнить.. Тутъ, между прочимъ, говорится о вѣнцѣ творенія Гоголя, о какой-то *Прощальной Повѣсти*, написанной имъ въ назиданіе, поученіе и услажденіе высокихъ умъ... Потомъ объявляется, что авторъ сжегъ всѣ свои сочиненія, бывшія у него въ рукописяхъ, какъ безполезныя... Вмѣсто этого, проситъ онъ друзей своихъ издать его письма съ 1844 года для пользы тоже высокихъ умъ.. Но вотъ конецъ завѣщанія въ подлинныхъ словахъ:

„VII. Завѣщаю... но я вспомнилъ, что уже не могу [illegible] распорядиться. Непозволительнымъ образомъ похищено у [illegible] право собственности безъ моей воли и позво-

ленія опубликовать мой портретъ. По многимъ причинамъ, которыя мнѣ объявлять не нужно, я не хотѣлъ этого, не продавалъ никому права на его публичное изданіе, и отказывалъ всѣмъ книгопродавцамъ, доселѣ приступавшимъ ко мнѣ съ предложеніями, и только въ такомъ случаѣ предполагалъ себѣ это позволить, если бы помогъ мнѣ Богъ совершить тотъ трудъ, которымъ мысль моя была занята во всю жизнь мою, и притомъ такъ совершить его, чтобы всѣ мои соотечественники сказали въ одинъ голосъ, что я честно исполнилъ свое дѣло, и даже пожелали бы узнать черты лица того человѣка, который до времени работалъ въ тишинѣ и не хотѣлъ пользоваться незаслуженною извѣстностью. Съ этимъ соединялось другое обстоятельство: *портретъ мой въ такомъ случаѣ могъ распродаться вдругъ во множествѣ экземпляровъ, принеся значительный доходъ тому художнику, который долженъ былъ гравировать его.* Художникъ этотъ уже нѣсколько лѣтъ трудится въ Римѣ надъ гравированіемъ безсмертной картины Рафаэля: Преображеніе Господне. Онъ всѣмъ пожертвовалъ для своего труда, труда убійственнаго, пожирающаго годы и здоровье, и съ такимъ совершенствомъ исполнилъ свое дѣло, подходящее нынѣ къ концу, съ какимъ не исполнилъ еще ни одинъ изъ граверовъ. Но, по причинѣ высокой цѣны и малаго числа знатоковъ, эстампъ его не можетъ разойтись въ такомъ количествѣ, чтобы вознаградить его за все: мой портретъ ему помогъ-бы. Теперь планъ мой разрушенъ: разъ опубликованное изображеніе кого бы то ни было дѣлается собственностью каждаго занимающагося изданіемъ гравюръ и литографій. Но если бы случилось такъ, что, послѣ моей смерти, письма, послѣ меня изданныя, доставили бы какую-нибудь общественную пользу (хоть бы даже однимъ только чистосердечнымъ стремленіемъ ее доставить), и пожелали бы мои соотечественники увидѣть и портретъ мой, то я прошу всѣхъ таковыхъ издателей благородно отказаться отъ своего права; тѣхъ же моихъ читателей, которые по излишней благосклонности ко всему, что ни пользуется извѣстностью, завели у себя какой-нибудь портретъ мой, прошу уничтожить его тутъ

же по прочтеніи сихъ строкъ, тѣмъ болѣе, что онъ сдѣланъ дурно и безъ сходства, и покупать только тотъ, на которомъ будетъ выставлено: гравировалъ Іордановъ. Симъ будетъ сдѣлано, по крайней мѣрѣ, справедливое дѣло. А еще будетъ справедливѣй, если тѣ, которые имѣютъ достатокъ, станутъ, вмѣсто портрета моего, покупать самый эстампъ Преображенія Господня, который, по признанію даже чужеземцевъ, есть вѣнецъ гравировальнаго дѣла, и составляетъ славу русскую.

Завѣщаніе мое, немедленно по смерти моей, должно быть напечатано во всѣхъ журналахъ и вѣдомостяхъ, дабы, по случаю невѣдѣнія его, никто не сдѣлался передо мною невинно-виноватымъ, и тѣмъ бы не нанесъ упрека на свою душу".

Изданную теперь книгу: „Выбранныя мѣста изъ переписки съ читателями" Гоголь проситъ своихъ соотечественниковъ прочитать нѣсколько разъ, а достаточныхъ изъ нихъ проситъ онъ покупать ее по нѣсколько экземпляровъ для раздачи тѣмъ, которые сами купить ее не въ состояніи (стр. 3). Сбираясь въ Сирію, на поклоненіе святымъ мѣстамъ, проситъ онъ прощенія у всѣхъ, передъ которыми виноватъ, равно какъ и у тѣхъ, передъ которыми не виноватъ... Въ особенности сознаетъ онъ, что въ его обхожденіи съ людьми всегда было много непріятно отталкивающаго. „Отчасти это происходило (говоритъ онъ) оттого, что я избѣгалъ встрѣчъ и знакомствъ, чувствуя, что не могу еще произнести умнаго и нужнаго слова человѣку (пустыхъ же и ненужныхъ словъ мнѣ произносить не хотѣлось), и будучи въ то же время убѣжденъ, что, по причинѣ безчисленнаго множества моихъ недостатковъ, мнѣ было необходимо хотя немного воспитать самого себя въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ людей. *Отчасти же это происходило и отъ мелочного самолюбія, свойственнаго только тѣмъ изъ насъ, которые изъ грязи пробирались въ люди, и считаютъ себя въ правѣ спесиво глядѣть на другихъ*". (стр. 4—5).

За предисловіемъ и завѣщаніемъ слѣдуютъ письма. Въ этихъ письмахъ авторъ изображаетъ себя какъ-бы про-

зрѣвшимъ вслѣдствіе своей болѣзни, исполнившимся духа любви, кротости, и въ особенности смиренія... Содержаніе ихъ вполнѣ соотвѣтствуетъ такому духу: это не письма, это скорѣе строгія и иногда грозныя увѣщанія учителя ученикамъ... Онъ поучаетъ, наставляетъ, совѣтуетъ, уличаетъ, упрекаетъ, прощаетъ и т. д. Къ нему всѣ обращаются съ вопросами, и онъ никого не оставляетъ безъ отвѣта. Онъ самъ говоритъ: „Все, какимъ-то инстинктомъ, обращалось ко мнѣ, требуя помощи и совѣта". Тутъ же, черезъ нѣсколько строкъ: „Въ послѣднее время мнѣ случалось даже получать письма отъ людей, мнѣ почти вовсе незнакомыхъ, и давать на нихъ отвѣты такіе, какихъ бы я не сумѣлъ дать раньше. А между прочимъ (?) я ничуть не умнѣе никого". (стр. 121 122). Затѣмъ слѣдуетъ объясненіе, что эта мудрость произошла отъ болѣзни. Въ другомъ письмѣ, давая пріятелю совѣтъ по части хозяйства, авторъ говоритъ: „только раскуси его хорошенько, и не будешь въ накладѣ: два человѣка уже благодарятъ меня, одинъ изъ нихъ тебѣ знакомый К** (стр. 159)". Видите ли: онъ самъ сознаетъ себя чѣмъ-то въ родѣ *curé du village*, или даже и папы для маленькаго католическаго міра... Послушаемъ-же его совѣтовъ и подивимся имъ...

Говоря въ письмѣ къ одной дамѣ о значеніи женщины въ свѣтѣ, авторъ открываетъ намъ главную причину лихоимства въ Россіи. Найти причину зла — почти то же, что найти противъ него лѣкарство. И авторъ „Переписки" нашелъ его. Слушайте: главная причина взяточничества чиновниковъ происходитъ „отъ расточительности ихъ женъ, которыя такъ жадничаютъ блистать въ свѣтѣ, большомъ и маломъ, и требуютъ на то денегъ отъ мужей". (стр. 17)... Признаемся, мы были сильно поражены этимъ открытіемъ... Мы, однакожъ, не остановились на этомъ, но пошли далѣе; думая, да думая, мы надумались, что оно, конечно, хорошо, если чиновницы перестанутъ щеголять и блистать въ свѣтѣ, но что еще будетъ лучше, если онѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, навсегда оставятъ дурную привычку— поутру и вечеромъ пить чай или кофе, а въ полдень обѣдать, равно какъ и другую дурную привычку: прикрывать

наготу свою чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ рогожи или самой дешевой парусины... Тогда бы имъ вовсе не для чего было просить у мужей денегъ, а мужьямъ вовсе не для чего было бы брать жалованье, не только взятки... Исправленіе нравовъ было бы всесовершенное. Съ этимъ могутъ не согласиться только такъ называемые практическіе люди, которые все понимаютъ не вдохновеніемъ, а здравымъ смысломъ да опытностью. Они могутъ сказать, что до Петра Великаго у насъ не было модъ, и женщины сидѣли взаперти, а взяточничество было, да еще въ несравненно сильнѣйшей степени, чѣмъ теперь... Пожалуй, они могутъ еще сказать, что, хорошо зная человѣческую натуру и ея слабости, они считаютъ рѣшительно невозможнымъ, чтобы у однихъ уничтожить желаніе блистать, когда другіе, по своимъ средствамъ, согласятся скорѣе умереть, нежели перестать блистать; и что если равенство въ средствахъ есть неосуществимая мечта, то никакія „переписки" въ мірѣ не убѣдятъ никакого Ира не желать быть Крезомъ, или не завидовать ему, ибо это внѣ природы человѣческой, а немногія и рѣдкія исключенія тутъ ровно ничего не значатъ. Но мало ли чего могутъ наговорить практическіе люди, да что ихъ слушать! Вѣдь, они черпаютъ свои мысли въ разумѣ, разсудкѣ, опытѣ и знаніи—источникахъ мірскихъ, свѣтскихъ и грѣховныхъ!.. Эти люди, пожалуй, скажутъ вамъ, что только въ здоровомъ тѣлѣ можетъ обитать здоровая душа, что только не страждущій никакимъ разстройствомъ мозгъ можетъ правильно мыслить... Заткните уши отъ такихъ вольнодумныхъ мыслей и *плюньте* (любимое выраженіе автора „Переписки") на проповѣдниковъ такой ереси. Вотъ что говоритъ объ этомъ нашъ авторъ: „О, какъ нужны намъ недуги! изъ множества пользъ, которыя я уже извлекъ изъ нихъ, укажу вамъ только на одну: не будь этихъ недуговъ, я бы подумалъ, —что сталъ уже такимъ, какимъ мнѣ слѣдуетъ быть. Не говорю уже о томъ, что *самое здоровье, которое безпрестанно подталкиваетъ русскаго человѣка на какія-то прыжки и желаніе порисоваться своими качествами передъ другими*, заставило-бы меня надѣлать уже

тысячу глупостей. Притомъ, нынѣ, въ мои свѣжія минуты, которыя дастъ мнѣ милость небесная, и среди самыхъ страданій иногда приходятъ ко мнѣ мысли, несравненно лучшія прежнихъ, *и я вижу самъ, что теперь все, что ни выйдетъ изъ-подъ пера моего, будетъ значительнѣе прежняго*". Теперь неоспоримо, какъ $2 \times 2 = 4$, что нездоровье лучше здоровья: въ здоровьи человѣкъ, особенно русскій, любитъ рисоваться и заноситься, а въ болѣзни онъ ясно видитъ, что прежде онъ дѣлалъ однѣ глупости, а вотъ теперь то за умъ хватился, и сталъ молодецъ хоть куда! Онъ ужъ тутъ самъ видитъ, что онъ и пишетъ лучше прежняго, и если весь свѣтъ видитъ, что дѣло совершенно наоборотъ, можно *плюнуть* на весь свѣтъ: брешешь, молъ, ты, дуракъ!.. Вы думаете, что съ свѣтомъ, даже съ большимъ, нельзя такъ говорить? По крайней мѣрѣ, въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ дружеской перепискѣ" свѣтскіе люди иначе не называются, какъ *глупыми умниками* (стр. 149). Вообще, замѣтимъ кстати, обращеніе нашего смиренномудраго совѣтодателя, какъ съ своими адептами, такъ и съ людьми, никогда его не знавшими, отличается немного черезчуръ восточною откровенностью. „Критика (у него) устала и запуталась отъ разборовъ загадочныхъ произведеній новѣйшей литературы, съ горя бросилась въ сторону, и, уклонившись отъ вопросовъ литературныхъ, *понесла дичь*" (стр. 51). Вотъ, чтобы помочь этому горю и направить критику на истинный путь, онъ и написалъ свою превосходную критическую статью *объ Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ*, - статью, въ которой, разумѣется, дичи не было нисколько... Но вотъ черта еще лучше:

„Какъ *глупы* нѣмецкіе умники, выдумавшіе, будто Гомеръ миѳъ, а всѣ творенія его—народныя пѣсни и рапсодіи (стр. 50)". Сколько мы помнимъ, главнымъ поборникомъ этого мнѣнія былъ профессоръ Вольфъ, человѣкъ, конечно, не геніальный, но весьма ученый и совсѣмъ не дуракъ... Но вотъ бѣда: это мнѣніе раздѣлялъ и Гёте, который былъ и нѣмецъ, но дуракомъ ни въ чьихъ глазахъ никогда еще не былъ... Что скажутъ о насъ нѣмцы, если узнаютъ, что ихъ Гёте былъ не болѣе, какъ дуракъ!..

А между тѣмъ, воля ваша, а, вѣдь, оно должно быть такъ, потому что нашъ авторъ не знаетъ ни греческаго языка, столь знакомаго Вольфу и Гете, да едва ли знаетъ и по-нѣмецки-то, сверхъ того, онъ судитъ не по разуму, не по званію, а по вдохновенію: изъ всего этого слѣдуетъ, что онъ правъ и что Гете дѣйствительно дуракъ... Нѣтъ, это дѣло рѣшенное — Гете дуракъ! Да и что тутъ чиниться съ какими-нибудь нѣмцами! Но вотъ особенно интересное сужденіе автора о славянофилахъ, отличающееся всѣмъ достоинствомъ его патріархальной откровенности:

„Споры о нашихъ европейскихъ и славянскихъ началахъ, которые, какъ ты говоришь, пробираются уже и въ гостиныя, показываютъ только то, что мы начинаемъ просыпаться, но еще не вполнѣ проснулись; а потому не мудрено, что съ обѣихъ сторонъ наговаривается весьма много дичи. Всѣ эти Славянисты и Европеисты или же староверы, иновѣры или же Восточники и Западники, а что они въ самомъ дѣлѣ, не умѣю сказать, потому что покамѣстъ они мнѣ кажутся только карикатурами на то, чѣмъ хотятъ быть. Всѣ они говорятъ о двухъ разныхъ сторонахъ одного и того же предмета, никакъ не догадываясь, что ничуть не спорятъ и не перечатъ другъ другу. Одинъ подошелъ слишкомъ близко къ строенію, такъ что видитъ одну часть его; другой отошелъ отъ него слишкомъ далеко, такъ что видитъ весь фасадъ, но по частямъ не видитъ. Разумѣется, правды больше на сторонѣ Славянистовъ и Восточниковъ, потому что они все-таки видятъ весь фасадъ и, стало-быть, все-таки говорятъ о главномъ, а не о частяхъ. Но и на сторонѣ Европеистовъ и Западниковъ тоже есть правда, потому что они говорятъ довольно подробно и отчетливо о той стѣнѣ, которая стоитъ передъ ихъ глазами: вина ихъ въ томъ только, что изъ-за карниза, вѣнчающаго эту стѣну, не видится имъ верхушки всего строенія, то есть глава, куполъ и все, что ни есть въ вышинѣ. Можно бы посовѣтовать обоимъ—одному попробовать, хоть на время подойти ближе, а другому отступиться немного подалѣе. Но на это они не согласятся, потому что духъ гордости обуялъ обоими. Всякій изъ нихъ

увѣренъ, что онъ окончательно и положительно правъ, и что другой окончательно и положительно лжетъ. Кичливости больше на сторонѣ Славянистовъ: *они хвастуны; изъ нихъ каждый воображаетъ о себѣ, что онъ открылъ Америку, и найденное имъ зернышко раздуваетъ въ рѣпу.* Разумѣется, что такимъ *строптивымъ хвастовствомъ* вооружаютъ они еще болѣе противу себя Европеистовъ, которые давно бы готовы были отъ многаго отступиться, потому что и сами начинаютъ слышать многое, прежде неслыханное, но упорствуютъ, не желая уступить слишкомъ раскозырявшемуся человѣку".

А въ другомъ мѣстѣ вотъ что говоритъ авторъ о томъ же предметѣ:

„Многіе у насъ уже и теперь, особенно между молодежью, стали хвастаться не въ мѣру русскими доблестями, и думаютъ вовсе не о томъ, чтобы углубить и воспитать ихъ въ себѣ, но чтобы выставить ихъ напоказъ и сказать Европѣ: „смотрите, Нѣмцы: мы лучше васъ!" Это хвастовство губитель всего. Оно раздражаетъ другихъ и наноситъ вредъ самому хвастуну. Наилучшее дѣло можно превратить въ грязь, если только имъ похвалишься и похвастаешь. А у насъ, еще не сдѣлавши дѣла, имъ хвастаются! Хвастаются будущимъ! Нѣтъ, по мнѣ ужъ лучше временное уныніе и тоска отъ самого себя, нежели самонадѣянность въ себѣ!"

Но мы начали рѣчь о совѣтахъ, которыми авторъ надѣляетъ своихъ адептовъ: надо кончить эту интересную матерію. Одинъ изъ пріятелей автора посягнулъ на дѣло неслыханной дерзости: онъ рѣшился сказать автору письменно, что, по его мнѣнію, теперь-де самое время для выпуска второй части *Мертвыхъ Душъ*. Подобная дерзость не могла не подѣйствовать нѣсколько мутно на смиреніе нашего автора,—и онъ разразился слѣдующимъ громовымъ отвѣтомъ неосторожному смѣльчаку:

„Вотъ, если бы ты, вмѣсто того, чтобъ предлагать мнѣ пустые запросы (которыми напичкалъ половину письма своего и которые ни къ чему не ведутъ, кромѣ удовлетворенія какого-то празднаго любопытства) собралъ всѣ дѣль-

ныя замѣчанія на мою книгу, какъ свои, такъ и другихъ умныхъ людей, занятыхъ, подобно тебѣ, жизнью опытною и дѣльною, да присоединилъ бы къ этому множество событій и анекдотовъ, какіе ни случались въ околоткѣ вашемъ и во всей губерніи, въ подтвержденіе или въ опровержeніе всякаго дѣла въ моей книгѣ, какихъ можно бы десятками прибрать на всякую страницу; тогда-бы ты сдѣлалъ доброе дѣло, и я бы сказалъ тебѣ мое крѣпкое спасибо. Какъ бы отъ этого раздвинулся мой кругозоръ! Какъ бы освѣжилась моя голова! и какъ бы успѣшнѣе пошло мое дѣло! Но того, о чемъ я прошу, никто не исполняетъ; моихъ запросовъ никто не считаетъ важными, а только уважаетъ свои; а иной даже требуетъ отъ меня какой-то искренности и откровенности, не понимая самъ, чего онъ требуетъ. И къ чему это пустое любопытство знать впередъ, и эта пустая, ни къ чему не ведущая торопливость, которою, какъ я замѣчаю, ужъ и ты начинаешь заражаться? Смотри, какъ въ природѣ совершается все чинно и мудро, въ какомъ стройномъ законѣ, и какъ все разумно исходитъ одно изъ другого! Одни мы, Богъ вѣсть изъ чего, мечемся, все торопимся, все въ какой-то горячкѣ. Ну взвѣсилъ ли ты хорошенько слова свои: „второй томъ нуженъ теперь необходимо“? Чтобы я, изъ-за того только, что есть противъ меня всеобщее неудовольствіе, сталъ торопиться вторымъ томомъ, такъ же глупо, какъ и то, что я поторопился первымъ? Да развѣ ужъ я совсѣмъ выжилъ изъ ума? Неудовольствіе это мнѣ нужно: въ неудовольствіи человѣкъ хоть что-нибудь мнѣ выскажетъ. И откуда вывелъ ты заключеніе, что второй томъ именно теперь мнѣ нуженъ? Залѣзъ ты развѣ въ мою голову? Почувствовалъ существо второго тома? По твоему, онъ нуженъ теперь, а по моему, не раньше, какъ черезъ два-три года, да и то еще, принимая въ соображеніе попутный ходъ обстоятельствъ и времени. Кто изъ насъ правъ? Тотъ ли, у кого второй томъ ужъ сидитъ въ головѣ, или тотъ, кто даже и не знаетъ, изъ чего состоитъ второй томъ? Какая странная мода завелась теперь на Руси! Самъ человѣкъ лежитъ на боку, къ дѣлу настоя-

щему лѣнивъ, а другого торопятъ, точно, какъ будто непремѣнно другой долженъ изо всѣхъ силъ тянуть отъ радости, что его пріятель лежитъ на боку. Чуть замѣтятъ, что хоть одинъ человѣкъ занялся серьезно какимъ-нибудь дѣломъ, ужъ его торопятъ со всѣхъ сторонъ, и потомъ его же выбранятъ, если сдѣлаетъ глупо, скажутъ: зачѣмъ торопился? Но оканчиваю тебѣ поученіе. На твой умный вопросъ я отвѣчалъ, и даже сказалъ тебѣ то, чего доселѣ не говорилъ еще никому. Не думай однакоже послѣ этой исповѣди, чтобы я самъ былъ такой же уродъ, каковы мои герои. Нѣтъ, я не похожъ на нихъ. Я люблю добро, я ищу его и сгораю имъ; но я не люблю моихъ мерзостей, и не держу ихъ руку, какъ мои герои; я не люблю тѣхъ низостей моихъ, которыя отдаляютъ меня отъ добра. Я воюю съ ними, и буду воевать, и изгоню ихъ, и мнѣ въ этомъ поможетъ Богъ, и это вздоръ, что выпустили глупые, свѣтскіе умники, будто человѣку только и возможно воспитать себя, покуда онъ въ школѣ, а послѣ ужъ и черты нельзя измѣнить въ себѣ: только *въ глупой свѣтской башкѣ* могла образоваться такая глупая мысль. Я ужъ отъ многихъ своихъ гадостей отдѣлался тѣмъ, что передалъ ихъ своимъ героямъ, ихъ осмѣялъ въ нихъ и заставилъ другихъ также надъ ними посмѣяться. Я оторвался уже отъ многаго тѣмъ, что, лишивши картиннаго вида и рыцарской маски, подъ которой выѣзжаетъ козыремъ всякая мерзость наша, поставилъ ее рядомъ съ той гадостью, которая всѣмъ видна. И когда повѣряю себя на исповѣди передъ Тѣмъ, кто повелѣлъ мнѣ быть въ мірѣ и освобождаться отъ моихъ недостатковъ, вижу много въ себѣ пороковъ; но они уже не тѣ, которые были въ прошломъ году. Святая сила помогла мнѣ отъ нихъ оторваться. А тебѣ совѣтую не пропустить мимо ушей этихъ словъ, но, по прочтеніи моего письма, остаться одному на нѣсколько минутъ и, отъ всего отдѣляясь, взглянуть хорошенько на себя самого, перебравши передъ собою всю свою жизнь, чтобы провѣрить на дѣлѣ истину моихъ словъ. Въ этомъ же моемъ отвѣтѣ найдешь отвѣтъ и на другіе запросы, если попристальнѣе вглядишься. Тебѣ объяснится также

и то, почему не выставлялъ я до сихъ поръ читателю явленій утѣшительныхъ, и не избралъ въ мои герои добродѣтельныхъ людей. Ихъ въ головѣ не выдумаешь. Пока не станешь самъ хоть сколько-нибудь на нихъ походить, пока не добудешь постоянствомъ и не завоюешь силою въ душу нѣсколько добрыхъ качествъ, мертвечина будетъ все, что ни напишетъ перо твое, и какъ земля отъ неба, будетъ далеко отъ правды. Выдумывать кошемаровъ — я также не выдумывалъ: кошемары эти давили мою собственную душу: что было въ душѣ, то изъ нея и вышло“.

Любопытны очень, во многихъ отношеніяхъ, слѣдующіе отрывки:

„Пушкинъ, когда прочиталъ слѣдующіе стихи изъ оды Державина къ Храповицкому:

„За слова меня пусть гложетъ,
За дѣла сатирикъ чтитъ—

сказалъ такъ: „Державинъ не совсѣмъ правъ; слова поэта суть уже его дѣла“. Пушкинъ правъ. Поэтъ на поприщѣ слова долженъ быть такъ же безукоризненъ, какъ и всякій другой на своемъ поприщѣ. Если писатель станетъ оправдываться какими-нибудь обстоятельствами, бывшими причиною неискренности, или необдуманности, или поспѣшной торопливости его слова, тогда и всякій несправедливый судья можетъ оправдаться въ томъ, что бралъ взятки и торговалъ правосудіемъ, складывая вину на свои тѣсныя обстоятельства, на жену, на большое семейство, — словомъ, мало-ли на что можно сослаться? У человѣка вдругъ явятся тѣсныя обстоятельства. Потомству нѣтъ дѣла до того, кто былъ виною, что писатель сказалъ глупость или нелѣпость, или же выразился вообще необдуманно и незрѣло. Оно не станетъ разбирать, кто толкалъ его подъ руку: близорукій-ли пріятель, подстрекавшій его на рановременную дѣятельность, журналистъ-ли, хлопотавшій только о пользѣ своего журнала. Потомство не приметъ въ уваженіе ни кумовства, ни журналистовъ, ни собственной его бѣдности и затруднительнаго положенія. Оно сдѣлаетъ упрекъ ему, а не имъ. Зачѣмъ ты не устоялъ противу

всего этого? Вѣдь, ты же почувствовалъ самъ честность своего званія; вѣдь, ты же умѣлъ предпочесть его другимъ выгоднѣйшимъ должностямъ, и сдѣлалъ это не вслѣдствіе какой-нибудь фантазіи, но потому, что въ себѣ услышалъ на то призваніе Божіе; вѣдь, ты же получилъ въ добавку къ тому умъ, который видѣлъ подальше, пошире и поглубже дѣла, нежели тѣ, которые тебя подталкивали! Зачѣмъ же ты былъ ребенкомъ, а не мужемъ, получа все, что нужно для мужа? Словомъ, еще какой-нибудь обыкновенный писатель могъ бы оправдываться обстоятельствами, но не Державинъ. Онъ слишкомъ повредилъ себѣ тѣмъ, что не сжегъ, по крайней мѣрѣ, половины своихъ одъ. Эта половина одъ представляетъ явленіе поразительное: никто еще доселѣ такъ не посмѣялся надъ самимъ собою, надъ святынею своихъ лучшихъ вѣрованій и чувствъ, какъ сдѣлалъ это Державинъ въ этой несчастной половинѣ своихъ одъ. Точно какъ бы онъ силился здѣсь намалевать карикатуру на самого себя: все, что въ другихъ мѣстахъ у него такъ прекрасно, такъ свободно, такъ проникнуто внутреннею силою душевнаго огня, здѣсь холодно, бездушно и принужденно; а что хуже всего, здѣсь повторены тѣ же самые обороты, выраженія и даже цѣликомъ фразы, которыя имѣютъ такую орлиную замашку въ его одушевленныхъ одахъ и которыя тутъ просто смѣшны и походятъ на то, какъ бы карликъ надѣлъ панцырь великана, да еще и не такъ, какъ слѣдуетъ. Сколько людей теперь произноситъ сужденіе о Державинѣ, основываясь на его пошлыхъ одахъ: сколько усомнилось въ искренности его чувствъ потому только, что нашли ихъ во многихъ мѣстахъ выраженными слабо и бездушно: какіе двусмысленные толки составились о самомъ его характерѣ, душевномъ благородствѣ и даже неподкупности того самаго правосудія, за которое онъ стоялъ. И все потому, что не сожжено то, что должно быть предано огню. Пріятель нашъ И... имѣетъ обыкновеніе, открывши какіе ни попало строки извѣстнаго писателя тотъ же часъ ихъ тиснуть въ журналѣ, не взвѣсивъ хорошенько, къ чести ли это или къ безчестью его. Онъ скрѣпляетъ все дѣло извѣстною

оговоркою журналистовъ: „Надѣемся, что читатели и потомство останутся благодарны за сообщеніе сихъ драгоцѣнныхъ строкъ: въ великомъ человѣкѣ все достойно любопытства“, и тому подобное. Все это пустяки. Какой-нибудь мелкій читатель останется благодаренъ; но потомство плюнетъ на эти драгоцѣнныя строки, если въ нихъ бездушно повторено то, что уже извѣстно, и если не дышитъ отъ нихъ святыня того, что должно быть свято. Чѣмъ истины выше, тѣмъ нужно быть осторожнѣе съ ними; иначе онѣ вдругъ обратятся въ общія мѣста, а общимъ мѣстамъ уже не вѣрятъ. Не столько зла произвели сами безбожники, сколько произвели зла лицемѣрные или даже просто неприготовленные проповѣдователи Бога, дерзавшіе произносить имя Его неосвященными устами. Обращаться съ словомъ нужно честно. Оно есть высшій подарокъ Бога человѣку. Бѣда произносить его писателю въ тѣ поры, когда онъ находится подъ вліяніемъ страстныхъ увлеченій, досады, или гнѣва, или какого-нибудь личнаго нерасположенія къ кому-бы то ни было—словомъ, въ тѣ поры, когда не пришла еще въ стройность его собственная душа: изъ него такое выйдетъ слово, которое всѣмъ опротивѣетъ. И тогда съ самымъ чистѣйшимъ желаніемъ добра можно произвести зло.

Тотъ же нашъ пріятель П. . тому порука: онъ торопился всю свою жизнь, спѣша дѣлиться всѣмъ со всѣми читателями, сообщать имъ все, чего ни набирался самъ, не разбирая, созрѣла ли мысль въ его собственной головѣ такимъ образомъ, дабы стать близкою и доступною всѣмъ, словомъ, выказывалъ передъ читателемъ себя всего во всемъ своемъ неряшествѣ. И что жъ? Замѣтили-ли читатели тѣ благородные и прекрасные порывы, которые у него сверкали весьма часто? приняли-ли отъ него то, чѣмъ онъ хотѣлъ съ ними подѣлиться? Нѣтъ; они замѣтили въ немъ одно только неряшество и безпорядокъ, которые прежде всего замѣчаетъ человѣкъ, и ничего отъ него не приняли. Тридцать лѣтъ работалъ и хлопоталъ какъ муравей этотъ человѣкъ, торопясь всю жизнь свою передать поскорѣй въ руки всѣмъ все, что ни находилъ въ пользу просвѣ-

щенія и образованія русскаго. И ни одинъ человѣкъ не сказалъ ему спасибо, ни одного признательнаго юноши я не встрѣтилъ, который бы сказалъ, что онъ обязанъ ему какимъ-нибудь новымъ свѣтомъ или прекраснымъ стремленіемъ къ добру, которое-бы внушило его слово. Напротивъ, я долженъ былъ даже спорить и стоять за чистоту самыхъ намѣреній и за искренность словъ его передъ такими людьми, которые, кажется, могли бы понять его. Мнѣ было трудно даже убѣдить кого-либо, потому что онъ сумѣлъ такъ замаскировать себя передъ всѣми, что рѣшительно нѣтъ возможности показать его въ томъ видѣ, каковъ онъ дѣйствительно есть. Опасно шутить писателю со словомъ. Слово гнило да не исходитъ изъ устъ вашихъ!

. . . .

„Я прочелъ съ большимъ удовольствіемъ похвальное слово Карамзину, написанное Погодинымъ. Это лучшее изъ сочиненій Погодина въ отношеніи благопристойности, какъ внутренней, такъ и внѣшней: въ немъ нѣтъ его обычныхъ грубо-неуклюжихъ замашекъ и топорнаго неряшества слога, такъ много ему вредящаго. Все здѣсь, напротивъ того, стройно, обдумано и расположено въ большомъ порядкѣ. Всѣ мѣста изъ Карамзина прибраны такъ умно, что Карамзинъ какъ бы очертывается весь самимъ собою, и, своими же словами взвѣсивъ и оцѣнивъ самого себя, становится какъ живой передъ глазами читателя“.

Но истинный перлъ его совѣтодательной части составляютъ три письма автора. Въ одномъ онъ учитъ мужа и жену жить по-супружески. Жалѣемъ, что длиннота этого письма лишаетъ насъ возможности пересказать его содержаніе: это чудо, это прелесть, еще ничего не являлось подобнаго на русскомъ языкѣ, и передъ этимъ даже путевыя записки за границею Погодина — просто пасъ!.. Въ другихъ двухъ письмахъ содержатся преудивительные совѣты помѣщику, какъ управлять своими крестьянами Въ одномъ изъ нихъ замѣчательнѣе всего совѣтъ касательно сельскаго суда и расправы. Такъ какъ, по мнѣнію

автора, въ спорахъ, жалобахъ, неудовольствіяхъ и тяжбахъ всегда бываютъ неправы обѣ стороны, то онъ и рѣшаетъ, что дѣло судьи наказать обѣ. „Эта мысль (говоритъ онъ), какъ непреложное вѣрованіе, разнеслась повсюду въ нашемъ народѣ. Вооруженный сю, даже простой и неумный человѣкъ, получаетъ въ народѣ власть и прекращаетъ ссоры. *Мы* только, *люди высшіе*, не слышимъ ея, потому что набрались пустыхъ рыцарски-европейскихъ понятій о правдѣ. Мы только споримъ изъ-за того, кто правъ, кто виноватъ; а если разобрать каждое изъ дѣлъ нашихъ, придешь къ тому же знаменателю: то есть оба виноваты. И видишь, что *весьма здраво* поступила комендантша въ повѣсти Пушкина „Капитанская Дочка", которая, пославши поручика разсудить городового солдата съ бабою, снабдила его такою инструкціею: „Разбери, кто правъ, кто виноватъ, да обоихъ и накажи" (стр. 188).

Въ другомъ письмѣ авторъ совѣтуетъ помѣщику прежде всего нешутя, искренно показать своимъ крестьянамъ, что ему, помѣщику, деньги — нуль. „Негодяямъ же и пьяницамъ повели, чтобы они оказывали добрымъ мужикамъ такое же уваженіе, какъ бы старостѣ, приказчику, попу, или даже самому тебѣ. Чтобы, когда еще они завидятъ издали примѣрнаго мужика и хозяина, *летѣли бы шапки съ головы у всѣхъ мужиковъ*, и все бы ему давало дорогу, а который посмѣлъ-бы оказать ему какое-нибудь неуваженіе или не послушаться умныхъ словъ его, того распеки тутъ-же при всѣхъ, скажи ему: „Ахъ, ты, *невымытое рыло!* Самъ весь зажилъ въ сажѣ, такъ что и глазъ не видать, да еще не хочешь оказать и чести честному! *Поклонись же ему въ ноги* и попроси, чтобы навелъ тебя на разумъ: не наведетъ на разумъ, собакой пропадешь" (стр. 158—159).

Хорошъ и этотъ совѣтъ: „Мужика не бей: *съѣздить его въ рожу* еще не большое искусство: это сумѣетъ сдѣлать и становой, и засѣдатель, и даже староста; мужикъ къ этому привыкъ, и только что почешетъ слегка у себя въ затылкѣ" (стр. 160). Затѣмъ авторъ учитъ помѣщика ру-

гаться съ мужиками... Что это такое? гдѣ мы? ужъ не перенеслись ли мы въ давно-прошедшія времена?...

Но это еще не все. Вотъ лучшее: „Замѣчанія твои о школахъ совершенно справедливы Учить мужика грамотѣ затѣмъ, чтобы доставить ему возможность читать пустыя книжонки, которыя издаютъ для народа европейскіе человѣколюбцы, есть дѣйствительно вздоръ. Главное уже то, что у мужика нѣтъ вовсе для этого времени. Послѣ столькихъ работъ никакая книжонка не полѣзетъ въ голову—и пришедши домой, онъ заснетъ, какъ убитый, богатырскимъ сномъ“ (стр. 162). Либо пойдетъ въ кабакъ, что онъ и дѣлаетъ нерѣдко... Но не понимаемъ, съ чего взялъ авторъ, будто народъ бѣжитъ, какъ отъ чорта, отъ всякой письменной бумаги? Бумагъ юридическихъ не любитъ не одинъ нашъ народъ, особенно если грамоты не знаетъ: но грамоты нашъ народъ не боится, напротивъ, любитъ ее, и бѣжитъ къ ней, а не отъ нея. Пусть попроситъ авторъ своихъ друзей, чтобы они переслали ему отчетъ за 1846 г. Министра Государственныхъ Имуществъ, напечатанный во всѣхъ оффиціальныхъ русскихъ газетахъ; изъ него увидитъ онъ какъ быстро распространяется въ Россіи грамотность между простымъ народомъ... А если бы захотѣлъ пожить въ той же Россіи, которую такъ расхваливаетъ, живя въ разныхъ нѣмецкихъ земляхъ, и поприглядѣться къ нашему простому народу, о которомъ онъ судитъ такъ рѣшительно, не зная его—онъ убѣдился бы, что эти быстрые успѣхи въ дѣлѣ распространенія грамотности въ простомъ народѣ основаны именно на глубокой потребности, какую чувствуетъ народъ въ грамотности, и на сильномъ стремленіи, какое онъ оказываетъ къ ученію. Авторъ увидѣлъ бы, какъ часто бородатые русскіе мужики ничего не жалѣютъ для обученія дѣтей своихъ грамотѣ, и достигаютъ иногда этой цѣли при всевозможной бѣдности въ средствахъ... Да, эта любовь къ свѣту, выразившаяся въ пословицѣ: *ученье свѣтъ, неученье—тьма*, составляетъ одно изъ лучшихъ, благороднѣйшихъ свойствъ русскаго народа, и это-то свойство до сихъ поръ не признано въ немъ его близорукими восхва-

лисцами льстецами, которые, взамѣнъ того, навыдумали для него множество похвальныхъ качествъ, или небывалыхъ въ немъ или составляющихъ еще его темную сторону...

Замѣчательна слѣдующая черта: въ началѣ авторъ совѣтуетъ помѣщику показывать крестьянамъ, искренно, безъ шутокъ, что деньги ему ни почемъ, т. е. вовсе не нужны: а въ концѣ письма говоритъ: „Разбогатѣешь ты, какъ Крезъ, въ противность тѣмъ недальновиднымъ людямъ, которые думаютъ, будто выгоды помѣщиковъ идутъ врозь съ выгодами мужиковъ" (стр. 162)...

Особеннымъ оттѣнкомъ отличаются письма автора къ Жуковскому. Вотъ нѣсколько образчиковъ писемъ этого рода:

„Поведемъ рѣчь о статьѣ, надъ которой произнесенъ смертный приговоръ, т. е. о статьѣ подъ названіемъ: „О лиризмѣ нашихъ поэтовъ". Прежде всего благодарность за смертный приговоръ! Вотъ уже во второй разъ я спасенъ тобою, о мой истинный наставникъ и учитель! Прошлый годъ твоя же рука остановила меня, когда я уже было хотѣлъ послать Плетневу въ „Современникъ" мои сказанія о русскихъ поэтахъ; теперь ты вновь предалъ уничтоженію новый плодъ моего неразумія. Только одинъ ты меня еще останавливаешь, тогда какъ всѣ другіе торопятъ, неизвѣстно зачѣмъ. Сколько *глупостей* успѣлъ бы я уже надѣлать, если-бы только послушался другихъ моихъ пріятелей. Итакъ, вотъ тебѣ моя благодарственная пѣснь—а затѣмъ обратимся къ самой статьѣ. Мнѣ стыдно, когда помыслю, *какъ до сихъ поръ еще я глупъ, и какъ не умѣю заговорить о томъ, что поумнѣе. Всего нелѣпѣе выходятъ мысли и толки о литературѣ.* Тутъ какъ-то особенно становится у меня все истощенно, темно и невразумительно. Мою же собственную мысль, которую не только вижу умомъ, но даже чую сердцемъ, не въ силахъ передать. Слышитъ душа многое, а пересказать или написать ничего не умѣю. Основаніе статьи моей справедливо, а между тѣмъ объяснился я такъ, что всякимъ выраженіемъ вызвалъ на противорѣчіе".

Знаменитая статья „объ Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ“, вновь является въ этой книгѣ, въ видѣ письма къ Н. М. Я.... ву. Вотъ основныя мысли этой удивительной статьи.

I. Для перевода „Одиссеи“ необходимо приготовленіе цѣлою жизнію, необходимы въ жизни переводчика разныя внутреннія и внѣшнія событія, поселяющія въ душѣ миръ, гармонію и другія похвальныя качества. Жуковскій вполнѣ соотвѣтствуетъ этимъ „необходимымъ“ требованіямъ.

II. Переводчикъ долженъ быть христіаниномъ по преимуществу, ибо язычника Гомера можно проникать и постигать только христіанскимъ чувствомъ. И съ этой стороны Жуковскій больше, нежели удовлетворителенъ.

Примѣчаніе. Нужно-ли знать переводчику по-гречески, зналъ-ли Жуковскій этотъ языкъ, авторъ умалчиваетъ.

III. Зато переводъ Одиссеи вышелъ несравненно лучше подлинника.

IV. Переводъ этотъ необходимъ для нашего времени, по причинѣ общаго охлажденія и недоразумѣнія.

V. Одиссея произведетъ у насъ вліяніе, какъ *вообще на всѣхъ*, такъ и *отдѣльно на каждаго.*

VI. Ее будутъ у насъ читать дворяне, мѣщане, купцы, грамотеи и неграмотеи, рядовые солдаты, лакеи, дѣти обоего пола.

VII. Греческій политеизмъ, сирѣчь многобожіе, не введетъ въ искушеніе нашихъ мужичковъ: они *почешутъ у себя въ затылкѣ* и сейчасъ смекнутъ, въ чемъ дѣло и въ чемъ вздоръ.

VIII. Одиссея произведетъ благодѣтельное вліяніе на нашу литературу: писатели и критики наши перестанутъ нести дичь. Но главное—

IX. Одиссея исправитъ всю нашу цивилизацію, испорченную вліяніемъ Европы, и возвратитъ насъ къ незапамятнымъ былымъ временамъ, помолодитъ насъ десятками тремя вѣковъ... Вѣдь, это-то и значитъ идти впередъ!..

„Словомъ (говоритъ авторъ) *на страждущихъ и больныхъ отъ своего европейскаго совершенства...* Одиссея подѣйствуетъ. Много напомнитъ она имъ младенчески-пре-

краснаго, которое (увы!) утрачено, но которое должно возвратить себѣ человѣчество, какъ свое законное наслѣдство. Многіе надъ многимъ призадумаются. А между тѣмъ, многое изъ временъ патріархальныхъ, съ которыми есть такое сродство въ русской природѣ, разнесется невидимо по лицу Русской земли. *Благоухающими* устами поэзіи навѣвается на души то, чего не внесешь въ нихъ никакими законами и никакою властью (стр. 56). Въ одномъ письмѣ къ Жуковскому, авторъ говоритъ: „Твоя „Одиссея“ принесетъ много общаго добра: *это тебѣ пророчило. Она возвратитъ къ свѣжести современнаго человѣка*, усталаго отъ безпорядка жизни и мыслей, она обновитъ въ глазахъ его много того, что брошено имъ, какъ ветхое и ненужное для быта; она возвратитъ его къ простотѣ.“ (стр. 125).

Подобный великій, благодѣтельный переворотъ, произведенный литературнымъ трудомъ, тѣмъ необходимѣе, что, по словамъ автора, „все теперь расшилось и расшнуровалось; *пряня и тряпка* сталъ всякъ человѣкъ, обратилъ самъ себя въ подлое подножіе всего (?) и въ раба самыхъ пустѣйшихъ и мелкихъ обстоятельствъ, и нѣтъ теперь нигдѣ свободы въ ея истинномъ смыслѣ“ (стр. 185).

Все это прекрасно. Но вотъ два смиренные вопроса съ нашей стороны. Какъ будетъ простой народъ читать Одиссею? Положимъ, *Одиссея* не принадлежитъ къ числу книжонокъ, издаваемыхъ для народа европейскими человѣколюбцами; но какъ будетъ читать ее нашъ народъ, которому авторъ такъ положительно и строго запрещаетъ знать грамоту? Или учиться грамотѣ, чтобы умѣть читать, нужно только „глупымъ“ нѣмцамъ, а славянину стоитъ только почесать у себя въ затылкѣ, чтобы прочесть всякую книгу, не умѣя читать?.. Потомъ, что, если, сверхъ чаянія, мистическія предреченія г. Гоголя о вліяніи „Одиссеи“ на судьбу русскаго народа вовсе не сбудутся, и переводъ этотъ, подобно переводу Гнѣдича *Иліады*, будетъ существовать только слишкомъ для немногихъ? Вѣдь, тогда кто жъ не скажетъ:

„Надѣлала синица славы,
А моря не зажгла!..

Но самую любопытнѣйшую часть этой книги составляютъ четыре письма къ разнымъ лицамъ по поводу „Мертвыхъ Душъ". Эти четыре письма обрадовали, привели въ восторгъ, сдѣлали истинно счастливыми нѣкоторыхъ литераторовъ, особенно занятыхъ литературною славою Гоголя. Это не тайна, ибо они поспѣшили печатно выразить свое торжество, забывъ мудрую русскую пословицу: *поспѣшишь, людей насмѣшишь*, и не менѣе мудрую французскую пословицу: bien rira, qui rira le dernier. Изъ слѣдующихъ выписокъ легко будетъ всякому увидѣть, что именно въ этихъ фразахъ такъ восхитило враговъ таланта Гоголя.

„Вы напрасно негодуете на неумѣренный тонъ нѣкоторыхъ нападеній на „Мертвыя Души". Это имѣетъ свою хорошую сторону. Иногда нужно имѣть противу себя озлобленныхъ. Кто увлеченъ красотами, тотъ не видитъ недостатковъ и прощаетъ все; но кто озлобленъ, тотъ постарается выкопать въ насъ всю дрянь, и выставить ее такъ ярко наружу, что поневолѣ ее увидишь. Истину такъ рѣдко приходится слышать, что уже за одну крупицу ея можно простить всякій оскорбительный голосъ, съ какимъ бы она ни произносилась. Въ критикахъ Булгарина, Сенковскаго и Полевого есть много справедливаго, начиная даже съ даннаго мнѣ совѣта поучиться прежде русской грамотѣ, а потомъ ужъ писать. Въ самомъ дѣлѣ, если бъ я не торопился печатаніемъ рукописи, и подержалъ ее у себя съ годъ, я бы увидѣлъ потомъ и самъ, что въ такомъ неопрятномъ видѣ ей никакъ нельзя было являться въ свѣтъ. Самыя эпиграммы и насмѣшки надо мною были мнѣ нужны, несмотря на то, что съ перваго разу пришлись мнѣ очень не по сердцу. О! какъ намъ нужны безпрестанные щелчки, и этотъ оскорбительный тонъ, и эти ѣдкія, пронимающія насквозь насмѣшки! На днѣ души нашей столько таится всякаго мелкаго, ничтожнаго самолюбія, щекотливаго, сквернаго честолюбія, что насъ ежеминутно слѣдуетъ колоть, поражать, бить всѣми

возможными орудіями, и мы должны благодарить ежеминутно поражающую насъ руку.

Я бы желалъ однакоже побольше критикъ, не со стороны литераторовъ, но со стороны людей, занятыхъ дѣломъ самой жизни. Со стороны практическихъ людей, какъ на бѣду, кромѣ литераторовъ, не отозвался никто. А между тѣмъ „Мертвыя Души" произвели много шума, ропота; задѣли за живое многихъ и насмѣшкою, и правдою, и карикатурою; коснулись порядка вещей, который у всѣхъ ежедневно передъ глазами—хоть исполнены промаховъ, анахронизмовъ, явнаго незнанія многихъ предметовъ; мѣстами даже съ умысломъ помѣщено обидное и задѣвающее, авось кто-нибудь выбранитъ меня хорошенько, и въ брани выскажетъ мнѣ правду, которой добиваюсь. И хоть-бы одна душа подала голосъ! А могъ всякъ. И какъ-бы еще умно! Служащій чиновникъ могъ-бы явно доказать, въ виду всѣхъ, неправдоподобность мною изображеннаго событія, приведеніемъ двухъ-трехъ дѣйствительно случившихся дѣлъ, и тѣмъ бы опровергъ меня лучше всякихъ словъ, или тѣмъ же самымъ образомъ могъ бы защитить и оправдать справедливость мною описаннаго. Приведеніемъ событія случившагося, лучше доказывается дѣло, нежели пустыми словами и литературными разглагольствованіями. Могъ-бы то же сдѣлать и купецъ, и помѣщикъ, словомъ всякій грамотей, сидитъ-ли онъ на мѣстѣ или рыскаетъ вдоль и поперекъ, по всему лицу русской земли. Сверхъ собственнаго взгляда своего, всякій человѣкъ, съ того мѣста или ступеньки въ обществѣ, въ которую поставили его должность, званіе и образованіе, имѣетъ случай видѣть тотъ же предметъ съ такой стороны, съ какой, кромѣ его, никто другой не можетъ видѣть. По поводу „Мертвыхъ Душъ" могла бы написаться всею толпою читателей другая книга, несравненно любопытнѣйшая „Мертвыхъ Душъ", которая могла бы научить не только меня, но и самихъ читателей, потому что нечего таить грѣха—всѣ мы очень плохо знаемъ Россію.

„И хоть-бы одна душа заговорила во всеуслышаніе. Точ-

но какъ-бы вымерло все, какъ бы въ самомъ дѣлѣ обитаютъ въ Россіи не живыя, а какія-то „Мертвыя Души!“ И меня же упрекаютъ въ плохомъ знаніи Россіи. Какъ будто непремѣнно силою Святаго Духа долженъ узнать я все, что ни дѣлается во всѣхъ углахъ ея—безъ наученія научиться! Но какими путями могу научиться я, писатель, осужденный уже самимъ званіемъ писателя на сидячую, затворническую жизнь, и притомъ еще больной, и притомъ еще принужденный жить вдали отъ Россіи? Какими путями могу я научиться? Меня же не научатъ эти литераторы и журналисты, которые сами затворники и люди кабинетные. У писателя только и есть одинъ учитель: сами читатели. А читатели сами отказались научить меня. Знаю, что дамъ сильный отвѣтъ Богу за то, что не исполнилъ, какъ слѣдуетъ, своего дѣла, но знаю, что дадутъ за меня отвѣтъ и другіе. И говорю это не даромъ. Видитъ Богъ, говорю не даромъ!

Я предчувствовалъ, что всѣ лирическія отступленія въ поэмѣ будутъ приняты въ превратномъ смыслѣ. Они такъ неясны, такъ мало вяжутся съ предметами, проходящими передъ глазами читателя, такъ невпопадъ складу и замашкѣ сочиненія, что ввели въ заблужденіе, какъ противниковъ, такъ и защитниковъ. Всѣ мѣста, гдѣ ни заикнулся я неопредѣленно о писателѣ, были отнесены на мой счетъ: я краснѣлъ даже отъ изъясненій ихъ въ мою пользу. И по дѣломъ мнѣ! Ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало выдавать и сочиненіе, которое, хотя выкроено было не дурно, но сшито кое-какъ, бѣлыми нитками, подобно платью, приносимому портнымъ только для примѣрки. Дивлюсь только тому, что мало было сдѣлано упрековъ въ отношеніи къ искусству и творческой наукѣ. Этому помѣшало какъ гнѣвное расположеніе моихъ критиковъ, такъ и непривычка всматриваться въ постройку сочиненія. Слѣдовало показать, какія части чудовищно длинны въ отношеніи къ другимъ, гдѣ писатель измѣнилъ самому себѣ, не выдержавъ своего собственнаго, уже разъ принятаго тона. Никто не замѣтилъ даже, что послѣдняя половина книги обработана меньше первой, что въ ней великіе про-

пуски, что главныя и важныя обстоятельства сжаты и сокращены, неважныя и побочныя распространены, что не столько выступаетъ внутренній духъ всего сочиненія, сколько мечется въ глаза пестрота частей и лоскутность его. Словомъ можно было сдѣлать много нападеній несравненно дальнѣйшихъ, выбранить меня гораздо больше, нежели теперь бранятъ, и выбранить за дѣло.

. . . .

„Охота же тебѣ, будучи такимъ знатокомъ и дателемъ человѣка, задавать мнѣ тѣ же пустые вопросы, которые умѣютъ задать мнѣ и другіе. Половина относится къ тому, что еще впереди. Ну, что толку въ подобномъ любопытствѣ? Одинъ только запросъ уменъ и достоинъ тебя, и я бы желалъ, чтобы его мнѣ сдѣлали и другіе, хотя не знаю, сумѣлъ ли бы я на него отвѣчать умно. Именно запросъ: отчего герои мои послѣднихъ произведеній и въ особенности „Мертвыхъ Душъ“, будучи далеки отъ того, чтобы быть портретами дѣйствительныхъ людей, будучи сами по себѣ свойства совсѣмъ непривлекательнаго, неизвѣстно почему, близки душѣ, точно, какъ-бы въ сочиненіи ихъ участвовало какое-нибудь обстоятельство душевное? Еще годъ назадъ мнѣ было-бы неловко отвѣчать на это даже и тебѣ. Теперь же прямо скажу: всѣ герои мои потому близки душѣ, что они изъ души; всѣ мои послѣднія сочиненія — исторія моей собственной души. А чтобы получше все это объяснить, опредѣлю себя самого какъ писателя. Обо мнѣ много толковали, разбирая кое-какія мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣлили. Его слышалъ одинъ только Пушкинъ. Онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ. Вотъ мое главное свойство, одному мнѣ принадлежащее, и котораго точно нѣтъ у другихъ писателей. Оно впослѣдствіи углубилось во мнѣ еще сильнѣе отъ соединенія съ нимъ нѣкотораго душев-

наго обстоятельства. Но этого я не въ состояніи былъ открыть тогда даже и Пушкину.

„Это свойство выступило съ большею силою въ „Мертвыхъ Душахъ“. „Мертвыя Души“ не потому такъ испугали многихъ и произвели такой шумъ, чтобы онѣ раскрыли какія-нибудь раны общества или внутреннія болѣзни, и не потому также, чтобы представили потрясающія картины торжествующаго зла и страждущей невинности. Ничуть не бывало. Герои мои вовсе не злодѣи: прибавь я только одну добрую черту любому изъ нихъ, читатель помирился бы съ ними всѣми. Но пошлость всего вмѣстѣ испугала читателей. Испугало ихъ то, что одинъ за другимъ слѣдуютъ у меня герои одинъ пошлѣе другого, что нѣтъ ни одного утѣшительнаго явленія, что негдѣ даже и пріотдохнуть, или перевести духъ бѣдному читателю, и что по прочтеніи всей книги кажется, точно ты вышелъ изъ какого-то душнаго погреба на Божій свѣтъ. Мнѣ бы скорѣе простили, если бы я выставилъ картинныхъ извергов, но пошлости не простили мнѣ. Русскаго человѣка испугала его ничтожность болѣе, нежели всѣ его пороки и недостатки. Явленіе замѣчательное! Испугъ прекрасный! Въ комъ такое сильное отвращеніе отъ ничтожнаго въ томъ вѣрно заключено все то, что противоположно ничтожному. Итакъ, вотъ въ чемъ мое главное достоинство, но достоинство это, говорю вновь, не развилось бы во мнѣ въ такой силѣ, если бы съ нимъ не соединилось мое собственное душевное обстоятельство и моя собственная душевная болѣзнь. Никто изъ читателей моихъ не зналъ того, что, смѣясь надъ моими героями, онъ смѣялся надо мной!

Не судите обо мнѣ и не выводите своихъ заключеній: вы ошибетесь подобно тѣмъ изъ моихъ пріятелей, которые, создавши изъ меня свой собственный идеалъ писателя, сообразно своему собственному образу мыслей о писателѣ, начали было отъ меня требовать, чтобы я отвѣчалъ ими же созданному идеалу. Создалъ меня Богъ и не скрылъ отъ меня назначенія моего. Рожденъ я вовсе не за тѣмъ, чтобы произвести эпоху въ области литера-

турной. Дѣло мое проще и ближе: дѣло мое есть то, о которомъ прежде всего долженъ подумать всякій человѣкъ, не только одинъ я. Дѣло мое—*душа и прочное дѣло жизни*. А потому и образъ дѣйствій моихъ долженъ быть проченъ, и сочинять я долженъ прочно. Мнѣ незачѣмъ торопиться; пусть ихъ торопятся другіе. Жгу, когда нужно жечь, и вѣрно поступаю, какъ нужно, потому что безъ молитвы не приступаю ни къ чему".

Вотъ почти все главное, изъ котораго мы, однако же вкратцѣ, извлечемъ самое существенное.

I. Гоголь самъ сознается, что онъ недоволенъ всѣмъ, что было имъ писано до сихъ поръ, а потому сжегъ рукопись второй части „Мертвыхъ Душъ" и другихъ своихъ сочиненій. Ergo: враги таланта Гоголя правы въ томъ, что столько лѣтъ выставляли его писателемъ безъ дарованія, безъ вкуса, мастеромъ на одни сальныя и грязныя картины, въ родѣ Поль-де Кока.

II. Гоголь самъ соглашается, что особенность его таланта состоитъ въ умѣніи „очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула-бы крупно въ глаза всѣмъ. Ergo: это талантъ мелкій и ничтожный...

III. Гоголь объявляетъ торжественно, что согласенъ съ тѣми, которые бранили его сочиненія, и не согласенъ съ тѣми, которые хвалили ихъ. Ergo: хвалители Гоголя суть литературная партія, уцѣпившаяся за него для униженія истинныхъ, но ненавистныхъ ей талантовъ.

IV. Гоголь самъ говоритъ, что „рожденъ онъ вовсе не за тѣмъ, чтобы произвести эпоху въ области литературной, а затѣмъ, чтобы спасти свою душу". Ergo: лгали тѣ, которые провозгласили его главой новой литературной школы.

V. Гоголь признается самъ, что „въ критикахъ Булгарина, Сенковскаго и Полевого есть много справедливаго, начиная даже съ даннаго ему совѣта поучиться прежде русской грамотѣ, а потомъ уже писать", и что „еслибы онъ не торопился печатанiемъ рукописи и подержалъ ее у себя съ годъ, то увидалъ бы потомъ и самъ, что въ та-

комъ неопрятномъ видѣ ей никакъ нельзя было являться въ свѣтъ" и пр. Ergo: кромѣ „Вечеровъ на Хуторѣ", все, написанное Гоголемъ, есть чистый вздоръ и не заслуживаетъ никакого вниманія!..

Подобные выводы могутъ показаться правильными и дѣльными только тѣмъ, которымъ они полезны. Сильно ошибаются тѣ, которые думаютъ, что публику нашего времени во всемъ можно увѣрить журнальною статьею, что она вѣритъ только печатному, а сама ничего не видитъ, ничего не понимаетъ. Такимъ образомъ хотятъ увѣрить, что слава Гоголя основана на крикливыхъ возгласахъ какой-то литературной партіи, которой нужно поднять его, изъ своихъ собственныхъ разсчетовъ. А добрая русская публика и повѣрила этой партіи, и начала раскупать сочиненія Гоголя и наполнять театры, когда въ нихъ давался „Ревизоръ"... Мало этого: помянутая литературная партія успѣла убѣдить въ геніальности Гоголя даже французскую, а за нею всю европейскую публику... И все это обманъ, пуфъ, подлогъ, потому что самъ Гоголь отрицается отъ своихъ сочиненій и своей славы. . Только-то!.. А намъ какое до этого дѣло? Когда нѣкоторые хвалили сочиненія Гоголя, они не ходили къ нему справляться, какъ онъ думаетъ о своихъ сочиненіяхъ, а судили о нихъ сообразно съ тѣми впечатлѣніями, которыя они производили... Точно такъ и теперь мы не пойдемъ къ нему спрашивать его, какъ теперь прикажетъ онъ думать о его прежнихъ сочиненіяхъ и о его „Выбранныхъ мѣстахъ изъ „Переписки съ Друзьями"... Какая намъ нужда, что онъ не признаетъ достоинства своихъ сочиненій, если ихъ признало общество? Это факты, которыхъ дѣйствительности не въ состояніи же опровергнуть онъ самъ.. Нѣтъ, господа противники таланта Гоголя, раненько вы вздумали торжествовать побѣду, которой не держали и которой не одержать вамъ! Именно теперь-то, еще болѣе, чѣмъ прежде, будутъ расходиться и читаться сочиненія Гоголя, теперь-то еще выше, чѣмъ прежде, будетъ цѣниться онъ, потому что теперь онъ самъ существуетъ для публики болѣе въ прошедшемъ...

Но оставимъ хулителей въ сторонѣ, и обратимся опять къ нашему автору. Конечно, въ его смиренно-мудромъ признаніи собственныхъ ошибокъ и правды въ нападкахъ враговъ -много высокаго, дѣлающаго ему особенную честь но, смотря на дѣло проще, т. е. не со стороны самолюбія, а со стороны самого дѣла, можно замѣтить, что авторъ гораздо-бы лучше поступилъ, еслибы, вмѣсто всякихъ признаній, воспользовался дѣльными замѣчаніями, и второе изданіе „Мертвыхъ Душъ“ выпустилъ бы въ опрятномъ видѣ... То же отчасти можно сказать и о „Выбранныхъ“, но отнюдь не „избранныхъ“ мѣстахъ изъ „Переписки съ Друзьями“: они могли явиться въ печати и грамотнѣе, и приличнѣе, и опрятнѣе, вообще такъ сказать... Но, видно, на словахъ блистать смиреніемъ легче, нежели трудиться на дѣлѣ...

Не можемъ не выставить на видъ еще одной черты. Вотъ что говоритъ авторъ въ одномъ мѣстѣ своей книги: „Вотъ уже почти полтораста лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ государь Петръ I прочистилъ намъ глаза чистилищемъ просвѣщенія европейскаго, далъ въ руки намъ всѣ средства и орудія для дѣла, и до сихъ поръ остаются такъ же пустынны и безлюдны наши пространства, такъ же безпріютно и непривѣтливо все вокругъ насъ, точно, какъ будто бы мы до сихъ поръ еще не у себя дома, не подъ родною нашею крышею, но гдѣ-то остановились безпріютно на проѣзжей дорогѣ, и дышитъ намъ отъ Россіи не радушнымъ роднымъ пріемомъ братьевъ, но какою-то холодною, занесенною вьюгой почтовою станціей, гдѣ видится одинъ, ко всему равнодушный станціонный смотритель съ черствымъ отвѣтомъ: „нѣтъ лошадей“ (стр. 136). Въ этомъ винитъ авторъ насъ же и, разумѣется, винитъ основательно. Но вотъ что онъ же говоритъ въ другомъ мѣстѣ своей книги: „И до сихъ поръ еще, къ нашему стыду, указываютъ намъ Европейцы на своихъ *великихъ людей, которыхъ умнѣе бываютъ у насъ и не великіе люди;* но тѣ *хоть* какое-нибудь послѣ себя оставили дѣло *прочное*, а мы производимъ кучи дѣлъ — и всѣ, какъ пыль, сметаются они съ лица земли“ (стр. 192) Потомъ читаемъ мы вотъ что: „Если

бы такимъ же перомъ, какимъ начертана біографія Фонвизина, написано было все царствованіе Екатерины, которое ужъ и теперь кажется намъ почти фантастическимъ отъ чрезвычайнаго обилія эпохи и необыкновеннаго столкновенія необыкновенныхъ лицъ и характеровъ,—*то можно сказать почти навѣрно, что подобнаго по достоинству историческаго сочиненія не представила бы намъ Европа*" (стр. 237—238). Какъ вамъ кажутся, читатель, эти три выписки изъ различныхъ мѣстъ одной и той же книги?..

Вотъ еще оригинальный образчикъ логики автора: онъ говоритъ, что никто не можетъ признать русскихъ людей ни въ Простаковой, ни въ Тарасѣ Скотининѣ, ни въ Простаковѣ, ни въ Митрофанѣ Фонвизина,—и въ то же время всякій чувствуетъ, что нигдѣ въ другой землѣ, ни во Франціи, ни въ Англіи, не могли образоваться такія существа (стр. 247—249)... Вотъ тутъ и понимай, какъ знаешь?..

Теперь вопросъ: зачѣмъ написана вся эта книга?

Это такъ же трудно разрѣшить, какъ и то, зачѣмъ написаны авторомъ эти строки: „О, какъ намъ бываетъ нужна публичная, данная въ виду всѣхъ, оплеуха" (стр. 192)...

Какое слѣдствіе можно извлечь изъ этой книги?

Разумѣется, въ этомъ случаѣ, всякій поступитъ по своему, и слѣдствій будетъ выведено почти столько же, сколько людей возьмется за это дѣло. Что касается до насъ, мы вывели изъ этой книги такое слѣдствіе, что горе человѣку, котораго сама природа создала художникомъ, горе ему, если, недовольный своею дорогою, онъ ринется въ чуждый ему путь! На этомъ новомъ пути ожидаетъ его неминуемое паденіе, послѣ котораго не всегда бываетъ возможно возвращеніе на прежнюю дорогу... При этомъ мы, почему-то, вспомнили эти стихи Крылова:

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ,
И дѣло не пойдетъ на ладъ.
Да и примѣчено стократъ.

Что, кто за ремесло чужое браться любитъ,
Тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй:
Онъ лучше дѣло все погубитъ
И радъ скорѣй
Посмѣшищемъ стать свѣта,
Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей
Спросить иль выслушать разумнаго совѣта.

Приходили намъ въ голову и другіе выводы изъ книги „Выбранныхъ мѣстъ изъ Переписки съ друзьями“, но.. статья наша и такъ вышла черезчуръ длинна...

Изъ „Современника“ за 1847 г. Статья В. Бѣлинскаго.

*
* *

*) Ни одна книга, въ послѣднее время, не возбуждала такого шумнаго движенія въ литературѣ и въ обществѣ, ни одна не послужила поводомъ къ столь многочисленнымъ и разнообразнымъ толкамъ, какъ „Выбранныя мѣста изъ переписки Гоголя“. И это весьма естественно: тутъ, въ этомъ спорѣ, дѣло шло о Гоголѣ, котораго еще первое появленіе въ литературѣ такъ радостно привѣтствовалъ Пушкинъ, о томъ Гоголѣ, сочиненія котораго обозначили собой новую эпоху въ русской литературѣ и сообщили ей новое животворное направленіе. Гоголь имѣлъ обширное вліяніе на современную литературу, — въ этомъ согласны всѣ; онъ многихъ увлекъ за собой огромностью своего таланта, образовалъ, такъ сказать, особую школу. Все почти, что выходило изъ-подъ пера Гоголя, все читалось съ жадностью и возбуждало всеобщій интересъ. Въ самое короткое время Гоголь сдѣлался любимцемъ публики. Пріобрѣсти такое значеніе въ литературѣ и такъ прочно укрѣпить свое имя нельзя безъ сильнаго самобытнаго таланта. Неужели и въ наше время найдутся люди, способные увѣрять каждаго, что стоитъ только партіи литературной, руководствуясь собственными соображеніями, поименовать

*) „Финскій Вѣстникъ“ 1847 г., Т. 14 (О „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“).

писателя такъ себѣ, обыкновеннаго, геніемъ, да погромче покричать про это, такъ и дѣло кончено,—всѣ какъ разъ повѣрятъ оракульскимъ изреченіямъ. Нѣтъ, мм. гг., публику нельзя морочить словами: какъ вы ни кричите, какъ ни возвеличивайте въ своихъ похвалахъ писателя, но если факты не подтвердятъ вашихъ сужденій, громкія фразы ваши останутся гласомъ вопіющаго въ пустынѣ! Итакъ, если Гоголь имѣлъ такое сильное вліяніе на литературу, если слава и извѣстность его возрастали такъ быстро и такъ прочно укрѣпились въ сознаніи общества, то, нѣтъ сомнѣнія, причина этого зависѣла отъ огромнаго таланта Гоголя, отъ обширности его художественнаго принципа. И что же? Этотъ самый Гоголь, который такъ блистательно началъ свое литературное поприще, на которомъ покоились лучшія надежды наши, этотъ самый Гоголь во вновь изданной имъ книгѣ отрекается публично отъ прежнихъ своихъ произведеній, находя ихъ слабыми, ничтожными твореніями „худшаго всѣхъ душою“.

Вотъ что говоритъ Гоголь въ началѣ своей переписки:

„Сердце мое говоритъ мнѣ, что книга моя нужна, и что она можетъ быть полезна. Я думаю такъ не потому, чтобы имѣлъ высокое о себѣ понятіе и надѣялся на умѣнье свое быть полезнымъ, но потому, что никогда еще доселѣ не питалъ такого сильнаго желанія быть полезнымъ. Отъ насъ же довольно бываетъ протянуть руку, чтобы помочь: помогаемъ не мы, помогаетъ Богъ, ниспосылая силу слову безсильному. И такъ, сколь бы ни была моя книга незначительна и ничтожна, но я позволяю себѣ издать ее въ свѣтъ и прошу моихъ соотечественниковъ прочитать ее нѣсколько разъ; въ то же время прошу тѣхъ изъ нихъ, которые имѣютъ достатокъ, купить нѣсколько ея экземпляровъ и раздать тѣмъ, которые сами купить не могутъ, увѣдомляя ихъ при этомъ случаѣ, что всѣ деньги, какія превысятъ издержки на предстоящее мнѣ путешествіе, будутъ обращены, съ одной стороны, въ подкрѣпленіе тѣмъ, которые, подобно мнѣ, почувствуютъ потребность внутреннюю отправиться къ настоящему великому посту во Свя-

тую Землю, и не будутъ имѣть возможности совершить его одними собственными средствами; съ другой стороны — въ пособіе тѣмъ, которыхъ я встрѣчу уже туда идущихъ, — и которые всѣ помолятся у Гроба Господня за моихъ читателей, своихъ благотворителей".

Путешествіе мое хотѣлъ бы я совершить какъ добрый христіанинъ. И потому испрашиваю здѣсь прощеніе у всѣхъ моихъ соотечественниковъ во всемъ, чѣмъ ни случилось мнѣ оскорбить ихъ: знаю, что моими необдуманными и неопытными сочиненіями нанесъ я огорченіе многимъ, а другихъ даже вооружилъ противъ себя, вообще во многихъ произвелъ неудовольствіе. Въ оправданіе могу сказать только, что намѣреніе мое было доброе, и что я никого не хотѣлъ ни огорчать ни вооружать противъ себя (?!); но одно мое собственное неразумѣніе, одна моя поспѣшность и торопливость были причиной тому, что сочиненія мои предстали въ такомъ несовершенномъ видѣ, и почти всѣхъ привели въ заблужденіе насчетъ ихъ настоящаго смысла; за все-же, что ни встрѣчается въ нихъ умышленно оскорбляющаго (?!!), прошу простить меня съ тѣмъ великодушіемъ, съ какимъ только одна русская душа (!!!) прощать способна. Прошу прощенья также у тѣхъ, съ которыми надолго или на короткое время случалось мнѣ встрѣтиться на дорогѣ жизни. Знаю, что мнѣ случалось многимъ наносить непріятности, инымъ, быть можетъ, и умышленно. Вообще въ обхожденіи моемъ съ людьми всегда было много непріятно-отталкивающаго. Отчасти это происходило оттого, что я избѣгалъ встрѣчъ и знакомствъ, чувствуя, что не могу еще произнести умнаго и нужнаго слова человѣку (пустыхъ же и ненужныхъ словъ произносить мнѣ не хотѣлось), и будучи въ то же время убѣжденъ, что, по причинѣ безчисленнаго множества моихъ недостатковъ, мнѣ было необходимо хоть немного воспитать самого себя въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ людей. Отчасти же это происходило и отъ мелочного самолюбія, свойственнаго только такимъ изъ насъ, которые изъ грязи пробрались въ люди, и считаютъ себя въ правѣ глядѣть

спесиво на другихъ. Какъ бы то ни было, но я прошу прощенія во всѣхъ личныхъ оскорбленіяхъ, которыя мнѣ случалось нанести кому-либо, начиная отъ временъ моего дѣтства до настоящей минуты. Прошу также прощенія у моихъ собратьевъ—литераторовъ за всякое, съ моей стороны, пренебреженіе или неуваженіе къ нимъ, оказанное умышленно или не умышленно; кому же изъ нихъ почему-либо трудно простить меня, тому напомню, что онъ христіанинъ. Какъ говѣющіи передъ исповѣдью, которую готовится отдать Богу, проситъ прощенія у своего брата, такъ прошу прощенія у него, и какъ никто не посмѣетъ въ такую минуту не простить своего брата, такъ и онъ не долженъ посмѣть не простить и меня. Наконецъ, прошу прощенія у моихъ читателей, если и въ этой самой книгѣ встрѣтится что-нибудь непріятное и кого нибудь изъ нихъ оскорбляющее. Прошу ихъ не питать противъ меня гнѣва сокровеннаго, но, вмѣсто того, выставить благородно всѣ недостатки, какіе могутъ быть найдены ими въ этой книгѣ, какъ недостатки писателя, такъ и недостатки человѣка — мое неразумѣніе, недомысліе, самонадѣянность, пустую увѣренность въ себѣ, словомъ,—все, что бываетъ у всѣхъ людей, хотя они того и не видятъ, и что, вѣроятно, еще въ большей мѣрѣ находится во мнѣ.

Въ заключеніе прошу всѣхъ въ Россіи помолиться обо мнѣ, начиная отъ Святителей, которыхъ уже вся жизнь есть одна молитва. Прошу молитвы какъ у всѣхъ, которые смиренно не вѣруютъ вовсе въ молитву и даже не считаютъ ее нужною, но какъ бы ни была безсильна и черства ихъ молитва, я прошу помолиться обо мнѣ этою самою безсильной и черствой ихъ молитвой. Я же у Гроба Господня буду молиться о всѣхъ моихъ соотечественникахъ, не исключая изъ нихъ ни единаго, моя молитва будетъ также безсильна и черства, если святая небесная Милость не превратитъ ея въ то, чѣмъ должна быть наша молитва“.

Изъ этого предисловія видно, что въ Гоголѣ произошла перемѣна, вслѣдствіе которой онъ, приготовляясь къ

совершенію труднаго подвига путешествія къ Святымъ Мѣстамъ, испрашиваетъ предварительнаго прощенія у соотечественниковъ своихъ, если кого онъ чѣмъ обидѣлъ, (не знаемъ, кого бы могъ обидѣть Гоголь своими произведеніями!!) и отрекается отъ своихъ безполезныхъ сочиненій (отреченіе, не имѣющее никакого основанія), почти во всѣхъ статьяхъ этой книги отражается одно и то же тревожное направленіе: всюду вы слышите какой-то смутный ропотъ на настоящее, какое-то стремленіе души читать каждому мораль, давнымъ давно извѣстную. Впрочемъ, оставимъ этотъ вопросъ въ сторонѣ, и обратимся къ дѣлу. Частныя мысли этой книги, конечно, не найдутъ ни въ комъ полнаго и продолжительнаго отголоска, потому что, какъ увидимъ ниже, въ книгѣ бездна противорѣчій, и, безъ сомнѣнія, скоро забудутся. Но вотъ въ чемъ дѣло: основной существенный фактъ остается навсегда памятнымъ. Теперь многіе, прочтя письма Гоголя, скажутъ: помилуйте, критики превозносили творенія Гоголя, а посмотрите, что онъ теперь пишетъ самъ о своихъ произведеніяхъ. Кто правъ? Кто виноватъ? Въ настоящемъ случаѣ дѣло разрѣшается весьма ясно и просто. Если писатель сталъ бы во всеуслышаніе превозносить свое бездарное твореніе, то, согласитесь, что никто, основываясь на однихъ словахъ автора, не назвалъ бы его сочинителемъ геніальнымъ: такъ точно и въ настоящемъ случаѣ, собственное отрицаніе достоинствъ въ своихъ произведеніяхъ еще ничего не доказываетъ положительно. И въ томъ и въ другомъ случаѣ приговоръ можетъ быть слѣпъ и односторонемъ. Итакъ, собственный отзывъ Гоголя о своихъ произведеніяхъ никому и ни въ чемъ служить доказательствомъ не можетъ: для доказательствъ нужны факты, а не подтвержденіе своихъ мыслей чужими словами. Итакъ, оставимъ это обстоятельство безъ вниманія, и обратимся къ другому.

Переписка Гоголя преизобилуетъ страшными противорѣчіями и парадоксами. Для доказательства, сравните, напр., начало 4 стр. съ серединою; въ началѣ говорится.

что никакого умысла дурного не имѣлъ авторъ въ своихъ сочиненіяхъ; въ серединѣ читаете совершенно противоположное. То же самое найдете и на стр. 25. Взгляните на стр. 70, что говоритъ авторъ о славянизмѣ, и сравните съ тѣмъ, что толкуется мелькомъ на стр. 87 и 152. Короче, противорѣчій въ этой книгѣ бездна, и нѣтъ никакой возможности и надобности ихъ обозначать. А сколько парадоксовъ, самыхъ ужасныхъ, ихъ не перечислить! Прочтите, напримѣръ, статьи „Просвѣщеніе“, стр. 124. „Христіанинъ идетъ впередъ“, стр. 90. „О лиризмѣ нашихъ поэтовъ“, стр. 66, объ „Одиссеѣ“, стр. 42. „Совѣты“, стр. 121. Кстати о совѣтахъ. Въ этой книгѣ царствуетъ одно нестерпимо скучное начало—давать совѣты, поученія читателямъ. При каждой почти статьѣ вы слышите нравоученіе. Даже, когда подаете помощь ближнему, вамъ авторъ совѣтуетъ сейчасъ же прочесть ему поученіе; иначе, „онъ не получитъ отъ вашего добра большой помощи“. Если бъ мы были знакомы съ авторомъ до выхода еще этой книги, то мы дали бы ему тогда одинъ совѣтъ, за который намъ были бы многіе благодарны: не издавать переписки, а предать ее вмѣстѣ съ другими его рукописными сочиненіями, если въ нихъ было такое же обиліе странныхъ идей, сожженію. Изъ всего нашего разбора мы должны сдѣлать заключеніе, что въ признаніи Гоголемъ ничтожества своихъ произведеній участвовалъ личный, бездоказательный произволъ, и что въ сочиненіи этомъ чрезвычайно много парадоксовъ, противорѣчій, т.-е. всѣхъ атрибутовъ туманнаго, неяснаго пониманія, какъ отсутствія твердаго убѣжденія. Впрочемъ, и въ этой книгѣ есть чрезвычайно вѣрныя, поразительно ясныя мнѣнія, какъ, напр., слѣдующее (см. стр. 29): „Потомству нѣтъ дѣла до того, кто былъ виною, что писатель сказалъ глупость или нелѣпость, или же выразился вообще необдуманно, незрѣло. Оно не станетъ разбирать, кто толкалъ его подъ руку, близорукій-ли пріятель, подстрекавшій его на рановременную дѣятельность или же другой кто...“ см. стр. 31. „Чѣмъ истины выше, тѣмъ нужно быть осторожнѣе съ ними!“ и т. п.

„Финскій Вѣстникъ“ 1847 г.

¹) Начало „Предисловія“, помѣщеннаго въ этой книгѣ, по нашему мнѣнію, лучше всего указываетъ точку, съ которой слѣдуетъ смотрѣть на содержащіяся въ ней статьи.

„Я былъ тяжко боленъ (говоритъ Гоголь); смерть уже была близко. Собравши остатокъ силъ своихъ и воспользовавшись первою минутой полной трезвости моего ума, я написалъ духовное завѣщаніе, въ которомъ, между прочимъ, возлагалъ обязанность на друзей моихъ издать послѣ моей смерти нѣкоторыя изъ моихъ писемъ. Мнѣ хотѣлось хотя симъ искупить безполезность всего, доселѣ мною напечатаннаго, потому что въ письмахъ моихъ, по признанію тѣхъ, къ которымъ они были писаны, находится болѣе нужнаго для человѣка, нежели въ прежнихъ моихъ сочиненіяхъ. Небесная милость Божія отвела отъ меня руку смерти. Я почти выздоровѣлъ. Мнѣ стало легче. Но чувствую однако слабость силъ моихъ, которая возвѣщаетъ мнѣ ежеминутно, что жизнь моя на волоскѣ, и, приготовляясь къ отдаленному путешествію къ Святымъ Мѣстамъ, необходимому душѣ моей, во время котораго можетъ все случиться, я захотѣлъ оставить при разставаніи что-нибудь отъ себя соотечественникамъ своимъ. Выбираю самъ изъ моихъ послѣднихъ темъ, которыя мнѣ удалось получить назадъ, все, что болѣе относится къ вопросамъ, занимающимъ нынѣ общество, отстранивши все, что могло имѣть значеніе только для немногихъ. Прибавляю двѣ-три статьи литературныя и, наконецъ, прилагаю самое завѣщаніе съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ моей смерти, если бы она застигла на пути моемъ, возымѣло оно тотчасъ свою законную силу, какъ засвидѣтельствованное всѣми моими читателями“ (стр. 1—2).

Завѣщаніе Гоголя проникнуто духомъ, весьма естественнымъ въ человѣкѣ, изнуренномъ тѣлесными недугами и душевнымъ разочарованіемъ. Вотъ нѣсколько строкъ изъ этого произведенія:

¹) „Отечественныя Записки“ 1847 г., № 2. „Русская литература“. (О „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки Гоголя“).

II Завѣщаю не ставить надо мною никакого памятника, и не помышлять о такомъ пустякѣ, христіанина недостойномъ.

. . . .

III. Завѣщаю вообще никому не оплакивать меня, и грѣхъ себѣ возьметъ на душу тотъ, кто станетъ почитать смерть мою какою-нибудь значительною или всеобщею утратой. Если бъ даже и удалось мнѣ сдѣлать что-нибудь полезнаго, и начиналъ бы я уже исполнять свой долгъ дѣйствительно такъ, какъ слѣдуетъ, и смерть унесла бы меня при началѣ дѣла, замышленнаго не на удовольствіе нѣкоторымъ, но надобнаго всѣмъ, то и тогда не слѣдуетъ предаваться безплодному сокрушенію. Еслибы даже, вмѣсто меня, умеръ въ Россіи мужъ, дѣйствительно ей нужный въ теперешнихъ ея обстоятельствахъ, то и отъ этого не слѣдуетъ приходить въ уныніе никому изъ живущихъ, хотя и справедливо то, что если рановременно похищаются люди всѣмъ нужные, то это знакъ гнѣва небеснаго, отъемлющаго симъ орудія и средства, которыя помогли бы инымъ подвинуться ближе къ цѣли, насъ зовущей. Не унынію должны мы предаваться при всякой внезапной утратѣ, но оглянуться строго на самихъ себя, помышляя уже не о чернотѣ другихъ и не о чернотѣ всего міра, но о своей собственной чернотѣ. Страшна душевная чернота, и зачѣмъ это видится только тогда, когда неумолимая смерть стоитъ уже передъ глазами!..“ (стр. 8, 9 и 10).

Страшно было бы требовать отъ человѣка, такъ тяжко страждущаго душой и тѣломъ, правильно логическаго воззрѣнія на жизнь и ея условія. Поэтому мы не будемъ *разбирать* здѣсь статей, вошедшихъ въ „Выбранныя Мѣста“. Замѣтимъ только, что часто въ этой книгѣ встрѣчаются мысли чрезвычайно свѣтлыя, высказанныя необыкновенно сильнымъ и живописнымъ языкомъ. Зато въ ней же встрѣчается и множество противорѣчій, множество натянутыхъ выводовъ, множество фактовъ, освѣщенныхъ ложнымъ свѣтомъ односторонняго воззрѣнія и произвольно составленныхъ теорій. Все это такъ легко объясняется собственною

исповѣдью автора и такъ рѣзко бросается въ глаза всякому, что подтверждать мнѣніе свое выписками и разсужденіями кажется намъ совершенно излишнимъ. Кто возьметъ на себя этотъ трудъ, тотъ непремѣнно впадетъ въ роль одного давнишняго писателя, который недавно съ такою поспѣшностью воспользовался случаемъ написать не лишенное здраваго смысла возраженіе противъ письма Гоголя „Объ Одиссеѣ, переводимой В. А. Жуковскимъ“ Съ своей стороны, мы обратимъ вниманіе читателей только на одно любопытное противорѣчіе, встрѣченное нами въ „Выбранныхъ Мѣстахъ“.

Противники Гоголя, которыхъ число, по разнымъ причинамъ, не меньше его поклонниковъ, вѣроятно, не преминутъ воспользоваться собственными его словами о *безполезности* всѣхъ прежнихъ его сочиненій до „Мертвыхъ Душъ“ включительно. Въ самомъ дѣлѣ, какъ хотите вы, чтобъ эти господа упустили такой прекрасный случай выставить въ странномъ свѣтѣ тѣхъ, которые не перестають ставить „Мертвыя Души“ во главу всѣхъ современныхъ произведеній русской литературы? „Вотъ“, скажутъ они собственное сознаніе художника въ огромныхъ недостаткахъ его сочиненій. Изъ-за чего же было такъ кричать объ ихъ великихъ достоинствахъ, господа критики натуральной школы?“ Но, не говоря уже о томъ, что никакой авторъ — не судья своему сочиненію, совѣтуемъ всѣмъ, принимающимъ сѣтованіе Гоголя о собственной его ничтожности за горестное сознаніе безсилія, прочитать въ „Выбранныхъ Мѣстахъ“ слѣдующія строки:

„Обо мнѣ много толковали, разбирая кое-какія мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣлили. Его слышалъ одинъ только Пушкинъ. Онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ. Вотъ мое главное свойство, одному мнѣ принадлежащее, и котораго точно нѣтъ у другихъ писа-

телей. Оно впослѣдствіи углубилось во мнѣ еще сильнѣе отъ соединенія съ нимъ нѣкотораго душевнаго обстоятельства. Но этого я не въ состояніи былъ открыть самому Пушкину.

„Это свойство выступило съ большою силою въ „Мертвыхъ Душахъ". „Мертвыя Души" не потому такъ испугали многихъ и произвели такой шумъ, чтобы онѣ раскрыли какія-нибудь раны общественныя или внутреннія болѣзни, и не потому, также, чтобы представили потрясающія картины торжествующаго зла и страждущей невинности. Ничуть не бывало. Герои мои вовсе не злодѣи: прибавь я только одну добрую черту любому изъ нихъ, читатель примирился бы съ ними всѣми. Но пошлость всего вмѣстѣ испугала читателей. Испугало ихъ то, что одинъ за другимъ слѣдуютъ у меня герои, одинъ пошлѣе другого, что нѣтъ ни одного утѣшительнаго явленія, что негдѣ даже и пріотдохнуть, или перевести духъ бѣдному читателю, и что, по прочтеніи всей книги, кажется, какъ бы точно вышелъ изъ какого-то душнаго погреба на Божій свѣтъ. Мнѣ бы скорѣе простили, если бы я выставилъ картинныхъ извергов, но пошлости не простили мнѣ. Русскаго человѣка испугала его ничтожность болѣе, нежели всѣ его пороки и недостатки" (стр. 141—143).

Вотъ какъ Гоголь *отказывается* отъ своего таланта и отъ своихъ произведеній!..

„Отечественныя Записки" 1847 г.

„Мертвыя Души". Поэма Н. Гоголя.

*) Ни время ни мѣсто не позволяютъ намъ входить въ подробныя объясненія о „Мертвыхъ Душахъ", тѣмъ болѣе, что это мы непремѣнно сдѣлаемъ въ короткомъ времени, представивъ читателямъ „Современника", можетъ-быть,

*) „Современникъ" 1847 г., № 1. („О Мертвыхъ Душахъ"). Статья В. Бѣлинскаго.

не одну статью вообще о сочиненіяхъ Гоголя и о „Мертвыхъ Душахъ“ въ особенности. Теперь же скажемъ коротко, что, по нашему крайнему разумѣнію и искреннему, горячему убѣжденію, „Мертвыя Души“ стоятъ весьма высоко въ русской литературѣ, ибо въ нихъ глубокость живой общественной идеи неразрывно сочеталась съ удивительною художественностью образовъ, и этотъ романъ, почему-то названный поэмою, представляетъ собою произведеніе, столько же національное, сколько и высоко-художественное. Въ немъ есть свои недостатки, важные и неважные Къ послѣднимъ относимъ мы неправильности въ *языкѣ*, который вообще составляетъ столько же слабую сторону таланта Гоголя, сколько его *стиль* (слогъ) составляетъ сильную сторону его таланта. Важные же недостатки романа „Мертвыя Души“ находимъ мы почти вездѣ, гдѣ изъ поэта, изъ художника силится авторъ стать какимъ-то прорицателемъ, и впадаетъ въ нѣсколько надутый и напыщенный лиризмъ... Къ счастію, число такихъ лирическихъ мѣстъ незначительно въ отношеніи ко всему роману, и ихъ можно пропускать при чтеніи, ничего не теряя отъ наслажденія, доставляемаго самимъ романомъ.

Но, къ несчастію, эти мистико-лирическія выходки въ „Мертвыхъ Душахъ“ были не простыми случайными ошибками со стороны ихъ автора, но зерномъ, можетъ-быть, совершенной утраты его таланта для русской литературы... Все болѣе и болѣе забывая свое значеніе художника, принимаетъ онъ тонъ глашатая какихъ-то великихъ истинъ, которыя въ сущности отзываются ничѣмъ инымъ, какъ парадоксами человѣка, сбившагося съ своего настоящаго пути ложными теоріями и системами, всегда гибельными для искусства и таланта. Такъ, напр., въ прошломъ году, появилась статья Гоголя о переводѣ *Одиссеи* Жуковскимъ, до того исполненная парадоксовъ, высказанныхъ съ превыспренними претензіями на пророческій тонъ, что одинъ бездарный писатель нашелъ себя въ состояніи написать по этому поводу статью грубую и неприличную по тону,

но справедливую и основательную въ опроверженіи парадоксовъ статьи Гоголя. Это опечалило всѣхъ друзей и почитателей таланта Гоголя, и обрадовало всѣхъ враговъ его. Но исторія не кончилась этимъ. Второе изданіе „Мертвыхъ Душъ" явилось съ предисловіемъ, которое . которое... испугало насъ еще больше знаменитой въ лѣтописяхъ русской литературы статьи объ „Одиссеѣ".. Это предисловіе внушаетъ живыя опасенія за авторскую славу въ будущемъ (въ прошедшемъ она непоколебимо прочна) творца „Ревизора" и „Мертвыхъ Душъ": оно грозитъ русской литературѣ новою великою потерею прежде времени... Предисловіе это странно само по себѣ, но его тонъ... C'est le ton qui fait la musique, говорятъ французы... Въ этомъ тонѣ столько неумѣреннаго смиренія и самоотрицанія, что онъ невольно заставляетъ читателя предполагать тутъ чувства совершенно противоположныя...

„Кто бы ты ни былъ, мой читатель, на какомъ бы мѣстѣ ни стоялъ, въ какомъ бы званіи ни находился, *почтенъ* ли ты высшимъ чиномъ или человѣкъ простого сословія, но если тебя вразумилъ Богъ грамотѣ, и попалась тебѣ моя книга, я прошу тебя помочь мнѣ". .

Вы думаете, это начало предисловія къ „Путешествію Московскаго купца Трифона Коробейникова съ товарищами въ Іерусалимъ, Египетъ и Синайской горѣ, предпринятое въ 1583 году"?—Нѣтъ, ошибаетесь: это начало предисловія ко второму изданію поэмы „Мертвыя Души"... Но далѣе—

„Въ книгѣ, которая передъ тобою, которую, *вѣроятно*, ты уже прочелъ въ ея первомъ изданіи, изображенъ человѣкъ, взятый изъ нашего же государства. Ѣздитъ онъ по нашей Русской землѣ, встрѣчается съ людьми всякихъ сословій, отъ *благородныхъ* до *простыхъ*. Взятъ онъ больше затѣмъ, чтобъ показать недостатки и пороки русскаго человѣка, а не его достоинства и добродѣтели, и всѣ люди, которые окружаютъ его, взяты также затѣмъ, чтобы показать наши слабости и недостатки; лучшіе люди и характеры будутъ въ *другихъ частяхъ*. Въ книгѣ этой мно-

гое описано невѣрно, не такъ, какъ есть и какъ дѣйствительно происходитъ въ Русской землѣ, потому что я не могъ узнать всего: мало жизни человѣка на то, чтобы узнать одному и сотую часть того, что дѣлается на нашей землѣ. Притомъ, отъ моей собственной оплошности, незрѣлости и поспѣшности произошло множество всякихъ ошибокъ и промаховъ, такъ-что на каждой страницѣ есть что поправлять: *я прошу тебя, читатель, поправить меня. Не пренебреги такимъ дѣломъ.* Какого-бы ты ни былъ самъ высокаго образованія и *жизни высокой*, (?) и какою-бы ничтожною ни показалась въ глазахъ твоихъ моя книга, и какимъ бы ни показалось тебѣ мелкимъ дѣломъ ее исправлять и писать на нее замѣчанія, я прошу тебя сдѣлать это. А ты, читатель невысокаго образованія и простого званія, *не считай себя такимъ невѣждою*, чтобъ ты не могъ меня чему-нибудь поучить“—и пр.

Вслѣдствіе этого скромный авторъ нашъ проситъ всѣхъ и каждаго „дѣлать свои замѣтки сплошь на всю книгу его, не пропуская ни одного мѣста ея“, и, „читать не иначе, какъ взявши въ руки перо и положивши листъ почтовой бумаги“, а потомъ пересылать къ нему свои замѣтки. Итакъ, мы не можемъ теперь вообразить себѣ всѣхъ русскихъ людей иначе, какъ сидящихъ передъ раскрытою книгою „Мертвыхъ Душъ“ на колѣняхъ, съ перомъ въ рукѣ и листомъ почтовой бумаги на столѣ; чернильница предполагается сама собою... Особенно люди не высокаго образованія, *не высокой жизни* и простого сословія должны быть въ большихъ хлопотахъ: писать не умѣютъ, а надо... Не лучше ли имъ всѣмъ пуститься за границу для личнаго свиданія съ авторомъ, — вѣдь, на словахъ удобнѣе объясниться, чѣмъ на бумагѣ... Оно, конечно, эта поѣздка обойдется имъ дороговько, зато какіе же результаты выйдутъ изъ этого!... Къ чему весь этотъ фарсъ? спросите вы, читатели. Отвѣчаемъ вамъ словами одного изъ героевъ комедіи Гоголя: „Поди ты, спроси иной разъ человѣка, изъ чего онъ что-нибудь дѣлаетъ?...

Въ этомъ фантастическомъ предисловіи есть весьма

утѣшительное извѣстіе, что „воспослѣдуетъ изданіе новое (т. е. новое изданіе) этой книги, *въ другомъ и лучшемъ видѣ*. Боже мой, какъ вздорожаютъ тогда первыя два изданія! Вѣдь, до этого второго изданія, „Мертвыя Души" продавались по десяти рублей серебромъ, вмѣсто трехъ...

В. Бѣлинскій.

* * *

*) Милостивый государь.

Я прочелъ предисловіе ко второму изданію „Мертвыхъ Душъ" и, пользуясь вашею покорнѣйшею просьбою, обращенною ко всѣмъ жителямъ русскаго царства, рѣшился сдѣлать нѣсколько замѣчаній на вашу поэму. Извините, что я не хотѣлъ прибѣгнуть къ тому способу доставлять замѣчанія, который вы сами указали, но выбираю средство гласное журналъ, имѣющій наибольшее число читателей. Книга ваша — дѣло общее, а при томъ значеніи, которое придано ей предисловіемъ, она — дѣло почти вселенское; слѣдовательно, и мои на нее замѣчанія должны быть общими, если не вселенскими, не оставаясь тайною между нами. И безъ того много тайнъ на землѣ и на небѣ — отъ судьбы человѣка до нѣкоторыхъ предисловій!

Съ чего же начать мнѣ? Начну съ самаго начала — съ предисловія. Въ настоящемъ случаѣ, оно для меня важнѣй всей книги, съ которой я уже коротко познакомился черезъ первое изданіе. Есть два рода предисловій: одни говорятъ о содержаніи сочиненія, не касаясь сочинителя! другія (назову ихъ субъективными) говорятъ больше о сочинителѣ, нежели о сочиненіи. Ваше принадлежитъ къ послѣднимъ: оттого-то оно имѣетъ въ глазахъ моихъ чрезвычайную важность. Оно изображаетъ автора, который скрытъ въ своемъ твореніи, заслоненный дѣйствующими

*) „Отечественныя Записки" 1847 г., № 2. (Письмо къ Н. В. Гоголю, по поводу предисловія ко 2-му изд. „Мертвыхъ Душъ".)

лицами. Герой предисловія, авторъ, высказываетъ себя съ той или другой стороны; высказываетъ себя непосредственно, безъ помощи какого-нибудь Манилова, который можетъ увлечься дружбой, или какого нибудь Собакевича, который можетъ увлечься своимъ собачествомъ.

Но я заранѣе долженъ объявить вамъ, что замѣчанія мои должны принести только мнѣ пользу, не принеся вамъ ни малѣйшей. Въ нихъ не отвѣты на ваши вопросы, а вопросные пункты, требующіе отвѣтовъ. Въ предисловіи вашемъ много такого, чего скептики не допускаютъ, много таинственнаго. Будьте ко мнѣ снисходительны: разоблачите передо мною мистеріи предисловія, объясните то, что обыкновенному уму непонятно. Вамъ это ничего не значитъ. Если ужъ я, по настоятельной просьбѣ вашей, унизился до того, что представился вамъ человѣкомъ, „ничему почти неучившимся", то вамъ, творцу идеаловъ, одаренному сильною фантазией, всего легче вообразить человѣка, который дѣйствительно мало учился, человѣкомъ малоучившимся.

Вы говорите: „Въ книгѣ моей много описано невѣрно, не такъ, какъ есть и какъ дѣйствительно происходитъ въ русской землѣ. Отъ моей собственной оплошности, незрѣлости и поспѣшности произошло множество всякихъ ошибокъ и промаховъ, такъ что на всякой страницѣ есть что поправить, и прошу тебя, читатель, поправить меня". Похвальное признаніе, рѣдкое въ лѣтописяхъ нашей литературы. Но меня интересуетъ не признаніе, а непонятное въ этомъ признаніи. Если вы сами утверждаете, что многое изображено въ вашей книгѣ не такъ, какъ есть: слѣдовательно, вы знаете, какъ оно есть. Сознавая противорѣчіе между тѣмъ, что вы написали о русской землѣ, и тѣмъ, что въ ней дѣйствительно происходитъ, вы, слѣдовательно, сознали, въ чемъ ваша ошибка, и какова дѣйствительность; другими словами, вы уже поправили вашу ошибку. Что же дѣлать здѣсь другимъ? Зачѣмъ поправлять поправленное? Отрицаніе прежняго должно основываться на положеніи новаго: иначе описаніе выйдетъ фантастическое. Чужіе совѣты не будутъ ли въ этомъ

случаѣ повтореніемъ вашего собственнаго мнѣнія, если они справедливы? И человѣкъ, просящій совѣтовъ, не будетъ ли походить на того больного, который спрашиваетъ у доктора, можно ли ему есть такое-то кушанье, когда онъ это кушанье уже съѣлъ безъ докторскаго предписанія?

Что касается до причины вашихъ ошибокъ, я нахожу ее столько же смиренною, сколько и раціональною: „я не могъ узнать всего“. Какъ это вѣрно и глубоко! Одинъ не въ силахъ узнать всего! Конечно, отъ этого собственнаго сознанія слабости далеко еще до слабости Сократа, который, къ концу жизни своей узналъ только то, что онъ ничего не знаетъ, но, вѣдь, философическое, т.-е. полное незнаніе достигается crescendo, равно какъ и отшельническое смиреніе. При второмъ изданіи ему нѣтъ мѣста: оно можетъ раскрыться, по самому малому сроку, въ предисловіи къ изданію третьему. Прогрессъ смиреннаго человѣка довольно извѣстенъ: сначала, онъ, кажется, все знаетъ; потомъ, послѣ долгой борьбы, внутренно убѣждается, что одинъ не можетъ знать всего; наконецъ, публично признается, что онъ знаетъ только свое незнаніе. Выразимъ этотъ прогрессъ другою формулой: сначала гордость, потомъ униженіе, наконецъ, униженіе особаго рода, извѣстное подъ именемъ уничиженія. Такимъ образомъ, кругъ жизни смиреннаго человѣка смыкается, и русская поговорка передаетъ ея послѣднюю степень на своемъ сжатомъ, но сильномъ языкѣ...

„Мало жизни человѣка, чтобы узнать одному и сотую долю того, что дѣлается на нашей землѣ“. Истина, свѣтлая какъ солнце! Рѣшите сами, чего въ ней больше: правды или продолжительности тѣмъ гордымъ словамъ другого писателя, который публично восклицалъ: „Я знаю Русь, и Русь меня знаетъ!“ Видно, этотъ писатель находится еще въ цвѣтѣ лѣтъ, въ томъ моментѣ развитія, въ которомъ преобладаютъ гордость и аппетитъ. Но я пойду дальше вашего смиренія: „мало жизни человѣка, чтобъ узнать одному и *двухсотую* часть того, что дѣлается на нашей землѣ!“ Остановимся на этой цифрѣ. Двѣсти человѣкъ

нужны для того, чтобы узнать всю Русь! Отъ двухсотъ человѣкъ вамъ надо получить письма! Съ ужасомъ представляю себѣ ваше положеніе, когда вы принуждены будете читать столько мнѣній, сколько головъ трудились надъ ними. Вы на опытѣ узнаете сущность вавилонскаго столпотворенія: сколько различнаго, прямо противоположнаго найдете вы въ каждомъ мнѣніи, отъ сущности мысли или безсмыслицы до склада рѣчи или безкладицы, до почерка и качества чернилъ! И если вы сумѣете извлечь изъ нихъ что-нибудь положительное, то, безъ сомнѣнія, для васъ смѣшенія языковъ не существуетъ. Припомните разнохарактерныя сужденія по случаю перваго представленія „Ревизора“, подслушанныя вами при разъѣздѣ театральномъ: что вы поняли въ этой сумятицѣ одобреній и порицаній? что вы изъ нея вынесли? ничего, кромѣ критической статьи, въ которой судящіе были осмѣяны, а, вѣдь, ихъ было очень немного, несравненно меньше двухъ сотенъ, нужныхъ для совершеннаго познанія Россіи. Что же выйдетъ, когда отпишутъ вамъ люди простого званія, которые, между прочимъ, и не читали вашей книги, хотя, можетъ быть, и обладаютъ качествами, нужными для корреспонденціи? Нечего сказать, пріятное занятіе для ума и сердца! Я ужъ умалчиваю о невыгодномъ положеніи тѣхъ, которые, прочитавъ вашу книгу, начнутъ ее теперь читать снова, имѣя передъ собою, по вашей просьбѣ, бумагу и чернильницу, въ рукахъ держа перо и дѣлая замѣчанія на каждую страницу. Объ этомъ не стоитъ говорить: для такого важнѣйшаго предмета, каковы „Мертвыя Души“, и для такого самонужнѣйшаго современнаго вопроса, каково поправленіе „Мертвыхъ Душъ“, вопроса, соединяющаго въ себѣ патріотическіе и европейскіе интересы, должно забыть свои необходимыя занятія, пожертвовать своимъ временемъ. Но мнѣ жаль васъ, почтенный авторъ: васъ такъ сильно займетъ самый процессъ чтенія!

Книга ваша достигла второго изданія. Тысячи экземпляровъ ея разошлись по Россіи. Она извѣстна каждому образованному человѣку. Ее прочли съ большимъ удоволь-

ствіемъ, какъ произведеніе высокопоэтическое, а такимъ можетъ назваться только дѣйствительное изображеніе жизни. И что же? Самъ авторъ говоритъ, что онъ былъ оплошенъ, незрѣлъ и поспѣшенъ, что въ книгѣ его описанія невѣрны, что въ его книгѣ множество промаховъ и ошибокъ, такъ что на каждой страницѣ есть что поправить. Чѣмъ же, позвольте спросить, восхищалась публика, читая „Мертвыя Души?“ —оплошностью и незрѣлостью автора, невѣрными описаніями, изображеніями не дѣйствительности, множествомъ промаховъ и ошибокъ?.. Этого мало. Въ послѣднемъ сочиненіи своемъ: „Выбранныя Мѣста изъ Переписки съ Друзьями“, авторъ говоритъ: „дивлюсь потому, что мало сдѣлано было упрека въ отношеніи къ искусству и творческой наукѣ. Слѣдовало показать, какія части чудовищно-длинны въ отношеніи къ другимъ, гдѣ писатель измѣнилъ самому себѣ, не выдержавъ своего собственнаго, уже разъ принятаго тона. *Никто* не замѣтилъ даже, что послѣдняя половина книги обработана меньше первой, что въ ней великіе пропуски, что главныя и важныя обстоятельства сжаты и сокращены, неважныя и побочныя распространены“. Положеніе, въ которое авторъ становится передъ публикой, очень странно и щекотливо. Будь я живописецъ, я изобразилъ бы это положеніе... И, наконецъ, авторъ взываетъ ко всѣмъ степенямъ общества: „къ людямъ высокаго образованія и высокой жизни“, „къ людямъ невысокаго образованія и простого званія“, „къ богатымъ опытомъ и познаніемъ жизни“, „къ сословію высшему“, „къ одареннымъ способностью воображать“, „къ литераторамъ и журналистамъ“, умоляя всѣхъ и каждаго помочь ему! У этой самой публики, которой авторъ сейчасъ надѣлалъ столько комплиментовъ, онъ же покорнѣйше проситъ совѣтовъ! Эту публику, не умѣвшую понять перваго изданія „Мертвыхъ Душъ“, авторъ проситъ поправить второе, напечатанное безъ малѣйшихъ перемѣнъ съ перваго!!! Онъ публично говоритъ намъ: *никто* изъ васъ не замѣтилъ“, и тутъ же прибавляетъ: „замѣтьте *вы*!!!“ Воля ваша, это насмѣшка, одна изъ выходокъ юмо-

ристики, въ которой обида и почтеніе, смиреніе и гордость, такъ нераздѣльны, что не знаешь, гдѣ оканчивается одно, и гдѣ начинается другое. Примиреніе этого юмора совершится на высотѣ пьедестала, когда авторъ на весь оиміамъ и жертвы будетъ отвѣчать съ улыбкой: „Благодарю, друзья мои, благодарю: но вы горько ошиблись: я рожденъ вовсе не за тѣмъ, чтобъ произвесть эпоху въ области литературной".

Пойдемъ дальше. „Какого бы ни былъ ты самъ высокаго образованія и жизни высокой, и какою бы ничтожною ни показалась въ глазахъ твоихъ моя книга, и какимъ бы ни показалось тебѣ мелкимъ дѣломъ ее исправлять и писать на нее замѣчанія, — я прошу тебя это сдѣлать". Непонятная вещь! Объясните мнѣ, почему человѣкъ высокаго образованія и жизни высокой (замѣтьте: высокаго и высокой!) долженъ сдѣлать то, что въ глазахъ его ничтожно и мелко? Не значитъ ли это людей высокихъ унижать, умныхъ обращать въ неумныхъ?.. „Но я прошу васъ объ этомъ", говорите вы. Значитъ ваша просьба сильнѣе раціональнаго убѣжденія и поступковъ, на немъ основанныхъ? значитъ ваша смиреннѣйшая просьба обязываетъ смириться и высоту образованія и высоту жизни? Не есть ли это своеправіе больного (да, именно больного), который проситъ доктора отступить отъ законовъ медицины? Другое дѣло — читатели невысокаго образованія и простого званія (замѣтьте: невысокаго и простого!), которымъ вы предлагаете „не считать себя такими невѣждами, чтобъ они не могли васъ чему нибудь поучить". Вѣроятно, они съ удовольствіемъ исполнятъ ваше предложеніе: это и легко и пріятно для нихъ самихъ, а для отечества полезно. Было бы крайне невѣжливо съ ихъ стороны не превратиться изъ невѣждъ въ образованныхъ!

„Итакъ, если бы случилось, что моя сердечная просьба была бы уважена моими читателями, и нашлись бы изъ нихъ дѣйствительно такія добрыя души, которыя бы захотѣли сдѣлать все такъ, какъ я хочу, то"... и пр.—Непонятное для меня понятіе о добротѣ! Объясните лишь его,

ради спасенія нравственности. У г. Загоскина, *добрый малый* (въ комедіи того же имени) играетъ навѣрняка въ карты, лжетъ напропалую и даже удачно воруетъ; у васъ *добрая душа* дѣлаетъ то, что вы хотите. Первое опредѣленіе доброты очень удобно: оно представляетъ ясныя средства заслужить почтенныя свойства добраго человѣка. Второе, т. е. ваше, чрезвычайно трудно, ибо хотѣніямъ человѣческимъ законъ не писанъ; но, съ другой стороны, оно опредѣлительно показываетъ, что желанія автора „Мертвыхъ Душъ“ суть именно тѣ правила, по которымъ поступаютъ добрыя души и по которымъ должны поступать души злыя, если только онѣ возымѣютъ желаніе стать добрыми. Отказаться имъ отъ этихъ законовъ такъ же неучтиво, какъ невѣждамъ отказаться отъ совѣта считать себя образованными.

„Объ одномъ прошу крѣпко того, кто захотѣлъ бы надѣлить меня своими замѣчаніями: не думать въ это время, какъ онъ будетъ ихъ писать, что онъ пишетъ ихъ для человѣка, равнаго ему по образованію, который одинаковыхъ съ нимъ вкусовъ и мыслей, и можетъ уже многое смекнуть и самъ безъ объясненія; но, вмѣсто того, воображать себѣ, что передъ нимъ стоитъ человѣкъ, несравненно его низшій образованіемъ, ничему почти неучившійся“. Едва-ли возможно это сдѣлать при всемъ уваженіи къ крѣпкой просьбѣ. Кто дѣйствительно неодинаковыхъ вкусовъ и мыслей съ авторомъ, тому и безъ просьбы очень легко думать, что онъ думаетъ иначе, и любитъ не то и не то ненавидитъ. Но если кто, прочитавъ книгу, къ несчастію, увидитъ, что согласенъ съ авторомъ въ мысляхъ и чувствахъ, какъ тогда быть? Притворяться онъ, вѣрно, не захочетъ, изъ уваженія къ самому себѣ: а не исполнить просьбы авторской, значитъ не уважить ее. Страшное столкновеніе обязанностей! Трагическое положеніе, изъ котораго нѣтъ другого выхода, кромѣ удивительной непріятности! Прочія условія, необходимыя для исполненія просьбы, тоже противорѣчатъ душевному спокойствію; *надобно* воображать въ авторѣ человѣка, ничему

почти неучившагося (какъ будто это возможно послѣ чтенія его сочиненій). Лучше представить деревенскаго дикаря, котораго вся жизнь прошла въ глуши (тогда какъ вамъ извѣстно, что авторъ посѣщалъ чужіе края, и теперь живетъ въ нихъ), ребенка (тогда какъ въ „Мертвыхъ же Душахъ“ онъ жалѣетъ о прошедшей своей молодости), *опасаться ежеминутно*, чтобъ не употребить выраженій свыше его понятія, *безпрерывно* имѣть въ виду все это... Трудно соединить и такую силу воображенія, и такую способность къ насилованію своего ума, и такую крайнюю опасливость въ безопасномъ предметѣ, и такое безпрерывное обладаніе всѣми этими качествами. Кто, послѣ того, рѣшится писать свои замѣчанія? „Тогда“, говоритъ авторъ, „замѣчанія его выйдутъ болѣе значительны и любопытны, чѣмъ онъ думаетъ самъ“.—Отчего же, при этихъ условіяхъ, замѣчанія выйдутъ значительнѣе и любопытнѣе? Какая связь между воображеніемъ не существующихъ вещей и дѣльностью критическаго взгляда? Что общаго между страхомъ употребить выраженіе свыше и между важностью выражаемаго? между непрерывностью напряженнаго противоестественнаго состоянія, въ которое вы заключаете вашего судью, и между внутреннею силою указаній, правдивостью голоса? Авторъ хочетъ и логику покорить своимъ покорнѣйшимъ просьбамъ. А замѣчатель, бѣдный замѣчатель! Ты не будешь даже знать истинной значительности и любопытности твоихъ замѣчаній: они выйдутъ ниже или выше твоего о нихъ понятія: они выйдутъ не таковы, какъ ты *самъ* о нихъ думаешь, а таковы, какъ угодно тому, кого ты учишь.

Благодаря журналистовъ и литераторовъ за ихъ прежніе отзывы о вашей книгѣ, вы находите, однакожъ, въ этихъ отзывахъ нѣкоторую *неумѣренность* и *увлеченія* свойственныя человѣку. Можетъ-быть, это и справедливо въ извѣстномъ отношеніи, но почему же вы думаете найти умѣренность и неувлеченіе въ журнальныхъ отзывахъ о новомъ изданіи, въ тѣхъ самыхъ письмахъ, которыя станете получать изъ всѣхъ концовъ Руси? Развѣ журнали-

сты и литераторы отступятся отъ своихъ прежнихъ мнѣній, отрекутся отъ начальныхъ ощущеній? Увы, не всѣмъ дана возможность совершенствоваться такъ быстро, какъ авторъ „Мертвыхъ Душъ“, который, при первомъ изданіи своей книги, не просилъ ничьихъ совѣтовъ, а проситъ ихъ при второмъ, т.-е. оканчиваетъ тѣмъ, съ чего бы слѣдовало начать! Не всѣ измѣняютъ круто привычный ходъ своей дѣятельности, если требуютъ пользы и самонаслажденія, а не потѣхи самолюбію.................. ....

....

Здѣсь я забываю на время главный предметъ моего посланія, чтобъ сказать нѣсколько словъ объ увлеченіи вообще.

Изъ всѣхъ увлеченій, свойственныхъ человѣческой слабости, всего плодотворнѣе или всего гибельнѣе увлеченіе доктринами. Есть разные роды послѣднихъ. Есть доктрины, которыхъ все содержаніе выводится послѣдовательно изъ основныхъ началъ; есть, напротивъ, доктрина, совершенно чуждая послѣдовательности и опредѣленности. При ея великолѣпной постройкѣ не были приняты въ соображеніе ни законы природы ни законы человѣческой мысли; но такъ какъ она хочетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, сохранить внѣшнее согласіе съ натурой и разумомъ, то, при объясненіи каждаго факта требуетъ вспомогательныхъ подстановокъ, побочныхъ гипотезъ, которыхъ, наконецъ, накопляется такое множество, что онѣ становятся въ забавное противорѣчіе другъ къ другу, и гипотеза, необходимая для объясненія такого-то явленія, легко разрушается гипотезой, нужной для объясненія другого явленія. Поэтому, у людей, слѣдующихъ этой доктринѣ, несообразности, вопіющія противорѣчія самая ходячая монета; смиреніе уживается у нихъ рядомъ съ высокомѣріемъ, любовь къ ближнему съ покойнымъ созерцаніемъ его долговременныхъ мученій; авторитетъ попираетъ своими ногами права разума, а въ другомъ случаѣ разумъ насилуетъ свою собственную природу, чтобъ доказать неразумное.

Какіе люди хватаются за эту доктрину? Преимуще-

ственно люди, ничему не учившіеся или мало учившіеся, но чувствующіе потребность опереться на что-нибудь прочное. Какое лѣкарство отъ ихъ увлеченія? Ученіе и ученіе. Нѣкоторыя науки особенно полезны въ этомъ случаѣ: математическія, какъ гимнастика мысли, астрономія, указующая необъятность сотвореннаго, исторія, представляющая дѣйствительный прогрессъ человѣчества, наконецъ, философія... Виноватъ, я забылъ знаніе языковъ—это сильное противоядіе ограниченнымъ средствамъ просвѣщенія. Само собою понятно, что я не включаю сюда языка славянскаго, во-первыхъ, потому что Шишковъ давно уже доказалъ его тождество съ русскимъ, а во-вторыхъ, потому, что, хотя мнѣніе Шишкова отвергнуто, но языкъ славянскій есть основаніе русскаго, мы учимся ему въ колыбели,— онъ наша собственность, наше родное достояніе.

Вотъ все, что на сей разъ я имѣлъ сказать вамъ. Повторяю мою покорнѣйшую просьбу: объяснить для меня непонятное. Сдѣлайте одолженіе, не сочтите этого дѣла мелкимъ, а меня образованнымъ. Дайте вашему воображенію еще больше воли, нежели я далъ своему. Вы ничему почти не учились: я вдвойнѣ ничему не учился Я меньше, чѣмъ дикарь: я кандидатъ въ дикари. Я даже не ребенокъ, а только претендую на ребенка. Не смѣю думать, чтобъ я не родился (это было-бы слишкомъ для меня уничижительно), но я нахожусь именно въ томъ состояніи, которое предшествуютъ вашему. Мое незнаніе — эссенція вашего незнанія: я меньше, чѣмъ ничто: я два раза ни что.—Прошу васъ также не заботиться о слогѣ и красотѣ выраженія: дѣло въ дѣлѣ и правдѣ дѣла, а не въ слогѣ. Если найдутся грамматическія ошибки, — не бойтесь: я, вѣдь, могу вообразить, что вы не знаете даже грамматики. Переслать свой отвѣтъ вы можете слѣдующимъ образомъ: не дѣлать сначала пакета на мое имя, а просто завернуть письмо въ одинъ пакетъ съ надписью: *Въ Петербургъ, въ контору Отечественныхъ Записокъ, съ передачею такому-то.* Контора доставитъ мнѣ, не распечатывая пакета.

Засимъ, пожелавъ вамъ всѣхъ благъ, особенно здоровья, честь имѣю быть

вашъ,
милостивый государь,
покорнѣйшій слуга
Сто-одинъ (А. Д. Галаховъ).

„Отечественныя Записки“ 1847 г.

* * *

*) Много толковали о послѣдней книжкѣ Гоголя, но едва-ли кто произнесъ о ней чистосердечно-спокойное и свѣтлое сужденіе Гоголь исповѣдался предъ своими читателями — правдива-ли его исповѣдь или лицемѣрна, но онъ исповѣдался. И вотъ одни, мыслямъ которыхъ противорѣчатъ его убѣжденія, понимаютъ въ первый разъ, что онъ не поборникъ ихъ, а противникъ. „Гоголь измѣнилъ самому себѣ“, говорятъ они, удивленные и разочарованные, „дарованіе его клонится къ упадку“.

Съ другими случилось совершенно противное. Они не слыхали отъ Гоголя ничего такого, что поддакивало ихъ образу мыслей. Изъ этого и прежде слѣдовало бы заключить только, что Гоголь о томъ, о чемъ они думали и говорили, или не думалъ, или думалъ, и не говорилъ. Но было иначе. Пословица: молчаніе знакъ согласія—не очень справедлива, но еще менѣе справедливо принимать молчаніе за знакъ несогласія. А многіе на основаніи этого-то ложнаго положенія судили о Гоголѣ. Они судили его ложно. По крайней мѣрѣ, когда онъ открыто объявляетъ свои мнѣнія—казалось бы, что недоразумѣнію не должно ужъ быть мѣста; казалось бы, должно было-бы сознаться, что, судя Гоголя по его молчанію, мы ошиблись. Однако недоразумѣніе осталось, сознанія не сдѣлано. Вмѣсто того,

*) „Московскій Городской Листокъ“ 1847 г., № 50 („Нѣсколько словъ отъ редакціи по поводу мнѣній о книгѣ Гоголя“).

чтобъ повиниться въ томъ, что безъ основанія судили о Гоголѣ, господа, о которыхъ мы говоримъ, безъ основанія рѣшили, что Гоголь точно заблуждался, но потомъ переродился, покаялся и вышелъ на путь истинный. Не правда-ли, мы умны и проницательны, думаютъ нѣкоторые,— если такой даровитый человѣкъ, какъ Гоголь, только послѣ долгихъ заблужденій обратился на ту дорогу, которую мы угадали сразу, выбрали тотчасъ? Не правда ли, что мы правы, если Гоголь, развившійся и созрѣвшій, съ нами за одно?

Такъ многіе критики судятъ объ авторѣ по отношенію, которое обнаружилъ онъ въ послѣдней своей книжкѣ къ той партіи, къ которой принадлежитъ критикъ. Мало того, эти критики даже открыто сказали исходную точку ихъ сужденія. Какъ будто все дѣло критика состоитъ въ томъ, чтобъ сказать: этотъ нашъ, а этотъ не нашъ: какъ будто всякій долженъ быть непремѣнно чьею-либо собственностью, какъ будто и Гоголь не можетъ нисколько принадлежать себѣ! Подумаешь, что вся мудрость критики, даже если она занимается и геніальнымъ писателемъ, состоитъ въ томъ, чтобы рѣшить, съ Петрами-ли согласенъ геніальный писатель или съ Иванами. А если геніальный человѣкъ зовется иначе, нежели Петромъ и Иваномъ, такъ онъ уже и кругомъ виноватъ?

— Мы хотимъ быть вѣрны сами себѣ, думаютъ и Петры и Иваны.—Будьте вѣрны себѣ, сколько хотите, но не въ этомъ существенное достоинство критика. Не столько нуженъ критику—разумѣется, поколику критику—непреклонный образъ мыслей, нежели сколько нужно ему имѣть гибкость ума, способную войти въ мысли автора и выразумѣть его хорошо прежде съ той точки зрѣнія, съ которой онъ хочетъ самъ, чтобъ его судили, а потомъ уже, пожалуй, и отовсюду. Если критикъ хвалитъ или порицаетъ, единственно по мѣрѣ согласія или несогласія автора съ системою мнѣній, исповѣдоваемою критикомъ, то критикъ только объявитъ эти мнѣнія, а не опредѣлитъ значенія разбираемаго имъ сочиненія. Такая критика сама

подлежитъ критикѣ, поколику подлежитъ разсмотрѣнію та система мнѣній.

Критика философская обозначаетъ отношенія одной системы ко всѣмъ другимъ, и чѣмъ проще, ярче и свѣтлѣе выставляетъ эти отношенія, тѣмъ она искуснѣе. Но всего болѣе, всего безпристрастнѣе должна быть критика въ отношеніи къ тому, что въ сочиненіи есть отъ прежнихъ избитыхъ путей независимаго. Критикъ долженъ принять то оружіе, которымъ владѣетъ сочинитель, итти на битву туда, куда онъ его зоветъ, не притворяться глухимъ, не зазывать на расправу къ себѣ на домъ, чтобы начать раздѣлываться съ сочинителемъ при помощи всѣхъ своихъ домашнихъ.

Гоголь и его послѣдняя книга *).

„...И понятною тоскою уже загорѣлась земля; черствѣе и черствѣе становится жизнь, все мельчаетъ и мелѣетъ, и возрастаетъ въ виду всѣхъ одинъ исполинскій образъ скуки, достигая съ каждымъ днемъ неизмѣримѣйшаго роста. Все глухо, могила повсюду. Боже! пусто и страшно становится въ твоемъ мірѣ!“

(Выбранныя мѣста изъ Переписки съ друзьями“, Н. Гоголя, стр. 234).

Послѣдняя книга Гоголя составляетъ чуть ли не самый важный вопросъ нашей литературы въ настоящую минуту, не только сама по себѣ, но и по отношенію къ партіямъ, въ которыхъ этотъ вопросъ нашелъ себѣ различные от-

*) „Московскій Городской Листокъ“ 1847 г. Статья А. Г.

вѣты. Книга эта—„Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями" — сдѣлалась уже не простымъ литературнымъ явленіемъ, но дѣломъ, процессомъ литературнымъ. Еще за нѣсколько времени до появленія своего въ свѣтъ, она возбуждала толки,—еще предисловіе ко второму изданію „Мертвыхъ Душъ" встрѣчено было непріязненно, хотя, собственно говоря, въ этомъ предисловіи нѣтъ ничего такого, что не было прежде сказано поэтомъ, на что, по крайней мѣрѣ, не было сдѣлано имъ намека. Партія, встрѣтившая непріязненно предисловіе къ „Мертвымъ Душамъ", можетъ-быть, не замѣтила, что она противорѣчитъ самой себѣ и болѣе еще противорѣчитъ современному значенію искусства, которое сошло съ своихъ прежнихъ ходуль, совлеклось съ туманнаго нимба, существуетъ для всѣхъ и каждаго, даетъ въ себѣ часть всѣмъ и каждому. „То время, когда поэтъ могъ сказать себѣ: „Ты царь,—живи одинъ!" уже прошло, не знаемъ, ко вреду ли искусства, во всякомъ случаѣ, не ко вреду общественнаго развитія. Повторяемъ опять, что же тутъ мудренаго, что поэтъ, который хочетъ создать народную эпопею, прислушивается къ голосу народа?.. Непріязненность встрѣчи предисловія ко второму изданію „Мертвыхъ Душъ" объясняется только послѣднею книгою Гоголя, о которой давно уже ходили темные слухи въ обществѣ. Партія, складывавшая для Гоголя пьедесталъ изъ бренныхъ остатковъ всей прошедшей литературы, до тѣхъ поръ только поклонялась своему кумиру, пока не видѣла, или, лучше сказать, могла еще не видѣть слишкомъ яркаго различія его образа мышленія отъ ея образа мышленія—ибо, въ настоящую минуту, говоря словами этой странной книги Гоголя: *„уже умные люди начинаютъ говорить, хотя противу собственнаго убѣжденія, изъ-за того только, чтобъ не уступить противной партіи, изъ-за того, что гордость не позволяетъ сознаться передъ всѣми въ ошибкѣ* — ибо въ настоящую минуту—и этимъ мы въ особенности обязаны всепримиряющему понятію гоголевскаго развитія—исчезла во многомъ и во многихъ вѣра въ то, что:

Das Wahre war shon längst gefunden,
Hat edle Geisterschaft verbunden
Das alte Wahre fasz es an.

И умственное отчаяніе заставило уцѣпиться какъ за доску спасенія за истину личную или вообще за личность. Личность—вотъ послѣднее слово германскаго мышленія, и до тѣхъ поръ, пока въ Гоголѣ мы видѣли только величайшаго аналитика личности, отыскивающаго въ насъ и въ себѣ Хлестаковыхъ, Чичиковыхъ, Акакіевъ Акакіевичей, пока онъ не произнесъ суда надъ этой личностью—мы всѣ, болѣе или менѣе, видѣли въ немъ, такъ сказать, оправдателя и возстановителя; мы предобродушно вѣрили оправданію Чичикова, и не понимали, какіе иные образы подымутся *изъ облеченной въ святой ужасъ и блистаніе главы*; мы безсознательно, на вѣру восхищались лирическимъ паѳосомъ поэмы.

И вотъ самъ Гоголь сказалъ слово въ объясненіе собственныхъ созданій, сказалъ его, безпощадно обнаживши передъ нами всю болѣзненность самого себя—всю нашу общую болѣзненность... и хотя бы дѣльнымъ противорѣчіемъ было встрѣчено это важное слово; съ какою-то непонятною легкостью выслушала это слово самая добросовѣстная изъ партій, и цинически обрадовалась ему другая, обрадовалась потому, что нашла случай, время и мѣсто сказать о себѣ самой, что вотъ-де что говоритъ *самъ* Гоголь, такъ превозносенный, что мы были, дескать, правы, говоря о немъ то-то и то-то. Встрѣча, вполнѣ достойная общества, которое отъ всѣхъ тяжелыхъ общечеловѣческихъ вопросовъ приняло только голые результаты, вполнѣ соотвѣтствующая духу партій, борющихся не за вѣчную истину, а за свое собственное, бѣдное существованіе...

Но что же сказалъ Гоголь, что могло-бы быть загадкою послѣ его предшествовавшей дѣятельности, справедливо оцѣненной одними, умышленно непонятой другими, теперь обрадовавшимися партіями? Онъ выступилъ только какъ мыслитель, правда, слабый, однако, какъ мыслитель-ху-

дожникъ съ тѣми вопросами, которые развивалъ онъ какъ художникъ-мыслитель; выступилъ, не скрывая ни передъ кѣмъ своего болѣзненнаго настройства, придавая важность жизни своей, которая привела его къ извѣстному разрѣшенію вопросовъ... И для насъ важно не столько то разрѣшеніе, которое представляется ему успокоительнымъ, сколько созерцаніе того пути, по которому онъ дошелъ до него. Ужели явленіе столь знаменательное, столь сильно возбуждающее раздумье не представляетъ для критики никакой другой обязанности, какъ только указывать перстомъ на тѣ мѣста въ книжкѣ Гоголя, которыя особливо взятыя отдѣльно — представляютъ явную, для всѣхъ наглядную нелѣпость. Можно ли назвать вполнѣ обдуманными обвиненіями дѣтскія шутки однихъ, заносчивыя убѣжденія другихъ и поправки русскаго языка, которыми, въ особенности, занялись даже самые ревностные поборники дѣйствительно часто неправильной, но всегда своеобразной, всегда пластической гоголевской рѣчи.

Одинъ голосъ высказалъ свое мнѣніе весьма прямо и благородно, не стѣсняясь даже уваженіемъ къ Гоголю, и, къ чести нашихъ поэтовъ вообще, это — голосъ поэта. Съ г. *Э. Губеромъ* слѣдуетъ говорить и спорить серьезно. Очень добросовѣстна еще, но вмѣстѣ и довольно одностороння была рецензія „Литературной Газеты“; съ ней мы будемъ имѣть дѣло при подробномъ обзорѣ содержанія всей книги Гоголя.

Выписываемъ съ точностью пункты обвиненія на Гоголя изъ рецензіи г. Губера, помѣщенной въ 35 № „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“:

„Литераторъ съ огромнымъ дарованіемъ, съ лѣткимъ, наблюдательнымъ взглядомъ, съ рѣшительнымъ направленіемъ и съ твердыми убѣжденіями шелъ по дорогѣ, на которую указывало ему внутреннее призваніе, знаніе жизни и людей; умѣнье находить смѣшную сторону въ самыхъ мелочныхъ вещахъ, неровный, неправильный, но оригинальный языкъ и рѣзкое, неожиданное остроуміе наложили на всѣ его произведенія особенный, странный, но

самостоятельный характеръ. Нѣсколько книгъ, написанныхъ этимъ человѣкомъ, дали ему громкое имя, вѣрныхъ друзей, пламенныхъ поклонниковъ и неумолимыхъ враговъ: его хвалили до цѣльности, его бранили съ ожесточеніемъ: вся Россія читала его повѣсти; цѣлая школа пошла по его направленію и подражала его пріемамъ: каждое новое произведеніе, неоконченный отрывокъ, маленькая повѣсть —дѣлались событіемъ въ литературѣ, возбуждали всеобщее вниманіе и порождали споры. Кажется, все, что только можетъ требовать самое взыскательное самолюбіе, было удовлетворено: всѣ почести и волненія, которыя иногда выпадаютъ на долю литератора, были его удѣломъ. Но вдругъ этотъ человѣкъ издаетъ новую книгу, печатаетъ нѣсколько писемъ и нѣсколько отдѣльныхъ статей, въ которыхъ онъ съ ожесточеніемъ возстаетъ противъ собственнаго направленія, уничтожаетъ свои произведенія и ругается надъ самимъ собой. Въ этой странной, удивительной книгѣ литераторъ съ огромнымъ и признаннымъ дарованіемъ отрекается отъ самого себя, казнитъ съ непостижимымъ самоотверженіемъ всю свою прежнюю дѣятельность, опровергаетъ и осмѣиваетъ все то, чѣмъ восхищались его поклонники, что съ удовольствіемъ читала вся Россія. Послѣ этого литературнаго ауто-да-фе слѣдуютъ великолѣпныя обѣщанія на будущее время, новыя великія созданія замѣнятъ старыя, ничтожныя произведенія: гордое, зрѣлое, испытанное дарованіе развернется съ новыми силами и пойдетъ по новому пути. Россія услышитъ великое слово своего учителя, который при самомъ непостижимомъ смиреніи, все-таки признаетъ себя орудіемъ судьбы, призваннымъ для исполненія ея таинственныхъ велѣній. Но пока исполнятся всѣ эти великолѣпныя обѣщанія, пока явятся эти новыя великолѣпныя созданія, литераторъ, въ задатокъ будущихъ благъ и въ искупленіе грѣховъ своей молодости, издаетъ нѣсколько ничтожныхъ писемъ и нѣсколько странныхъ, замысловатыхъ статей".

Итакъ,—вотъ обвиненія, высказанныя здѣсь хоть по крайней мѣрѣ прямо, которыя падаютъ на Гоголя: 1) онъ

измѣняетъ своей дѣятельности и нападаетъ на нее съ ожесточеніемъ; 2) дѣлаетъ великолѣпныя обѣщанія и считаетъ себя таинственнымъ орудіемъ судьбы; 3) въ задатокъ издаетъ нѣсколько ничтожныхъ писемъ, и проч. Предполагая отвѣчать на послѣднее обвиненіе изложеніемъ содержанія самой книги обратимся къ двумъ первымъ.

Во всей книгѣ Гоголь два раза только говоритъ о самомъ себѣ, какъ о писателѣ,—вездѣ въ другихъ мѣстахъ онъ касается себя только какъ человѣка, столько же, какъ всѣ мы, если не болѣе всѣхъ, болѣзненнаго. Изъ этихъ двухъ мѣстъ, въ *завѣщаніи* своемъ, вопросъ о писателѣ Гоголь такъ сливаетъ съ вопросомъ о человѣкѣ, что писатель и человѣкъ становятся совсѣмъ нераздѣлимы. Мнѣнія Гоголя могутъ быть несправедливы, да, собственно говоря, тѣ мнѣнія его, чисто личныя, которыя онъ высказываетъ въ завѣщаніи, и не могутъ быть иными потому, что порождены болѣзненнымъ настройствомъ, и, можетъ-быть, въ извѣстномъ смыслѣ, послѣднею степенью отчаянія скептицизма, общаго нашему вѣку;—но почему Гоголь не имѣлъ бы права написать это завѣщаніе. „Я писатель“, говоритъ онъ въ самомъ этомъ завѣщаніи, „а долгъ писателя—не одно доставленіе пріятнаго занятія уму и вкусу, строго взыщется съ него, если отъ сочиненій его не распространится какая-нибудь польза душѣ и не останется отъ него ничего въ поученіе людямъ“. Еще болѣе говоритъ онъ о долгѣ писателя въ письмѣ о томъ, что такое слово. Человѣкъ, который такъ страдальчески, такъ задушевно смотритъ на свое дѣло, стòитъ нѣкотораго уваженія даже и за свои заблужденія. „Да вспомнятъ также и мои соотечественники, что и не будучи писателемъ, всякій отходящій отъ міра братъ нашъ имѣетъ право оставить намъ что-нибудь въ видѣ братскаго поученія“. Къ сожалѣнію, мы всѣ, болѣе или менѣе, отвыкли смотрѣть на себя серьезно—и мысль Платона, что мы всѣ здѣсь свѣтильники, возженные для извѣстной цѣли, звучитъ намъ какъ-то странно—намъ непонятно, что человѣкъ, дорожившій своею дѣятельностью, дорожитъ важнымъ мо-

ментомъ въ своей жизни, хотя, вѣроятно, и не остановится на этомъ моментѣ; намъ непонятно, что добросовѣстное мышленіе не въ силахъ скрыть отъ себя и отъ другихъ противорѣчій, которыя такъ легко разрѣшитъ всякій, даже плохой софистъ, обманывающій себя на каждомъ шагу; намъ непонятно, что можно дойти, наконецъ, на пути скептицизма и эгоизма *до бездны, неудержимо поглощающей всякій конечный разумъ*, наконецъ, и то, что въ природѣ, ищущей правды, слово и мысль становятся уже дѣломъ—мы всѣ закоснѣли въ раздвоеніи мышленія и жизни—и отъ того-то вырвалось у поэта, при взглядѣ на самого себя и на другихъ, горькое восклицаніе: *„Боже! пусто и страшно становится въ твоемъ мірѣ!"*

Въ другомъ мѣстѣ, гдѣ Гоголь говоритъ о самомъ себѣ, какъ о писателѣ, онъ опредѣляетъ самъ себя, какъ аналитика человѣческой пошлости, но не какъ оправдателя ея, чѣмъ бы хотѣла, можетъ быть, видѣть его такъ называемая натуральная школа, не совсѣмъ понявшая своего учителя... Но вопросъ о Гоголѣ, по отношенію къ его дѣятельности прежней и къ школѣ, получившей отъ него начало, составитъ предметъ второго отдѣла нашей статіи: *„Гоголь, какъ художникъ и мыслитель, и натуральная школа"*, въ которой мы постараемся доказать, что поэтъ даже и не думалъ измѣнять своей прежней дѣятельности, что послѣдняя книга его только поясняетъ эту же самую дѣятельность.

„Московскій Городской Листокъ" 1847 г. Статья А. Г.

* * *

*) Прежде нежели начнемъ подробный разборъ книги Гоголя, поспѣшимъ сказать о ней наше мнѣніе вообще. Оно будетъ заимствовано изъ словъ самого автора: *она*

*) „С. Петербургскія Вѣдомости" 1847 г., №№ 90 и 91. „Языковъ-Гоголь". Статья кн. П. Вяземскаго.

была нужна. Это—лучшая похвала книгѣ. Такъ нуженъ былъ переломъ. Переломъ этотъ тѣмъ полезнѣе, что противодѣйствіе истекло изъ той же силы, которая невольно, но не менѣе того, всеувлекательнымъ стремленіемъ, дала пагубное направленіе. Объяснимъ свою мысль. На авторѣ лежала обязанность не двусмысленно, не сомнительно, а гласно и, такъ сказать, торжественно разорвать съ частью своего собственнаго прошедшаго; то есть не столько своего собственнаго прошедшаго, сколько того, которое ему придали, съ одной стороны, безусловные и чрезмѣрные поклонники, а съ другой, многочисленные и часто неудачные подражатели. Тѣ и другіе сильно опутали и оговорили отвѣтственность его. Я всегда былъ того мнѣнія, что Гоголь самъ по себѣ и самъ за себя дарованіе необыкновенное, что онъ занимаетъ свѣтлое и высокое мѣсто въ литературѣ нашей; но вмѣстѣ съ тѣмъ, что, какъ родоначальникъ школы, во что хотѣли возвести его, онъ былъ не только не у мѣста, но даже вреденъ. Отдѣльный голосъ его имѣлъ прекрасное и полезное значеніе. Но на бѣду сто голосовъ подтянули ему, и все дѣло испортили. Рано или поздно Гоголь, съ своимъ мѣткимъ и разсудительнымъ умомъ, долженъ былъ это почувствовать и опомниться. Нѣтъ сомнѣнія, что на крутой поворотъ его, который такъ всѣхъ удивилъ и многихъ сбилъ съ толку, подѣйствовали не только озлобленные противники, сколько бѣшеные приверженцы его. Чему могъ научиться онъ отъ хулителей своихъ? ровно ничему. Выдавая себя за бѣлоручекъ и недотрогъ, они только чопорно возмущались и брезгали картинами его, недовольно опрятными для ихъ цѣломудренной взыскательности. Изъ твореній Гоголя испарялись запахи, которые тревожили ихъ изнѣженные нервы.—Эти господа, какъ городничиха въ „Ревизорѣ", хотятъ: *„Чтобы у нихъ въ комнатѣ все было амбре. Тогда, зажмуря глаза и нюхая, они говорятъ: какъ хорошо"*. Забавно было видѣть, какъ они учили Гоголя свѣтской вѣжливости и утонченнымъ пріемамъ своего избраннаго круга. Здѣсь кстати вспомнить то, что Пушкинъ давно

уже сказалъ о нихъ: „Что за нѣжный и разборчивый языкъ должны употреблять господа сіи съ дамами! Гдѣ-бы, какъ бы послушать?“ — То-то и бѣда, что нашему брату негдѣ. Разумѣется, всѣ эти упреки и требованія нашихъ журнальныхъ Маркизовъ и Мирлифлеровъ мало озабочивали смиренную и опростонародившуюся натуру Гоголя. Стало быть, ученіе ихъ пошло не въ прокъ. Но что сдѣлать не могли непріятели, то предоставлено было сдѣлать друзьямъ. Пошлая брань и неосновательныя придирки могли и должны были проскользнуть мимо вниманія его. Но чрезмѣрныя, часто ложныя похвалы, приторные гимны усердныхъ поклонниковъ не могли не навесть унынія на человѣка съ умомъ свѣтлымъ и высокимъ. Тутъ и самолюбіе не могло помочь. Самое ненасытное самолюбіе не устояло бы противъ такого пресыщенія. Въ нѣкоторыхъ журналахъ имя Гоголя сдѣлалось альфою и омегою всякаго литературнаго разсужденія. Въ духовной нищетѣ своей многіе непризнанные писатели кормились этимъ именемъ, какъ единымъ насущнымъ хлѣбомъ своимъ. Я очень понимаю, что, наконецъ, Гоголю должны были опротивѣть и самое имя его и творенія, имъ написанныя. Для умнаго человѣка, сознающаго свое достоинство, нѣтъ ничего тошнѣе и оскорбительнѣе похвалы невпопадъ и неуклюжей. Другой, одаренный веселостью болѣе безпечною и насмѣшливою, дружески и радушно подшутилъ бы надъ своими назойливыми хвалителями. Онъ попросилъ бы ихъ оставить его въ покоѣ и, пожалуй, смѣшить благоразумныхъ людей, если имъ того хочется, но, по крайней мѣрѣ, не его именемъ, не его авторскою личностью. Но смѣшное, то есть безобразное, не всегда возбуждаетъ въ Гоголѣ чистую веселость. Она не всегда выражается у него простосердечнымъ смѣхомъ. Часто въ насмѣшливости его отзывается горечь и глубокая скорбь. Посмотрите на многія карикатуры его: смѣшно и больно. Отъ смѣха тяжело на сердцѣ. Онъ въ нѣкоторомъ отношеніи Гольбейнъ, и, напримѣръ, *Мертвыя души* его сбиваются на *Пляску Мертвецовъ*. Это почти трагическія карикатуры. Таковое замѣ-

чательное и странное свойство его отозвалось и въ этомъ случаѣ. Идолопоклонство, котораго онъ сдѣлался цѣлью, показалось ему такъ смѣшно, что ему стало до нестерпимости грустно. Смѣшное смѣшнымъ само по себѣ, но въ этихъ похвалахъ было и такое, которое неминуемо должно было растревожить и напугать его здравый умъ и добросовѣстность. Его хотѣли поставить главою какой-то новой литературной школы, олицетворить въ немъ какое-то черное литературное знамя. Такимъ образомъ, съ больныхъ головъ на здоровую складывали всѣ несообразности, всѣ нелѣпости, провозглашаемыя нѣкоторыми журналами. На его душу и отвѣтственность обращали всѣ грѣхи, коими ознаменовались послѣдніе года нашего литературнаго паденія. Какъ тутъ было не одуматься, не оглядѣться? Какъ писателю честному не осыпать головы своей пепломъ и не отказаться съ досадою отъ торжества, устроеннаго непризванными и непризнанными руками? Всѣ эти ликторы и глашатаи, которые шли около него и за нимъ со своими хвалебными восклицаніями и праздничными факелами, именно и озаряли въ глазахъ его опасность и ложность избраннаго имъ пути. Съ благородною рѣшимостью и откровенностью онъ тутъ же круто своротилъ съ торжественнаго пути своего и спиною обратился къ своимъ поклонникамъ. Теперь, оторопѣвъ, они не знаютъ, за что и приняться. Конечно, положеніе ихъ непріятно и забавно. Но что же дѣлать? Сами накликали и накричали они бѣду на себя. Но, впрочемъ, въ утѣшеніе свое, если вырвался изъ рукъ ихъ живой, могутъ они удержать за собой мертвыхъ.

Пушкинъ, Лермонтовъ, Грибоѣдовъ и этотъ бѣдный и неповинный Кольцовъ, который, Богъ знаетъ, какъ сюда попалъ, не могутъ уже вступиться за себя. Надъ ними безнаказанно могутъ они продолжать опыты своей гальванической критики. Такъ безжалостно и погоняютъ они ихъ на своемъ журнальномъ заколдованномъ колесѣ, которое безконечно у нихъ вертится, не подвигаясь ни на шагъ впередъ.

Впрочемъ, что Гоголь попалъ въ руки литературнымъ шарлатанамъ, это немудрено: имъ нужны блестящіе ярлыки, чтобы сбывать свои ничтожныя снадобья. Но странно, что умные и добросовѣстные судіи, едва-ли не за одно съ ними, сбились со стези умѣренности и благоразумія въ оцѣнкѣ трудовъ Гоголя. Это самое доказываетъ, что тутъ было какое-то недоразумѣніе. Каждый видѣлъ въ немъ то, что хотѣлось видѣть, а не то, что дѣйствительно есть. Иначе, какъ объяснить, что умъ и пошлость, разсудительность и пустословіе, понятія, совершенно разнородныя, мнѣнія противоположныя — сошлись за одно въ сужденіи и достоинствѣ, полезности и многозначительности одного и того же явленія. Что люди, провозглашающіе наобумъ какое-то ученіе западныхъ началъ, искали въ Гоголѣ союзника и оправдателя себѣ, это еще понятно. Онъ былъ для нихъ живописецъ и обличитель народныхъ недуговъ и недостатковъ общественныхъ. Эти обличія нѣсколько напоминали имъ болѣзненное, лихорадочное волненіе французскихъ романистовъ. Это было какое-то противодѣйствіе прежнимъ кореннымъ литературнымъ началамъ. Они не понимали Гоголя, по крайней мѣрѣ, такъ могли въ свою пользу переголковать созданія его вымысловъ. Но что тѣ, которые отказываются и предохраняютъ насъ отъ вліянія чужеземнаго, что тѣ, которые хотятъ, чтобы мы шли къ усовершенствованію своимъ путемъ, росли и крѣпли въ собственныхъ началахъ, чтобы тѣ самые радовались картинамъ Гоголя, это было для меня непостижимо. Въ картинахъ его, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ однородныхъ картинахъ, которыя начинаются „Ревизоромъ“ и кончаются „Мертвыми Душами“, все мрачно и грустно. Онъ преслѣдуетъ, онъ за живое задираетъ не одни наружныя и прививныя болячки, нѣтъ, онъ проникаетъ въ глубь, онъ выворачиваетъ всю природу, всю душу, и не находитъ ни одного здороваго мѣста. Жестокій врачь, онъ растравляетъ раны, но не придаетъ больному ни бодрости ни упованія. Нѣтъ, онъ приводитъ къ безнадежной скорби, къ страшному сознанію. Повторяемъ

сказанное нами: этотъ взглядъ автора, какъ отдѣльный какъ принадлежность личности его, могъ имѣть достоинство свое и нѣкоторую вѣрность, хотя условную и одностороннюю. Но обратить этотъ частный взглядъ въ общее возрѣніе, но извлечь изъ него общее убѣжденіе и на этомъ убѣжденіи основать начала новаго направленія новой литературной школы, все это приводитъ къ хаосу противорѣчій, заблужденій, ложныхъ выводовъ, изъ коихъ выпутаться невозможно.

Теперь обратимся къ новой книгѣ Гоголя. Мы уже сказали, что, согласно съ мнѣніемъ автора, признаемъ ее полезною и нужною. Она именно кстати потому, что такъ противорѣчитъ современнымъ произведеніямъ, не могу рѣшиться сказать литературы, а развѣ книгопрядильной промышленности нашей. Она есть выраженіе нынѣшняго образа мыслей автора, родъ суда его надъ самимъ собой и, слѣдовательно, суда надъ многими, потому что онъ отразился въ многихъ. Какъ ни оцѣнивай эту книгу, съ какой точки зрѣнія ни смотри на нее, а все придешь къ тому заключенію, что книга въ высшей степени замѣчательная. Она событіе литературное и психологическое. А у насъ эти событія рѣдки. Мы истратились на мелочи, мы растерялись въ дневныхъ пустякахъ. Дѣйствіе, произведенное этой книгой, доказываетъ, что она не проскользнула по общему вниманію, а запечатлѣлась на немъ, изборздила его, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько недѣль. И это ужъ много, судя по легкомыслію, а частію и равнодушію нашего общества. Что всѣ журналы о ней отозвались, кто какъ могъ, кто какъ умѣлъ, это еще ничего. Но о ней много было словесныхъ толковъ, преній, разговоровъ. Это гораздо важнѣе. Давно замѣчено, что языки у насъ гораздо умнѣе и дѣльнѣе перьевъ. У насъ, и слава Богу, общественный умъ самъ по себѣ, а журналы сами по себѣ. Приводя слышанные словесные толки къ общему итогу, или, по крайней мѣрѣ, къ выраженію большинства, спрашивается для вѣрнѣйшаго достиженія цѣли своей, для надежнѣйшей пользы, въ такомъ-ли видѣ долженъ

являться передъ обществомъ обратившійся или преобразовавшійся писатель? Этотъ вопросъ разрѣшается, кажется, не совершенно благопріятно для него, не столько по существенному достоинству книги, сколько по ея внѣшнимъ формамъ. Переломъ былъ нуженъ, но, можетъ-быть, не такой внезапный и крупный. Самая истина, если хочетъ доходить до насъ, должна подчинять себя нѣкоторымъ условіямъ, соразмѣрять дѣйствіе свое съ ограниченностью нашей воспріимчивости, щадить наше упрямство, наши слабости и дурныя привычки. Въ созданіяхъ художественныхъ (а всякая книга, какого бы содержанія она ни была, принадлежитъ къ нимъ) есть свой узаконенный обманъ. Въ картинахъ есть тайны оптики, перспективы: соблюденіе этихъ тайнъ приводитъ въ стройность предметы и оттѣнки ихъ, уравновѣшиваетъ впечатлѣнія. Для книгъ есть также свои тайны. Въ твореніяхъ Гоголя, какъ, впрочемъ, ни сильно и ни глубоко въ немъ художественное начало, вообще замѣтенъ недостатокъ въ хозяйственной распорядительности, въ размѣщеніи, въ домостроительствѣ книжнаго зданія. Не лукавствуя передъ собой, прямо и смѣло вглядываясь въ душу свою и въ душу ближняго, онъ невольно лукавствуетъ передъ зрителемъ, т. е. передъ читателемъ. Всегда преобладаемый одной мыслью, однимъ чувствомъ или убѣжденіемъ, онъ кидаетъ ихъ на бумагу цѣликомъ, такъ сказать, въ необработанномъ, сыромъ видѣ, обѣщая себѣ и читателю своему привести ихъ послѣ въ надлежащую отдѣлку и стройность. Такъ, въ „Мертвыхъ Душахъ" казалось ему очень натурально сложить въ одну часть всю домашнюю нечистоту человѣка, весь хламъ и черноту общества, предоставляя себѣ въ послѣдующихъ частяхъ ввести читателя въ свѣтлые и праздничные покои. Подобное распредѣленіе грѣшитъ и противъ художественности и противъ нравственной истины. Въ отношеніи къ первой картина отъ того слишкомъ одноцвѣтна: все выдается изъ нея слишкомъ рѣзко, обрублено и грубо. Въ другомъ отношеніи наблюденіе и благоразуміе научаютъ насъ, что въ нравственномъ мірѣ, не только многосложное

общество, но и отдѣльный человѣкъ образуется изъ составныхъ частей. Нашъ свѣтъ не рай, но и не адъ. Не все въ немъ благообразіе и чистота. Но не все же безобразность и порча. Въ каждомъ человѣкѣ, порочномъ и зломъ, можно доискаться чувства совѣстливости, можно пробудить или преданіе или надежду лучшихъ дней. Въ обществѣ, хотя и болѣзненномъ, и подавно. Во всякомъ случаѣ, добро и зло, свѣтъ и тьма переливаются переходными отблесками и сумерками. Въ настоящей книгѣ авторъ также мало заботился о томъ, какъ примутъ ее читатели. Передъ нами былъ остроумный, забавный, хотя иногда и безжалостный разсказчикъ. Мы заслушивались его съ веселостью и вниманіемъ. Вдругъ, ни съ того ни съ сего, такъ сказать, не перерывая рѣчи, заговорилъ онъ совсѣмъ другое. Вышло по пословицѣ: началъ за здравіе, а вывелъ на упокой. Многимъ не вѣрится, что передъ ними тотъ же человѣкъ, что слышатъ они тотъ же знакомый любимый голосъ. Другіе гнѣваются, думая, что авторъ морочитъ ихъ, ломаютъ голову себѣ, чтобы взять въ толкъ, зачѣмъ онъ такъ заговорилъ, хотя все, что онъ говоритъ, само по себѣ, толковито, благоразумно и дѣльно. Но они не того ожидали. Оттого со стороны публики обчеты и недочеты, недоразумѣнія, нѣкотораго рода оборонительное противодѣйствіе. Положимъ, что авторъ мало-по-малу измѣнилъ бы свое направленіе, что онъ до оглашенія полной исповѣди своей, постепенно высказался бы въ предварительныхъ твореніяхъ, слегка проникнутыхъ чувствомъ религіознымъ, болѣе благоволительнымъ и миролюбивымъ, нежели въ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ, и нынѣшняя книга не подняла бы такой тревоги, не озадачила бы, не ошеломила бы многихъ. Не подготовленные, не задобренные заранѣе маленькимъ прологомъ, многіе читатели, изъ опасенія обмолвиться, рѣшились лучше осуждать, нежели хвалить: ибо, по мнѣнію многихъ, извинительнѣе прорваться излишнею и несправедливою строгостью, нежели неосновательнымъ добрымъ отзывомъ. Впрочемъ, и то надобно сказать въ оправданіе автору: его книга написана

не въ одинъ присѣстъ. Не то, чтобы онъ легъ спать авторомъ „Ревизора" и „Мертвыхъ Душъ", а проснулся авторомъ книги: „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями". Самое заглавіе изъясняетъ исторію книги, а письма, съ означеніемъ годовъ, когда они были писаны, исторію внутренняго и постепеннаго перелома въ понятіяхъ человѣка. Уже за нѣсколько лѣтъ передъ симъ началось въ немъ духовное преображеніе. Объ этомъ знали только нѣкоторые пріятели, повѣренные его сердечныхъ исповѣдей. Для нихъ появленіе книги Гоголя совершеніе ожиданнаго событія. Но публика не была сообщницею въ этой тайнѣ, и вотъ что многихъ сердитъ, потому что мы не любимъ, когда насъ застаютъ врасплохъ. Вообще, журнальная критика по поводу новой книги Гоголя явила странныя требованія. Казалось ей, будто она и мы всѣ имѣемъ какое-то крѣпостное право надъ нимъ, какъ будто онъ приписанъ къ такому-то участку земли, съ которой онъ не воленъ былъ сойти. На эту книгу смотрѣли, какъ на возмущеніе, на изъявленіе предательства и неблагодарности. Нѣкоторые поступили въ этомъ случаѣ, какъ поступилъ бы иной помѣщикъ, хозяинъ доморощеннаго театра, если главный актеръ, разыгрывающій у него первыя комическія роли, вдругъ по уязвленію совѣсти и неодолимому призванію, отказался-бы отъ скоморошества, изъявивъ желаніе посвятить себя пощенію и отшельнической жизни. Разгнѣванный Транжиринъ и слушать не хочетъ о спасеніи души его: онъ грозитъ ему: подъ опасеніемъ наказанія требуетъ отъ него, чтобы онъ пустяковъ въ голову не забиралъ, не въ свои дѣла не вмѣшивался, а продолжалъ потѣшать барина, разыгрывая роли Хлестакова, Чичикова и тому подобныя. Можно было надѣяться, что важность и духовное направленіе книги нѣсколько образумятъ критику нашу. Надежда не сбылась. Все, написанное о ней было болѣе или менѣе неосновательно и поверхностно, болѣе или менѣе неприлично. Кто, по заведенному обычаю, вытаскивалъ изъ нея на удочку критики слова и отдѣльныя фразы, рядилъ и судилъ о нихъ съ важностью школьнаго учи-

теля, который самъ знаетъ грамоту свою съ грѣхомъ пополамъ: кто, *изъ уставщиковъ кавыкъ и строчныхъ препинаній*, углублялся въ перетасовку запятыхъ, щеголяя своими собственными познаніями по этой части. Это все бы еще ничего. Мы привыкли къ объему и дѣлопроизводству нашей журнальной критики. Нельзя же требовать отповѣди мысли на мысль отъ людей, для которыхъ литература мертвая буква, а не живое слово. Но худо и оскорбительно поступили тѣ, которые оказывали сомнѣніе въ искренности убѣжденій автора. Можно не сочувствовать имъ, но и тогда должно ихъ уважать. Ни въ какомъ случаѣ не подлежатъ они критикѣ холодной, суетной, человѣчески гордой и потому человѣчески шаткой и ограниченной. Да и какъ вамъ понять другъ друга при совершенной противоположности мнѣній, задушевныхъ вѣрованій и основныхъ началъ? Одинъ смотритъ на жизнь съ житейской стороны, снизу вверхъ; другой со стороны духовной—сверху внизъ. Одинъ признаетъ власть разума, и все подчиняетъ ей. Другой поклоняется уничтоженію разума передъ иною неразъяснимою, но сладостно и плодотворно тяготѣющею надъ нимъ силою. И точка исхода, и цѣль направленія, и путь, и напутныя средства—все различно. Гдѣ же сойдутся противники, и гдѣ бы могли они сойтись? Странно присвоить себѣ право дѣлать надъ живымъ тѣломъ анатомическіе опыты, разсѣкать живое сердце, какъ безчувственное. Передъ вами не вымышленное лицо, которому авторъ, по произволу своему, придаетъ убѣжденія, чувства, страданія. Нѣтъ, здѣсь человѣкъ, плоть и кровь, страдалецъ, братъ вашъ. Онъ изливаетъ передъ вами сокровеннѣйшія тайны свои: съ духомъ сокрушеннымъ, испытаннымъ, онъ повѣряетъ вамъ все, что выстрадалъ, въ надеждѣ, что исповѣдь его можетъ принести нѣкоторую пользу ближнему. А вы строго и произвольно судите, разбираете, такъ ли онъ плачетъ, какъ слѣдуетъ, не притворяется ли онъ, не малодушничаетъ ли? Вы подмѣчаете, вы ловите каждый стонъ его. Вы съ жестокою радостью нападаете на него, когда вамъ кажется, что онъ

промолвился, что онъ противорѣчитъ себѣ, какъ будто скорбь можетъ всегда разсчитывать слова свои. Разумѣется, что все это я говорю не о той критикѣ и не о тѣхъ критикахъ, о которыхъ говорить нечего. Съ упреками своими я обращаюсь къ той части судей изустныхъ, или письменныхъ, которыхъ голосъ долженъ быть принятъ въ соображеніе и во вниманіе. Между ними нѣкоторые погрѣшили недостаткомъ доброжелательства, терпимости, братской любви, даже свѣтскаго общежительства, на которыя имѣетъ полное право писатель, каковъ Гоголь; погрѣшили и недостаткомъ законной, необходимой справедливости, на которую имѣетъ право каждый изъ насъ. Русскій человѣкъ даже и обидѣвшему его говоритъ: Богъ проститъ! а Гоголь только тѣмъ передъ вами и виноватъ, что вы не мыслите такъ, какъ онъ. Мы чувствуемъ и толкуемъ о независимости, о свободѣ понятій, а въ насъ нѣтъ даже и терпимости. Кто только мало-мальски не совершенный нашъ единомышленникъ, мы того считаемъ паріемъ, какимъ-то чудовищнымъ исключеніемъ. Мы готовы закидать его каменьями. Конечно, все это у насъ еще ребячество. Дѣти обезьянствуютъ, корча взрослыхъ людей, но худо, когда они заимствуютъ и погрѣшности ихъ. Есть пороки наслѣдственные, неминуемыя злоупотребленія, сроднившіяся съ установленнымъ порядкомъ вещей и событій. Но есть пороки преждевременные, привитые. Они хуже всѣхъ другихъ, и болѣе всего безобразятъ. Это раннія морщины на лицѣ юноши. На молодой нашей литературѣ много наведено такихъ насильственныхъ морщинъ.

Выше было уже замѣчено, что книга Гоголя не сочиненіе, а сборникъ писемъ и отдѣльныхъ отрывковъ. Онъ собралъ и напечаталъ ихъ затѣмъ, что *хотѣлъ искупить безполезность всего, доселѣ имъ написаннаго, потому что въ письмахъ его, по признанію тѣхъ, къ которымъ они были написаны, находится болѣе нужнаго для человѣка, нежели въ его сочиненіяхъ*. Это собственныя слова его. Далѣе говоритъ онъ: „Я писатель, а долгъ писателя не одно до-

ставленіе пріятнаго занятія уму и вкусу; строго взыщется съ него, если отъ сочиненій его не распространится какая-нибудь польза душѣ и не останется отъ него ничего въ поученіе людямъ“. Еще далѣе прибавляетъ онъ: „Въ этихъ письмахъ было кое-что, послужившее въ пользу тѣхъ, къ которымъ они относились. Богъ милостивъ, можетъ-быть, послужатъ они въ пользу и другимъ, и снимется черезъ то съ души моей часть суровой отвѣтственности за безполезность прежде писаннаго“. Цѣль, которая была у автора въ виду при напечатаніи книги своей, ясно и убѣдительно обнаруживается. Цѣль благонамѣренная, прекрасная, братская. Нельзя благороднѣе и лучше понять важность и святость своего авторскаго званія. Уму безпристрастному, не отуманенному предубѣжденіями, нельзя не согласиться съ этимъ. Исполненіе соотвѣтствуетъ ли благому намѣренію? И здѣсь безпристрастный судъ совершенно оправдаетъ автора.

Можно быть болѣе или менѣе довольнымъ пріемами, изложеніемъ, которыхъ держался авторъ въ выраженіи мыслей, сужденій, вѣрованій. Но нѣтъ сомнѣнія, что чтеніе книги его ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть безплоднымъ. Многое въ ней, если не все, обращаетъ вниманіе человѣка на самого себя, заставляетъ его заглянуть въ душу, осмотрѣться, допросить, ощупать себя. Не только въ тѣхъ, которые ей сочувствуютъ, но и въ другихъ должна она неминуемо пробудить вниманіе къ вопросамъ, остающимся въ сторонѣ и въ совершенномъ забвеніи при движеніи текущей и безполезно уплывающей литературы нашей. А между тѣмъ, въ этихъ вопросахъ таится загадка нашей жизни и возможное объясненіе оной. Авторъ соглашаясь съ мнѣніемъ Пушкина, сознается, что преимущественное авторское свойство его есть умѣніе подмѣчать и выражать *пошлость пошлыхъ людей*. Можно прибавить, что силою художества онъ облекъ эту пошлость въ яркія краски и возвелъ ее до совершенства въ своемъ родѣ. Стало быть, онъ правъ: онъ честно и похвально заплатилъ дань свою искусству. Но худо то, что съ его легкой

руки, эта *пошлость*, разлилась по всей литературѣ нашей, и сдѣлалась ся общимъ и окончательнымъ выраженіемъ. Честь и признательность автору, который, хотя и противъ воли, далъ ложное и прискорбное направленіе, но зато нынѣ первый подаетъ предостерегательный голосъ и вызываетъ собратій своихъ въ область болѣе обширную и возвышенную. Миръ и забвеніе бѣднымъ канцелярскимъ служителямъ! Пора оставить ихъ въ покоѣ. Они до послѣдней нитки переплатились съ литературою нашей, которая взяла ихъ на откупъ. Гоголь до послѣдняго колоса перекосилъ низменныя жатвы нашего общества. Мудрено, какъ другіе догадались, что послѣ него не осталось ни одного живого зерна, и голодные бросились на поле, опустошенное сильнымъ и ловкимъ жнецомъ; нынѣ авторъ призываетъ на свой судъ не мелкаго чиновника, а себя и человѣка. Онъ расширяетъ и облагораживаетъ кругъ своего дѣйствія. Онъ изъ уѣзда переходитъ въ открытый Божій міръ. Посмотримъ, будетъ ли нынѣшній примѣръ такъ увлекателенъ и дѣйствителенъ, какъ прежній. Если полагать, что настоящая книга его не заслуживаетъ пристальнаго вниманія общества, то должно бы заключить съ прискорбіемъ, что *пошлость*, о которой говорено выше, заразила не только поверхность нашей литературы, но прокралась и въ глубину нашихъ духовныхъ потребностей, что она отучила насъ отъ всего, что составляетъ нравственное достоинство человѣка.

Письма эти первоначально предназначены были къ напечатанію по смерти автора. Разумѣется, многое въ нихъ получило бы тогда особенное значеніе и силу. Загробный голосъ имѣетъ какую-то непреклонность и святость, которыхъ лишено слово суетное, еще живущее, и потому подверженное измѣненію. Иному въ этой книгѣ, какъ, напримѣръ, *завѣщанію*, не слѣдовало бы войти въ составъ ея. Что разрѣшается мертвому, то можетъ быть превратно перетолковано въ живомъ. А ближняго вводить въ искушеніе и въ кривые толки не должно. Проповѣдуя даже истину, нужно соразмѣрять ее силамъ и понятіямъ слуша-

телей. Люди легковѣрны тамъ, гдѣ высказывается зло. Они недовѣрчивы и остерегаются, когда проявляется передъ вами добро, нѣсколько необычное и не всѣмъ доступное. Смиреніе можетъ показаться скрытою гордостью. На это у людей есть извѣстное изреченіе: *уничиженіе паче гордости*. А люди очень охотно осуждаютъ ближняго готовыми приговорами. Это облегчаетъ совѣсть ихъ: они не обвиняютъ, а только примѣняютъ обвиненіе. Можетъ-быть, оно и придется кстати.

Впрочемъ, въ частностяхъ мало ли что можно подвергнуть замѣчанію и въ чемъ можно поспорить съ авторомъ книги. И въ этой не все можетъ быть принято безпрекословно Случается автору передать намъ желанія свои, упованія за выводы и заключенія непреложныя Въ общности въ отношеніи умозрительномъ, онъ почти всегда правъ. Въ частныхъ примѣненіяхъ къ дѣйствительности, онъ иногда ошибается. Вездѣ виденъ человѣкъ, который духовными изслѣдованіями надъ собою и жизнью доискался многаго и дошелъ далеко. Но практическій человѣкъ отсталъ. Взглядъ его не всегда свѣтелъ и вѣренъ. Когда дѣло идетъ о житейскомъ, онъ не всегда прямо глядитъ ему въ лицо, а съ угла умозрительной точки, какъ, напримѣръ, въ письмахъ: „Русскій Помѣщикъ“, „Сельскій судъ и расправа“, а частью и въ другихъ письмахъ. Не все то сбыточно, что желательно. Не достаточно написать прекрасныя идилліи и мечтательные проекты о неразрывномъ мирѣ, чтобы возвратить золотой вѣкъ на землѣ. Въ письмѣ объ „Одиссеѣ“ есть тоже слишкомъ много поэзіи, но есть не въ художественной оцѣнкѣ подлинника и перевода; тутъ поэзія у себя дома. Все въ этомъ отношеніи сказанное авторомъ и поэтически-прекрасно и критически-вѣрно. Но зато, когда онъ опредѣляетъ дѣйствіе, которое появленіе этого творенія произведетъ на Россію, нельзя не признать, что авторъ слишкомъ далеко заносится въ область благонамѣренныхъ мечтаній: тутъ воображеніе критика строитъ воздушные замки и срываетъ золотыя яблоки съ небывалыхъ деревь. Странно, какъ

люди и сильные, болѣе прочихъ противодѣйствующіе вліянію и господству заразительныхъ понятій и укоренившихся привычекъ, часто сами подчиняются имъ, и невольно падаютъ въ общія злоупотребленія. Нѣтъ сомнѣнія, что главный недугъ нашего времени есть неумѣренность и преувеличеніе. Всѣ натягиваютъ все до нельзя. Всѣ силятся набить цѣну на истину, какъ будто настоящая, внутренняя цѣна ея не достаточна. Въ наше время не довольствуются тѣмъ, что дважды два—четыре: всѣ ищутъ какой-нибудь придачи. Въ политикѣ, въ литературѣ, въ нравственныхъ и общественныхъ вопросахъ, въ художествахъ, въ промышленности—всѣ силы, всѣ стремленія настроены, напряжены къ тому, чтобы удивить выведеннымъ итогомъ такъ, чтобы дважды два было по крайней мѣрѣ пять. Иначе не стоитъ и за дѣло приниматься. Это входитъ въ понятія о *прогрессѣ*. Время идетъ впередъ, а съ нимъ должно погонять и самую истину. Самъ Гоголь очень забавно и вѣрно осмѣиваетъ эту общую кичливость, которая вездѣ *открываетъ Америку, и каждое найденное зернышко раздуваетъ въ рѣпу*. А между тѣмъ иногда и онъ сбивается на то же, и видитъ новый міръ тамъ, гдѣ просто явленіе отрадное, но отдѣльное. Но въ немъ это не кичливость, а развѣ излишняя восп[р]іимчивость воображенія, которое преувеличиваетъ видимые предметы и пересоздаетъ ихъ по своему. Разсказывали о Дидеротѣ, что онъ въ книгахъ не всегда читалъ то, что было въ нихъ напечатано, а какимъ-то междустрочнымъ чтеніемъ то, что умъ его прибавлялъ отъ себя. Взглядъ Гоголя на вещи часто имѣетъ одинаковое съ этимъ свойство. Впрочемъ, тутъ дѣйствуетъ еще и другое прекрасное начало: любовь къ ближнему и къ добру. Воплощенное и, такъ сказать, согрѣтое на огнѣ этой любви всякое благое желаніе въ глазахъ его уже осуществляется въ событіе. Когда авторъ преслѣдовалъ порокъ, онъ уже ничего въ человѣческой природѣ, кромѣ порока, не видѣлъ. Такъ сильно было его негодованіе. Когда онъ мысль свою устремляетъ на благую цѣль, онъ не видитъ препятствій, и силой любви хо-

тѣлъ бы творить чудеса, въ которыя онъ вѣруетъ. Найдутся, вѣроятно, и другіе недостатки въ книгѣ его, но они выкупаются общимъ достоинствомъ ея. По прочтеніи ея, нельзя не полюбить автора, не исполниться къ нему уваженіемъ. Нельзя человѣку, не исключительно преданному суетнымъ и житейскимъ потребностямъ, не позавидовать духовному состоянію его. Чувствуешь, что это состояніе завоевано цѣною многихъ бореній, высокихъ страданій, цѣною многихъ безсонницъ тѣлесныхъ и духовныхъ, въ которыя проявились ему истины, имъ передаваемыя живою и проникающею рѣчью. Все это заставляетъ каждаго призадуматься о себѣ самомъ. Все это зрѣлище трогательное и поучительное. Книга Гоголя напоминаетъ книгу *Сильвіо Пеллико*: „Объ обязанностяхъ человѣка“. Знаменитый узникъ тоже выстрадалъ ее и вынесъ изъ стѣнъ своего заточенія, какъ лучшій и созрѣвшій плодъ многолѣтнихъ испытаній. Въ ней также нѣтъ, повидимому, ничего новаго, изумляющаго, она не раскрываетъ новой системы, новаго ученія. Вѣроятно, не одинъ журналистъ, не одинъ такъ называемый глубокій мыслитель съ высоты ходулей своихъ отозвался съ презрѣніемъ о пошлости и ребячествѣ преподаваемыхъ въ ней нравоученій, давнымъ давно всѣмъ извѣстныхъ. Дѣло въ томъ, что истинъ не изобрѣтаютъ, а только умѣніемъ и трудомъ добываютъ, какъ золото. Одни малоумные и софисты воображаютъ себѣ и хотятъ увѣрить другихъ, что они сочиняютъ истины. Посмотрите, съ какимъ глубокимъ уваженіемъ Пушкинъ упоминаетъ о книгѣ Сильвіо Пеллико, какъ вѣрно и умилительно характеризуетъ онъ ее въ нѣсколькихъ строкахъ. Между тѣмъ, взглядъ Пушкина на жизнь—не взглядъ Сильвіо Пеллико. Повидимому, въ нихъ мало духовныхъ соотношеній и сродства. Но Пушкинъ, какъ всякій избранный, питалъ сочувствіе ко всему прекрасному, возвышенному. Онъ въ данное время постигалъ его даже и тутъ, гдѣ не былъ единомышленникомъ.

Сравнивая русскую книгу съ итальянскою, мы преимущественно имѣли въ виду духъ, напитавшій обѣ книги, и

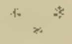
путь, на который онѣ указываютъ. Въ книгѣ италіанскаго писателя отсвѣчивается болѣе мягкости и нѣжности сердечной: Гоголь и въ смиреніи и въ братолюбіи своемъ сохраняетъ еще нѣкоторую жесткость прежнихъ своихъ пріемовъ. Но при всей односторонности направленія книги Гоголя, она имѣетъ болѣе разнообразія и движенія, нежели та. Она касается болѣе или менѣе всѣхъ современныхъ и животрепещущихъ вопросовъ, и на каждомъ вопросѣ авторъ зарубаетъ отмѣтку свою рѣзкимъ и яркимъ словомъ. Многія страницы въ сей книгѣ исполнены одушевленія и краснорѣчія, какъ, напримѣръ, въ письмѣ: „Женщина въ свѣтѣ“, въ которомъ такъ много свѣжести, прелести и глубокаго вѣрованія въ назначеніе женщины въ обществѣ. Нужно имѣть большую независимость во мнѣніяхъ и нетронутую чистоту въ понятіяхъ и въ чувствѣ, чтобы облечь женщину въ подобныя краски, когда на литературномъ поприщѣ женщины сами клеплятъ на себя, чтобы поддѣлаться къ мужчинамъ. Письма *О нашей церкви и духовенствѣ*, *О лиризмѣ нашихъ поэтовъ*, *Христіанинъ идетъ впередъ*, *Свѣтлое Воскресеніе*, нѣкоторые изъ литературныхъ портретовъ его и оцѣнокъ, и многія другія мѣста, здѣсь и тамъ разбросанныя въ книгѣ, — могутъ стать на ряду съ лучшими образцами нашей прозы. Вообще, языкъ и слогъ автора имѣютъ здѣсь болѣе стройности и зрѣлости, нежели въ прежнихъ его произведеніяхъ. Иногда, но гораздо рѣже, вырываются звуки слишкомъ рѣзкіе; выраженія, какъ будто ошибкою попавшія сюда изъ старыхъ его рукописей. Тамъ онѣ были болѣе или менѣе у мѣста, но здѣсь бросаются въ глаза *соринки*, про которыя авторъ упоминаетъ въ письмѣ объ *Одиссеѣ*. Вообще все, на чемъ можетъ въ этой книгѣ остановиться строгій взоръ безпристрастной и добросовѣстной критики, не что иное, какъ *соринки*, которыя легко снести однимъ движеніемъ пера. Но цѣлое есть чистая, свѣтлая храмина. Строгое и стройное убранство ея успокаиваетъ зрѣніе и душу. Въ ней протрезвляются чувства и утихаютъ волненія, поднятыя тревожными и раздражительными впеча-

тлѣніями, которыя отовсюду осаждаютъ насъ. Она призываетъ къ тихому размышленію, втѣсняетъ насъ, сосредоточиваетъ въ самихъ себя... Изъ нея выходишь съ духомъ умиленнымъ, съ сознательностью и чувствомъ любви и благодарности къ ея строителю и хозяину.

Послѣ всего сказаннаго здѣсь, если спросятъ меня: хочу ли я, чтобы Гоголь оставилъ навсегда прежніе пути свои, и шелъ исключительно по новому, который онъ проложилъ послѣднею книгою своею? Скажу, не запинаясь: нѣтъ. Я увѣренъ, что между прежнимъ Гоголемъ и нынѣшнимъ можетъ послѣдовать и послѣдуетъ прекрасная сдѣлка, полезная мировая. Онъ умѣрилъ и умирилъ въ себѣ человѣка; теперь пусть умѣритъ и умиритъ въ себѣ автора. Пускай передастъ онъ намъ все нажитое имъ въ эти послѣдніе года въ сочиненіяхъ повѣствовательныхъ или драматическихъ, но чуждыхъ этой исключительности, этого ожесточенія, съ которымъ онъ до сихъ поръ преслѣдовалъ пороки и смѣшныя слабости людей, не оставляя нигдѣ добраго слова на миръ, нигдѣ не видя ничего отраднаго и утѣшительнаго. Гоголь во многихъ мѣстахъ книги своей кается въ *безполезности* всего написаннаго имъ: это невѣрно. Написанное имъ не *безполезно*, а, напротивъ, принесло свою пользу; но оно частью *вредно*, потому что многими было худо понято, и употреблено во зло. Онъ первый, особенно „Мертвыми Душами“, далъ осѣдлость у насъ литературѣ укорительной, желчной и между тѣмъ *мелко придирчивой*. Всѣ за нимъ, надбавляя надъ подлинникомъ, бросились унижать, безобразить человѣка и общество, злословить ихъ, доносить на нихъ. Всѣ лица, выводимыя на сцену послѣдователями его, подлежали на повѣрку или уголовному суду, или, по крайней мѣрѣ, расправѣ съѣзжаго дома. Особенно на эти послѣднія лица былъ большой расходъ, потому что они были болѣе по силамъ многимъ. Что французскіе повѣствователи ищутъ вдохновенія болѣе въ *судебной газетѣ*, нежели въ общей исторіи человѣчества и въ сердцѣ человѣка, это, хоть и прискорбно, но однакоже понятно. Французское общество

потрясено было ужасными переворотами, оно прошло сквозь огонь и кровь. Въ литературѣ его неминуемо должны отзываться волненіе и броженіе, заброшенныя въ нее событіями и дѣйствительностью. Но на насъ, благодаря Бога, Провидѣніе не наслало свои жестокіе уроки. Отчего же нашей литературѣ быть лихорадочной и судорожной? Впрочемъ, она даже и не дѣйствительно судорожна. Можно сказать, что ее не корчатъ внутреннія, истинно болѣзненныя судороги, а она корчитъ судороги. Здоровая, она прикидывается больною. По природѣ своей, по своимъ способностямъ миролюбивая и даже довольно простодушная, она сама щиплетъ и царапаетъ себя, чтобы имѣть случай искосить глаза и ротъ, взъерошить волосы на дыбы, казаться сердитою и страшною. Все это смѣшно, но все это можетъ быть и жалко въ послѣдствіяхъ своихъ. *Обращаться со словомъ нужно честно*, сказалъ Гоголь. Можно прибавить: и *съ любовію*, а любовь, по словамъ одного изъ святыхъ наставниковъ: *долготерпитъ, милосердствуетъ, не завидуетъ, не превозносится, не гордится, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется о неправдѣ*, радуется же о *истинѣ, все покрываетъ, всему вѣритъ, все уповаетъ, все терпитъ*. Не только въ проповѣдяхъ и нравственныхъ размышленіяхъ, но и въ вымыслахъ воображенія, въ романѣ, драмѣ, сатирѣ, слово можетъ быть проникнуто, пропитано *честностью* и *любовью*. Этого слова въ какихъ бы объемахъ ни было — вольному воля! — ожидаемъ отъ Гоголя, и болѣе, нежели когда-нибудь, мы въ правѣ ожидать отъ него.

П. Вяземскій.

1) Удивительно и непостижимо, какъ человѣкъ съ такимъ умомъ, какъ авторъ статьи, могъ рѣшиться написать нѣсколько такихъ странныхъ преувеличеній (exagérations)

1) „Сѣверная Пчела“ 1847 г., № 96. Фельетонъ. „Журнальная всякая всячина“. Статья Ѳ. Булгарина.

о Гоголѣ". Что это было усиліемъ со стороны автора статьи, доказывается противорѣчіями. Сперва онъ сравниваетъ Гоголя съ однимъ изъ величайшихъ художниковъ, *съ Гольбейномъ*, и тутъ же утверждаетъ, что Гоголь самъ по себѣ дарованіе *необыкновенное*, что онъ занимаетъ *высокое* и *свѣтлое* мѣсто въ литературѣ нашей, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ родоначальникъ школы, во что они (хвалители Гоголя) хотѣли возвести его, онъ былъ не только не у мѣста, но даже вреденъ. Далѣе: что въ картинахъ его (т.-е. Гоголя), по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ однородныхъ картинахъ, которыя начинаются *Ревизоромъ* и кончаются *Мертвыми Душами*, все *мрачно* и *грустно*. Далѣе: „Всегда преобладаемый одною мыслью, однимъ чувствомъ или убѣжденіемъ, онъ кидаетъ ихъ на бумагу цѣликомъ, такъ сказать, въ необработанномъ, сыромъ видѣ, обѣщая себѣ и читателю своему привести ихъ послѣ въ надлежащую отдѣлку и стройность. Такъ въ „Мертвыхъ Душахъ" казалось ему очень натуральнымъ сложить въ одну часть всю домашнюю черноту человѣка, весь хламъ и нечистоту общества, представляя себѣ въ послѣдующихъ частяхъ ввести читателя въ свѣтлые и праздничные покои. Подобное распредѣленіе грѣшитъ и противу художественности и противу нравственной истины. Въ отношеніи къ первой картина оттого слишкомъ одноцвѣтна; все выдается изъ нея слишкомъ рѣзко, обрублено и грубо. Въ другомъ отношеніи, наблюденіе и благоразуміе научаютъ насъ, что въ нравственномъ мірѣ не только многочисленное общество, но и отдѣльный человѣкъ не изсѣчены изъ цѣльнаго камня. Какъ общество, такъ и человѣкъ, образуется изъ составныхъ частей. Нашъ свѣтъ не рай, но и не адъ; не все въ немъ благообразіе и чистота, но и не все же безобразность и порча"... и т. д. Въ № 91 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, на стр. 412, авторъ статьи говоритъ: „Онъ (т.-е. Гоголь) первый, особенно „Мертвыми Душами", далъ сѣдкость у насъ литературѣ *укоризненной, желчной* и между тѣмъ *шуточно-причудливой*". Все это весьма справедливо и дѣльно, но вовсе не согласно съ первымъ пред-

положеніемъ автора статьи, что Гоголь „обладаетъ дарованьемъ *необыкновеннымъ*, и занимаетъ *свѣтлое* и *высокое* мѣсто въ нашей литературѣ“. Никогда бы безсмертный Карамзинъ, литераторъ по превосходству, олицетворявшій собою изящество и вкусъ, никогда Карамзинъ не сказалъ бы, что обладаетъ *необыкновеннымъ* дарованіемъ и занимаетъ *свѣтлое* и *высокое* мѣсто въ литературѣ человѣкъ, который изображаетъ все рѣзко-обрубленнымъ, грубо, не умѣетъ ни выбрать ни распредѣлить предметовъ, не постигъ ни общества ни человѣка и, какъ говоритъ авторъ статьи: „задираетъ не однѣ привившія *болячки*, но выворачиваетъ душу, не умѣя найти ни одного *здороваго мѣста*“ — въ нравственной природѣ человѣка. Нѣтъ, *необыкновенное* дарованіе не можетъ имѣть такихъ недостатковъ, какіе, по справедливости, обнаруживаетъ авторъ статьи въ Гоголѣ! Прибавьте къ тому, что Гоголь весьма плохо знаетъ русскій языкъ, пишетъ провинціализмами, въ чемъ самъ сознался въ послѣдней своей книжкѣ, что онъ вовсе не знаетъ Россіи и, наконецъ, что въ его сочиненіяхъ однѣ грязныя картины, и нѣтъ ни теплаго чувства, ни отрадныхъ порывовъ души и ни одной высокой, свѣтлой, общечеловѣческой идеи, и вы должны согласиться, что, по опредѣленію автора статьи, Поль-де-Кокъ и Пиго-Лебренъ гораздо выше Гоголя! Почему же его превознесли выше всѣхъ русскихъ писателей, отъ начала русской письменности? Это весьма часто объясняла „Сѣверная Пчела“, а теперь объяснилъ точно такимъ же образомъ авторъ статьи. Онъ говоритъ (въ № 90 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, стр. 488): „Въ нѣкоторыхъ журналахъ имя Гоголя сдѣлалось альфою и омегою всякаго литературнаго разсужденія. Въ духовной нищетѣ своей многіе непризнанные писатели кормились этимъ именемъ, какъ единымъ насущнымъ хлѣбомъ своимъ“. Далѣе: „Его (т.-е. Гоголя) хотѣли поставить главою какой то литературной школы, олицетворить въ немъ какое-то черное литературное знамя. Такимъ образомъ, съ больныхъ головъ на здоровую складывали всѣ несообразности, всѣ нелѣпости, провоз-

главленныя нѣкоторыми журналами. Далѣе говоритъ авторъ статьи: „Впрочемъ, что Гоголь попалъ въ руки литературнымъ шарлатанамъ, это не мудрено: имъ нужны блестящіе ярлыки, чтобы сбывать свои ничтожныя снадобья“. Вотъ оно, настоящее! Вотъ гдѣ правда! А развѣ „Сѣверная Пчела“ не то же говорила съ тѣхъ поръ, какъ начались эти продѣлки въ журналахъ? Правды нельзя выдумать, и только каждый можетъ ее провозглашать по своему. За „Сѣверною Пчелою“ только старшинство. Она давно уже высказала, хотя и не метафорами, а просто, все, что авторъ статьи говоритъ о качествахъ сочиненій Гоголя и о причинахъ, побудившихъ его хвалителей превозносить его до идолопоклонства, и ставить выше Державина, Карамзина, Дмитріева, Жуковскаго, Грибоѣдова. Но почтенный авторъ статьи не только не признаетъ существующимъ того, что сказано людьми не одного съ нимъ литературнаго прихода, но даже не позволяетъ имъ судить о Гоголѣ, запрещаетъ указывать и на хорошее и на дурное. Критики-де Гоголя должны довольствоваться тѣмъ, что имъ бросятъ, хотя бы это была грязь или безвкусіе! Выпишемъ слово въ слово это удивительное сужденіе автора статьи о критикахъ Гоголя (см. № 90, стр. 418, третій столбецъ): „Чему могъ научиться онъ (т.-е. Гоголь) отъ хулителей своихъ? ровно ничему. Выдавая себя за бѣлоручекъ и недотрогъ, они только чопорно возмущались и брезгали его картинами, недовольно опрятными для ихъ цѣломудренной взыскательности. Изъ твореній Гоголя испарялись запахи, которые тревожили ихъ изнѣженные нервы. Эти господа, какъ городничиха въ *Ревизорѣ*, хотятъ: „*чтобы у нихъ въ комнатѣ всегда было амбре* [illegible], *зажмуря глаза и нюхая,* [illegible]!“ Забавно было видѣть, какъ они учили Гоголя свѣтской вѣжливости и утонченнымъ пріемамъ *общества* избраннаго круга. Здѣсь кстати вспомнить то, что Пушкинъ давно уже сказалъ о нихъ: „Что за нѣжный и разборчивый языкъ должны употреблять господа сіи съ дамами! Гдѣ-бы ихъ, какъ бы послушать. Разумѣется, что *[illegible]* нигдѣ. Разумѣется, всѣ эти упреки и тре-

бованія нашихъ журнальныхъ маркизовъ и мирлифлеровъ мало озабочивали смиренную и *отрочески простодушную* натуру Гоголя". Выписывая это дивное мѣсто, мы не отвѣчаемъ на него. Молчаніе лучше всякаго отвѣта

Насчетъ новой книги Гоголя: „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями", авторъ статьи употребилъ весьма много словъ, но сказалъ весьма мало новаго. При желаніи возвысить до превосходства самое обыкновенное и избитое, авторъ статьи прибѣгаетъ къ софистамъ. Все написанное другими объ этой книги, авторъ статьи признаетъ: „болѣе или менѣе неосновательнымъ и поверхностнымъ, болѣе или менѣе неприличнымъ". Справедливъ ли этотъ приговоръ? Далѣе онъ говоритъ: (№ 91, страница 422, второй столбецъ) „Между ними (т.-е. критиками) нѣкоторые погрѣшили недостаткомъ доброжелательства, терпимости, братской любви, даже свѣтскаго общежительства, на которыя имѣетъ полное право писатель, каковъ Гоголь: погрѣшили недостатками законной, необходимой справедливости, на которую имѣетъ право каждый изъ насъ. Русскій человѣкъ даже и обидѣвшему его говоритъ: „Богъ проститъ!" Просимъ почтеннаго автора статьи заглянуть въ фельетонъ № 8-го „Сѣверной Пчелы" 1847 года. Тамъ, между прочимъ, по поводу вышедшей въ свѣтъ книги Гоголя: „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями", сказано было нами слѣдующее: „Сѣверная Пчела съ удовольствіемъ повторяетъ сказанное ею прежде, что г. Гоголь человѣкъ съ умомъ и дарованіемъ, и что послѣдняя его книга („Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями"), послѣ „Вечеровъ на Диканькѣ" лучшее его сочиненіе, заставляющее *любить и уважать* автора. До сихъ поръ, по сознанію г. Гоголя, онъ описывалъ однѣ пошлости и рисовалъ однѣ карикатуры, не извлекая чувствъ изъ сердца человѣческаго, за что и произведенъ былъ въ Гомеры, а послѣднимъ сочиненіемъ онъ доказалъ, что у него есть и сердце и чувство, и что онъ дурными совѣтами увлеченъ былъ на грязную дорогу, прозванную нами *натуральною школою*. Отнынѣ начинается новая жизнь для г. Гоголя

и мы вполнѣ надѣемся отъ него чего-нибудь истинно прекраснаго. Мы всегда говорили, что г. Гоголь, какъ умный человѣкъ, не могъ никогда одобрять того, что провозглашала о немъ партія, и онъ подтвердилъ это общественнымъ сознаніемъ. „*Честно и благородно!*“ Спрашиваемъ у всѣхъ благонамѣренныхъ людей, есть ли въ этомъ нашемъ сужденіи недоброжелательство, погрѣшили ли мы противу братской любви, противу терпимости и справедливости? Но авторъ статьи не удостоилъ вниманіемъ своимъ сужденія „Сѣверной Пчелы“! Вѣдь, мы не одного литературнаго прихода! Авторъ статьи приводитъ слова Гоголя: „*съ словомъ нужно обращаться честно*“. Великая истина, а другая великая истина высказана самимъ же авторомъ статьи (№ 91 „Спб. Вѣд.“): „Кто только мало-мальски не совершенный *нашъ* единомышленникъ, мы того считаемъ паріемъ, какимъ-то чудовищнымъ исключеніемъ. Мы готовы закидать его каменьями“. Эту истину, пишущій сіи строки, испытываетъ на себѣ въ продолженіе двадцати лѣтъ, и чрезвычайно радъ, что услышалъ эти глаголы правды отъ автора статьи, а не отъ другого! Спрашивается: ужели съ однимъ Гоголемъ надобно быть доброжелательнымъ, справедливымъ, соблюдать терпимость, свѣтскую вѣжливость, братскую любовь? Этимъ оканчиваемъ наши замѣчанія на статью князя П. А. Вяземскаго.

Ѳ. Булгаринъ.

* * *

*) Не безъ нѣкотораго основанія можно было предвидѣть, что эта мудреная исторія когда-нибудь, рано или поздно, кончится очень курьезно; но внезапный финалъ ея, неожиданно поразившій нѣсколько развлеченное вниманіе зрителей и слушателей, далеко превзошелъ ихъ ожиданія. Неизвѣстно, на какой собственно эффектъ разсчи-

*) „Сѣверная Пчела“ 1847 г., № 67. Статья *Я.Я.Я.* (Л. Бранта).

тывалъ оригинальный композиторъ: достовѣрно лишь то, что, когда умолкла послѣдняя дисгармоническая поза новой его пьесы, самые восторженные поклонники виртуоза не только удержались отъ *браво* и аплодисментовъ, но даже на устахъ ихъ показалась кислая гримаса; что же касается до благоразумной части публики, давно уже недовольной грубыми и нескладными его композиціями, она не шикала изъ великодушія: ей стало жаль бѣднаго маэстро, въ какомъ-то болѣзненномъ припадкѣ сыгравшаго неслыханную штуку...

Но мы должны пояснить мудреную исторію, и отъ аллегоріи перейти къ прямому изложенію дѣла.

Лѣтъ около пятнадцати тому назадъ, когда въ цвѣтѣ силъ и дарованія дѣйствовалъ еще Пушкинъ, окруженный блистательными поэтами и прозаиками Карамзинской школы, когда писатели русскіе, овладѣвъ вполнѣ орудіемъ мысли—прекрасно выработаннымъ слогомъ, пролагали новые пути и отрасли въ отечественной литературѣ, и старались развитіе ея приблизить къ успѣхамъ современнаго искусства въ Европѣ; лѣтъ около пятнадцати тому, какъ муза Лермонтова покоилась еще въ пеленкахъ, и большая часть теперешнихъ литературныхъ знаменитостей нашихъ, честимыхъ этимъ именемъ, быть-можетъ, нѣсколько гиперболически, трепетною рукою чинила перья и робко сшивала тетради для первыхъ опытовъ,—лѣтъ около пятнадцати тому, говоримъ, началась извѣстность г. Гоголя, покровительствуемая видами отдѣльной партіи, желавшей, при помощи новыхъ подвижниковъ, ослабить вліяніе аристарховъ литературы и навязать ей какое то новое направленіе Къ этой партіи, порожденной раздражительностью неудовлетворительнаго самолюбія авторскаго, и дурно скрытою завистью къ чужимъ успѣхамъ, прицѣпилась цѣлая фаланга юношей, большею частью съ дарованіями весьма сомнительными, но вооруженныхъ непомѣрными претензіями и страшною жаждою пріобрѣтенія славы и вещественныхъ благъ земныхъ, весьма привлекательныхъ, но, къ несчастію, не добываемыхъ даромъ. Усердному

стремленію молодежи помогалъ тогда покойный „Московскій Телеграфъ“, пустившій въ моду *высшіе взгляды*, блуждавшіе только по верхушкамъ предметовъ. Все подняло очи горѣ, и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этой верхоглядности было невидѣніе простого пути подъ ногами: многіе, думая взобраться на высоту, падали, или, по крайней мѣрѣ, больно оступались. Между тѣмъ, для смѣлыхъ вылазокъ со стороны юныхъ искателей славы и счастья, время было довольно благопріятное: публика начинала уже нѣсколько утомляться однообразіемъ формъ и односторонностью направленія тогдашней нашей литературы; читатели не знали, куда дѣваться отъ безчисленныхъ подражаній историческимъ и нравоописательнымъ романамъ, первые изобрѣтатели которыхъ на Руси, постепенно умолкая, сладостно засыпали на трудахъ, увѣнчанныхъ успѣхами; читатели не знали, куда бѣжать отъ поэмъ и стиховъ молодыхъ поэтовъ, соблазненныхъ громкою знаменитостью Пушкина, куда скрыться отъ нашествія альманаховъ, которые букетами „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“, разныхъ „Подсолнечниковъ“ и „Подснѣжниковъ“ закидывали беззащитную публику, едва не кричавшую: *караулъ!* Переживши торжественныя оды Державина, эпопеи Хераскова, чувствительныя повѣсти Карамзина, романтическую, идеальную поэзію Жуковскаго, антологическую Батюшкова, классическія трагедіи Озерова, пресыщенная высокимъ, драматическимъ и нѣжнымъ,—она не хотѣла больше вздыхать, плакать и задумываться, не чужда была иныхъ развлеченій, похожихъ на фарсъ и, вслѣдствіе такого расположенія, изъ бель-этажа театральнаго готова перешагнуть даже на грубыя скамьи масляничнаго балагана, гдѣ какой-нибудь забавникъ сталъ бы ломаться передъ публикой, смѣшить ее отчаянными гримасами, какой-нибудь профессоръ „увеселительной“ физики показывать „знаменитые Египетскіе фокусы“, которыми древніе Египтяне, конечно, не позволили бы себя „увеселить“. Къ удовольствію своему, удовлетвореніе такому расположенію публика нашла, почти одновременно, въ веселыхъ, остроумныхъ шуткахъ одного

журнала, предложенныхъ ей въ видѣ критики, и въ разсказахъ Гоголя, проникнутыхъ неподдѣльнымъ комизмомъ и замысловатымъ Малороссійскимъ юморомъ. То и другое было далеко недурно, а по новизнѣ и оригинальности показалось вдвое лучше, выше настоящей цѣнности. И Гоголь не дремалъ. „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“, „Миргородъ“, „Арабески“—быстро снискали ему благосклонность публики. Занимая читателей въ кабинетѣ, онъ, между тѣмъ, привлекъ ихъ и на сцену, бросивъ туда импровизированнаго самозванца „Ревизора“, который, изъ пустяковъ, по недоразумѣнію, надѣлалъ шуму въ безвѣстномъ городкѣ и въ журналистикѣ, обморочилъ судей того городка и судей литературныхъ, и ловко скрылся за опущенной завѣсой, при заключительной музыкѣ оркестра. Юные критики наши рѣшительно потеряли голову, витийствуя о высокихъ красотахъ этого точно весьма забавнаго фарса, который показался имъ дивною комедіей, созданіемъ геніальнымъ, торжествомъ искусства. Они не видѣли или не хотѣли видѣть ни ложныхъ пружинъ, ни совершенной невѣроятности въ ходѣ пьесы, ни крайней преувеличенности въ изображеніи характеровъ, а дѣйствительными достоинствами ея—забавностью положеній и разговора дѣйствующихъ лицъ, восторгались до послѣдней степени безусловности какого-то ребяческаго увлеченія, въ пылу котораго панегиристамъ причудилось, что „Ревизоръ“ есть вѣрная картина современныхъ нравовъ и презлая на нихъ сатира, исполненная „высшихъ“ идей и „глубокаго“ значенія. Откуда ни взялись скороспѣлые подражатели, составившіе особый кружокъ, хлопотливый муравейникъ, и Гоголь торжественно провозглашенъ былъ *учителемъ* (!?!) новой литературной школы, которая впослѣдствіи стяжала себѣ лестный эпитетъ *натуральной*, т.-е. старательно ищущей поэзіи исключительно въ однихъ темныхъ углахъ и закоулкахъ жизни. Появившійся съ 1839 года журналъ пріютилъ у себя подвижниковъ новой школы, распространялъ ея странныя воззрѣнія на искусство, и ровно восемь лѣтъ оглашалъ литературный міръ русскій славою имени и литературныхъ

заслугъ г. Гоголя, уничтожая *всѣхъ*, не раздѣлявшихъ этого мнѣнія, которое блуждало съ повязкою на глазахъ. Всѣмъ авторитетамъ, предшествовавшимъ Гоголю, объявлена была грозная опала: они признаны были недостойными и непричастными идей новаго развитія литературнаго. Муравейникъ не зналъ мѣры унынія отъ своей счастливой находки, безпрестанно толковалъ о ней съ уморительною важностью и неисчерпаемостью, таинственно намекая, что скоро изъ-подъ пера Гоголя родится нѣчто необыкновенное, „грандіозное“, и среди трепетнаго, нетерпѣливаго ожиданія любопытныхъ, г. Гоголь благополучно разрѣшился... „Мертвыми Душами“.

Смущенные величіемъ воспоминанія о семъ торжественномъ событіи, роняемъ слабое перо, и просимъ позволенія предаться хотя на минуту безмолвному обаянію нашихъ впечатлѣній... Новая Иліада, новый Гомеръ — вотъ слова и сравненія, которыя непосредственно и безъ дальнѣйшаго размышленія вырвались изъ устъ восторженныхъ поклонниковъ Гоголя при появленіи его *поэмы*, говоримъ поэмы, ибо самъ онъ, непомѣрными похвалами вознесенный на вершину ослѣпленія авторскаго самолюбія, не затруднился назвать такъ свою забавную и неправдоподобную сказку... *Чичиковъ, Ноздревъ, Собакевичъ* и другія дѣйствующія лица „Мертвыхъ Душъ“ поименованы были „безсмертными героями“, и... но вы знаете, что писали и что до сихъ поръ пишутъ въ томъ журналѣ по поводу этой книги, къ которой безпрестанно обращается рѣчь и кстати и не кстати, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, словно къ какому-то литературному кодексу, единственному источнику свѣта и мысли...

Совершивъ великій подвигъ, ущедривъ міръ новою Иліадой, творецъ „Мертвыхъ Душъ“, подобно Наполеону послѣ Марэнго, Аустерлица и Фридланда, справедливо пожелалъ отдохнуть на лаврахъ, горделиво прислушиваясь къ сладостнымъ звукамъ славы, и будто не-хотя, возлагая на главу свою лавровые вѣнки, даромъ сплетенные услужливыми журнальными рецензентами. И между тѣмъ, какъ

Россія (простите за риторическую фигуру: мы беремъ здѣсь *цѣлое* вмѣсто *части*), и между тѣмъ, какъ Россія рукоплескала своему внезапному Гомеру, скромный пѣвецъ „Похожденій Чичикова“ скрылся изъ предѣловъ отечества, и, странствуя подъ чужими небесами Италіи и Германіи, искалъ тамъ вдохновенія къ продолженію своей эпопеи. Но увы! оно не приходило. Нѣсколько лѣтъ протекло въ тщетномъ ожиданіи второй части „Мертвыхъ Душъ“, Гоголь упорно молчалъ, довольствуясь тѣмъ, что о немъ не перестаютъ писать въ журналахъ, и обѣщаютъ еще новый *рядъ статей* о старыхъ его произведеніяхъ...

Досадили, наконецъ, Гоголю эти безмѣрныя, неистощимыя и притомъ чрезвычайно неловкія похвалы: дошли до слуха его вѣсти о мнѣніи другихъ критиковъ, которые, отдавая всю справедливость его дарованію, какъ умнаго, пріятнаго и забавнаго разсказчика былей и небылицъ, ограничивали степень и значеніе его таланта, указывая на недостатки и многія слабыя стороны его произведеній,— и вотъ онъ, сѣтуя на нищету и терніе авторской славы, борясь съ притязаніями самолюбія и сознаніемъ своихъ несовершенствъ, вмѣсто второй части „Мертвыхъ Душъ“, прислалъ намъ книгу изумительную. Въ ней, между прочимъ, заключается престранная исповѣдь, дивное завѣщаніе автора. Раскритиковавъ самого себя въ пухъ, въ эту едва-ли искреннюю критику онъ вставилъ такія выходки, которыя полагаютъ Геркулесовскіе столбы, крайній предѣлъ, самымъ избыточнымъ притязаніямъ авторскаго тщеславія; даже колоссъ Родосскій величественными пятами своими такъ тяжко не давилъ земли и такъ гордо не смотрѣлъ въ небо, хотя главою своею едва не досягалъ облаковъ. Данте, Шекспиръ, Гете, Байронъ — не могли бы говорить о себѣ рѣшительнѣе. Съ тѣхъ поръ, какъ произнесено знаменитое изреченіе, что отъ великаго до смѣшного одинъ только шагъ, никогда этотъ шагъ не бывалъ смѣшнѣе, быть-можетъ, потому, что исходная точка его мнимо лишь соприкасалась съ высокимъ, и на самомъ дѣлѣ держалась отъ него въ положеніи парал-

дельныхъ линій. Уважая законъ постепенности и помня риторическую форму *нарастанія*, авторъ не вдругъ становится на высокій тонъ, но начинаетъ весьма скромно и даже смиренно: „Я былъ тяжело боленъ“, говоритъ онъ въ предисловіи къ своей новой книгѣ: „смерть уже была близко. Собравши остатокъ силъ своихъ (,) и воспользовавшись первою минутою *трезвости* моего ума, я написалъ духовное завѣщаніе, въ которомъ, между прочимъ, возлагаю на обязанность друзей моихъ издать послѣ моей смерти нѣкоторыя изъ моихъ писемъ. Мнѣ хотѣлось хоть симъ искупить *безполезность* всего, доселѣ мною напечатаннаго, потому что въ письмахъ моихъ, по признанію тѣхъ, къ которымъ они были писаны, находится болѣе *нужнаго* для человѣка, нежели въ моихъ сочиненіяхъ.

Выбираю самъ изъ моихъ послѣднихъ писемъ, которыя мнѣ удалось получить назадъ, все, что болѣе относится къ вопросамъ, занимающимъ нынѣ общество: отстранивши все, что *можетъ получить смыслъ только послѣ смерти*... Сердце мое говоритъ мнѣ, что книга моя нужна, и что она можетъ быть полезна..“ Затѣмъ, болѣе и болѣе утверждаясь въ мысли, что книга его нужна и полезна, авторъ проситъ своихъ соотечественниковъ прочитать ее *нѣсколько разъ*; въ то же время, продолжаетъ онъ: „Прошу тѣхъ изъ нихъ, которые имѣютъ достатокъ, купить *нѣсколько ея экземпляровъ* (,) и раздать тѣмъ, которые сами купить не могутъ, увѣдомляя ихъ (кого?) при этомъ случаѣ, что всѣ деньги, которыя перевысятъ издержки на предстоящее мнѣ путешествіе, будутъ обращены (,) съ одной стороны (,) въ подкрѣпленіе тѣмъ, которые, подобно мнѣ, почувствуютъ потребность внутреннюю отправиться къ наступающему Великому Посту во Святую Землю (,) и не будутъ имѣть возможности совершить *это* одними своими собственными средствами; съ другой стороны — въ пособіе тѣмъ, которыхъ встрѣчу на пути, уже туда идущихъ (,) и которые всѣ помолятся у Гроба Господня за моихъ читателей, своихъ благотворителей“.

Какъ ни похвальна великодушная забота автора о со-

братіяхъ, подобно ему предпринимающихъ набожное путешествіе, нѣсколько странно, однакожъ, приглашеніе покупать по нѣскольку экземпляровъ его книги. Что если бы, послѣдовавъ примѣру г. Гоголя, и другіе авторы, подъ предлогомъ разныхъ благотворительныхъ цѣлей, обратились къ публикѣ съ подобною просьбою, не справедливо ли могла она подумать, что это новый способъ зазыванья къ подпискѣ, ущербный для авторскаго достоинства и помрачающій отчасти самую чистоту добраго дѣла, о которомъ истинные христіане не разглашаютъ, предпочитая творить добро втайнѣ, никому невѣдомо...

Далѣе, въ предисловіи своемъ, г. Гоголь говоритъ (мы будемъ приводить только самое замѣчательное): „Одна моя поспѣшность и торопливость, одно мое собственное неразуміе было причиною, что сочиненія мои предстали въ такомъ несовершенномъ видѣ (,) и почти всѣхъ привели въ заблужденіе насчетъ настоящаго смысла ихъ..

Вслѣдъ за симъ, въ порывѣ кротости и смиренія, авторъ проситъ прощенія у всѣхъ читателей и знакомыхъ своихъ, прибавляя: „Вообще, въ обхожденіи моемъ съ людьми всегда было много непріятно-отталкивающаго. Отчасти это происходило оттого, что я избѣгалъ встрѣчъ и знакомствъ, чувствуя, что не могу еще произнести умнаго и нужнаго слова человѣку, и будучи въ то же время убѣжденъ, что, по причинѣ безчисленнаго множества моихъ недостатковъ, мнѣ было необходимо, хотя немного, воспитать себя въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ людей. Отчасти же это происходило и отъ *мелочного самолюбія*, свойственнаго только тѣмъ изъ насъ, которые изъ грязи пробрались въ люди (,) и считаютъ себя вправѣ глядѣть спесиво на другихъ"... Въ заключеніе этихъ странныхъ, необыкновенныхъ признаній, авторъ проситъ всѣхъ въ Россіи помолиться о немъ.

За предисловіемъ слѣдуетъ завѣщаніе автора. Здѣсь, во-первыхъ, онъ не велитъ „тѣла своего погребать до тѣхъ поръ, пока не покажутся явные признаки разложенія",— распоряженіе, показывающее похвальную заботливость

автора о продолженіи жизни и достаточную къ ней привязанность; вмѣсто же всякихъ *погребальныхъ почестей*“, онъ проситъ „угостить отъ него простымъ обѣдомъ нѣсколькихъ, не имущихъ насущнаго хлѣба“. „Во-вторыхъ“, завѣщаетъ, „не ставить надъ нимъ никакого памятника“. — „Кому же изъ ближнихъ моихъ я былъ дѣйствительно дорогъ“, говоритъ г. Гоголь, „тотъ воздвигнетъ мнѣ памятникъ иначе: воздвигнетъ онъ его въ самомъ себѣ (,) своею непоколебимою твердостью въ жизненномъ дѣлѣ, *ободреньемъ и освѣженьемъ* всѣхъ вокругъ себя“.—Въ третьихъ, завѣщаетъ вообще никому не оплакивать его, не предаваться безплодному *сокрушенію*... „и грѣхъ себѣ возьметъ на душу тотъ“, прибавляетъ авторъ, „кто станетъ почитать смерть мою какою-нибудь значительною или *всеобщею* утратой“. Въ четвертыхъ, авторъ „завѣщаетъ всѣмъ своимъ соотечественникамъ лучшее изъ всего, что произвело перо его, завѣщаетъ имъ сочиненіе, подъ заглавіемъ: „Прощальная Повѣсть“. Въ пятыхъ (и все по пунктамъ), „по смерти его не спѣшить ни похвалой ни осужденіемъ его произведеній“, къ чему присовокупляетъ, что въ сочиненіяхъ его гораздо больше того, что нужно осудить, нежели того, что заслуживаетъ хвалу; всѣ нападенія на нихъ, говоритъ онъ, были въ основаніи болѣе или менѣе справедливы“. Послѣдній пунктъ завѣщанія посвящаетъ г. Гоголь портрету своему. Здѣсь онъ слезно сѣтуетъ, что неосмотрительнымъ образомъ похищено у него право собственности: безъ его воли и позволенія *опубликованъ* его портретъ. „По многимъ причинамъ“, говоритъ авторъ, „которыя мнѣ объявлять не нужно, я не хотѣлъ этого, не продавалъ никому права на его публичное изданіе, и отказывалъ всѣмъ книгопродавцамъ, доселѣ *приступавшимъ* ко мнѣ съ предложеніемъ...“ Говоря далѣе, что портретъ его могъ бы „распродаться вдругъ во множествѣ экземпляровъ и значительно помочь художнику“, авторъ обращается къ тѣмъ, которые „завели у себя какой-нибудь портретъ его“, и проситъ ихъ „уничтожить его тутъ же по прочтеніи сихъ строкъ, и покупать только тотъ, на

которомъ будетъ выставлено: гравировалъ Iорданъ".—Послѣднія строки завѣщанія слѣдующія: „Завѣщаніе мое немедленно по смерти моей *должно быть* напечатано во всѣхъ журналахъ и вѣдомостяхъ, дабы, по случаю невѣдѣнія его, никто не сдѣлался передо мною невинно - виновнымъ, и тѣмъ бы *не нанесъ упрека на свою душу*".

Да успокоится авторъ и утишитъ свои взволнованныя чувства! Опасаясь сдѣлаться неповинно-виноватою, и страшась положить на душу тяжкій упрекъ, „Сѣверная Пчела" заблаговременно приводитъ въ извѣстность завѣщаніе автора, но съ тѣмъ вмѣстѣ проситъ его не тревожиться напрасно насчетъ всего остального. Никто не обременитъ праха его погребальными *почестями*, ибо таковыя почести воздаются обыкновенно останкамъ доблестныхъ мужей государственныхъ, или, по крайней мѣрѣ, людей, оказавшихъ великія, неоспоримыя заслуги на поприщѣ наукъ, искусствъ, словесности. Памятника также воздвигать ему не будутъ, и мысль о томъ, конечно, никому не придетъ въ голову, ибо изъ писателей памятниками, покамѣстъ, почтены у насъ только Ломоносовъ, Державинъ, Карамзинъ и Крыловъ. Ни знаменитый Фонъ Визинъ, котораго юморъ, безъ сомнѣнія, не уступалъ юмору автора „Мертвыхъ Душъ", и котораго комедія „Недоросль", полагаемъ, не ниже „Ревизора"; ни Грибоѣдовъ, котораго комедія „Горе отъ ума" несравненно выше всѣхъ произведеній Гоголя,— не сподобились этой чести. Страсть къ воздвиженію памятниковъ въ Европѣ не должна пугать смиренія г. Гоголя, тѣмъ болѣе, что памятники все-таки остаются удѣломъ людей, или совершившихъ громкіе подвиги, или водворившихъ между соотечественниками своими высокія истины, или, по крайней мѣрѣ, принесшихъ человѣчеству какую-либо существенную пользу. Такъ Франція не отказала въ памятникѣ Пармантье; но, вѣдь, она обязана ему *картофелемъ*, плодомъ весьма вкуснымъ и полезнымъ, и тотъ, кто открылъ бы средство предохранять картофель и другіе овощи отъ вредныхъ болѣзней, не менѣе стяжалъ бы право на памятникъ. Всегда признательные къ полез-

тому, люди, въ часы отдохновенія, любятъ и забавы, но доставляющихъ послѣднія—памятниками не награждаютъ, и до сихъ поръ ни одинъ сказочникъ монументомъ, сколько извѣстно, не воспользовался. И такъ, да успокоится г. Гоголь, не терзая себя пріятною, впрочемъ, мыслью, что человѣчество будетъ *сокрушаться* о его кончинѣ и оплакивать ее какъ утрату *всеобщую*. Помня удовольствіе, какое не разъ доставлялъ онъ намъ своими забавными разсказами, мы первые искренно пожалѣли бы, если бъ Гоголь преждевременно выбылъ изъ немногочисленнаго въ настоящее время ряда даровитыхъ писателей нашихъ: но къ утратамъ *всеобщимъ* мы причисляемъ иныя потери, болѣе важныя и невознаградимыя. Вѣсть о смерти Карамзина и Пушкина нашла участіе во всѣхъ концахъ читающей Россіи, но Гоголь, столь скромно и самъ сознающій несовершенство своихъ произведеній, безъ всякаго сомнѣнія, воздержится отъ неумѣстнаго притязанія поставить имя свое подлѣ именъ знаменитаго исторіографа и перваго поэта русскаго. Внимательнѣе ко всѣмъ пунктамъ раннѣго завѣщанія автора нашего, успокоимъ его также насчетъ тревоги о портретѣ, доводя при семъ случаѣ до свѣдѣнія г. Гоголя, что, покамѣстъ, никакого портрета его нигдѣ мы не видали и не встрѣчали, и что въ теперешнее неблагодарное время удѣлъ живыхъ литературныхъ извѣстностей нашихъ — одни лишь гипсовыя карикатуры г. Степанова, выставленныя на окнахъ эстампнаго магазина г. Беггрова, да забавныя изображенія въ листкахъ веселаго Ералаша г. Неваховича... Вдали отъ родины, г. Гоголь думаетъ нѣсколько иначе. Вышеприведеннымъ способомъ обезпечивъ себя насчетъ безсмертія своего, и, съ рѣдкимъ христіанскимъ смиреніемъ, испросивъ предварительно у всѣхъ прощенія, онъ собирался умереть на лаврахъ; но Богу угодно было продлить драгоцѣнные литературѣ русской дни автора „Мертвыхъ Душъ“, и вотъ онъ, по собственному его выраженію, „въ полной *трезвости* ума“ своего, даритъ насъ новымъ произведеніемъ: „Выбранными мѣстами изъ переписки съ друзьями!“ По-

клонившись вступительнымъ предисловію и завѣщанію, открывающимъ эту рѣдкостную книгу, предоставляемъ себѣ честь самую книгу разсмотрѣть въ особой статьѣ: съ такимъ своеобразнымъ геніемъ критикѣ не легко управиться разомъ, и да не упрекнетъ потомство современниковъ, что они не воздали должнаго явленію, поистинѣ необыкновенному и замѣчательному, подобнаго которому, конечно, не узрятъ вѣки грядущіе, ибо, вопреки общему положенію, не все въ мірѣ повторяется.

---

*) Въ первой статьѣ, посвященной курьезному предисловію къ этимъ „Выбраннымъ Мѣстамъ“ изъ переписки знаменитаго сочинителя, мы довели уже до свѣдѣнія читателей, что онъ считаетъ новое произведеніе свое книгою *нужною* и *полезною*, которая должна искупить „*безполезность* всего, доселѣ имъ напечатаннаго“, хотя, впрочемъ, вообще литературное поприще свое онъ называетъ дѣломъ, „замышленнымъ не на удовольствіе нѣкоторыхъ, но *надобнымъ* для всѣхъ“. Слѣдственно, долгъ критики передъ авторомъ разсмотрѣть дѣйствительную *нужность* и *полезность* предлежащаго сочиненія. Постараемся не остаться въ долгу.

Подобно обыкновеннымъ смертнымъ, не дерзающимъ при жизни заказывать себѣ памятники и лавровые вѣнки, г. Гоголь, сохраняя свѣтскую вѣжливость и приличіе, первое мѣсто въ своей книгѣ представляетъ дамамъ. „Переписка“ открывается статьею: „Женщина въ свѣтѣ“. Но тѣмъ и ограничивается вѣжливость писателя въ отношеніи къ прекрасному полу: немедленно приступаетъ онъ къ извѣту на него, утверждая, якобы „большая часть взятокъ и *тому подобнаго*, въ чемъ обвиняютъ нашихъ чиновниковъ и нечиновниковъ всѣхъ классовъ, произошла или отъ расточительности ихъ женъ или отъ пустоты ихъ домашней жизни“. Изъ такихъ-то парадоксовъ составлена вся статья, именуемая „Письмомъ къ.......ой“. Обращаясь къ этой особѣ непосредственно, сочинитель между про-

---

*) „Сѣверная Пчела“ 1847 г., № 74. Статья вторая.

чимъ восклицаетъ: „Увы! на *всѣхъ углахъ* міра ждутъ и не дождутся ничего другого, какъ только тѣхъ родныхъ звуковъ, того самаго голоса, который у васъ *уже есть*“.

Второй отрывокъ: „*Значеніе болѣзней*“ объясняетъ читателю, что „силы автора слабѣютъ ежеминутно, но не духъ“; что „среди самыхъ страданій иногда приходятъ къ нему мысли, несравненно лучшія прежнихъ, и онъ видитъ самъ, что теперь все, что ни выйдетъ изъ-подъ пера его, будетъ значительнѣе прежняго“. — „Не будь тяжкихъ болѣзненныхъ страданій, куда-бъ я теперь не занесся“! — прибавляетъ авторъ, „какимъ бы значительнымъ человѣкомъ вообразилъ себя“!

Въ отрывкѣ: „О томъ, что такое слово“, рѣшается вопросъ, какъ должны быть обдуманы и осмотрительны мысли и слова извѣстнаго сочинителя. Но если-бъ авторъ выводы свои примѣнялъ къ разсматриваемой книгѣ, она, конечно, не явилась бы въ свѣтъ... Въ статьѣ: „Чтенія русскихъ поэтовъ предъ публикою“, г. Гоголь не безъ основанія замѣчаетъ, что „журналы сбили и спутали понятія публики о нашихъ поэтахъ, такъ что въ глазахъ ея личность каждаго поэта теперь двоится, и никто не можетъ представить себѣ опредѣлительно, что такое изъ нихъ всякъ въ существѣ своемъ“. По мнѣнію автора, „одно только искусное чтеніе можетъ установить о нихъ ясное понятіе“, и, въ пылу преслѣдованія этой мысли, авторъ думаетъ, что „публичныя чтенія со временемъ замѣнятъ у насъ спектакли (???!!!)“.

Пропускаемъ витіеватую статейку: „О помощи бѣднымъ“, и поспѣшаемъ къ удивительному разсужденію „Объ Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ“. Разсужденіе это, минувшимъ лѣтомъ первоначально появившееся въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и потомъ перепечатанное въ „Современникѣ“, тогда еще невольно заставило подумать, что съ знаменитымъ творцомъ „Мертвыхъ Душъ“ приключилось что-то не совсѣмъ обыкновенное. Здѣсь, между многимъ прочимъ, отмѣнно замѣчательнымъ, возглашается: 1) „что появленіе Одиссеи (т. е. перевода ея) произведетъ эпоху;

2) что вся литературная жизнь Жуковскаго была какъ бы приготовленіемъ къ этому дѣлу, и за то вышло что-то чудное; 3) что всѣ нынѣшнія обстоятельства какъ бы нарочно обстановились такъ, чтобы сдѣлать появленіе Одиссеи почти необходимымъ въ данное время; 4) что Одиссея произведетъ у насъ вліяніе какъ *вообще на всѣхъ*, такъ и *отдѣльно на каждаго*; 5) что Одиссею будутъ у насъ читать дворяне, мѣщане, купцы, рядовые солдаты, лакеи и дѣти обоего пола; 6) что греческое многобожіе не соблазнитъ нашего народа, ибо народъ нашъ уменъ: онъ, по выраженію автора, *почешетъ у себя въ затылкѣ* и растолкуетъ, не ломая головы, даже то, что приводитъ въ тупикъ умниковъ; 7) что ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ унывать, какъ не унывалъ и Одиссей; 8) что Одиссея возвратитъ многихъ къ свѣту, проведя ихъ, какъ искусный лоцманъ, сквозь сумятицу и мглу нанесенную неустроенными, *неустановившимися* писателями; 9) что толки, разборы, разсужденія, замѣчанія и мысли, ею возбужденныя, будутъ раздаваться у насъ въ журналахъ въ продолженіе *многихъ лѣтъ*; 10) что еще ни у кого не достигала до такой полноты русская рѣчь, что въ переводѣ Одиссеи *безконечно огромные* періоды братски улегаются другъ подлѣ друга, и все такъ сливается въ одно, улетучивая *тяжелый громоздъ* всего цѣлаго, что, кажется, *пропалъ вовсе всякій слогъ и складъ рѣчи* (вотъ поистинѣ новый способъ хваленія!); 11) что мы, со всѣми нашими огромными средствами и орудіями къ совершенствованію, умѣли дойти до какого-то *неряшества* и *неустройства*, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго, умѣли сдѣлаться *лоскутными*, мелкими и, ко всему еще въ прибавку, опротивѣли другъ другу, и 12) что, наконецъ, вслѣдствіе всего этого, на страждущихъ и болѣющихъ отъ своего европейскаго совершенства Одиссея *подѣйствуетъ*". Ошеломленные дюжиною главнѣйшихъ положеній безсмертнаго разсужденія объ Одиссеѣ, которыя приведены нами въ подлинныхъ и точныхъ выраженіяхъ автора, можемъ ли рѣшиться на какія бы то ни было замѣчанія? Предоставляемъ ихъ на-

шему народу, который такъ уменъ, что ему стоитъ только *почесать у себя въ затылкѣ*, и, не ломая головы, онъ растолкуетъ „даже то, что приводитъ въ тупикъ умниковъ“.... Проходимъ молчаніемъ двѣ статьи: „О нашей церкви и духовенствѣ“. Важность предмета, не относящагося собственно къ литературѣ и благоговѣйное убѣжденіе, что высокія религіозныя мысли тогда лишь возбуждаютъ сочувствіе, когда невольно исторгаются изъ глубины чистыхъ и неподдѣльныхъ вѣрованій, не дозволяютъ намъ никакихъ объясненій съ авторомъ. Укажемъ только на одну *свѣтскую мысль* въ этихъ статьяхъ. Авторъ говоритъ: „Нѣкоторые изъ нынѣшнихъ умниковъ выдумали, будто нужно толкаться среди свѣта для того, чтобы узнать его. Это просто вздоръ. Дѣйствительно, говоря словами автора, „это просто вздоръ“ думать наоборотъ, что познаніе свѣта пріобрѣтается въ отчужденіи отъ него, взаперти. Но зачѣмъ мы споримъ съ сочинителемъ, который, кажется всю книгу свою написалъ для образчика парадоксальности? Не знаемъ, право, какая при этомъ была у него цѣль?

Но самое непріятное въ книгѣ г. Гоголя, это безпрестанныя обращенія автора къ самому себѣ, въ видѣ скромнаго уничиженія, разумѣется, не искренняго, и обнаруживающаго лишь безконечныя притязанія неограниченнаго самолюбія. Такъ въ одномъ изъ писемъ къ Жуковскому (О лиризмѣ нашихъ поэтовъ), котораго онъ называетъ „своимъ истиннымъ наставникомъ и учителемъ, своимъ братомъ и *прекраснымъ* другомъ“, г. Гоголь говоритъ: „Только одинъ ты меня еще останавливаешь, тогда какъ другіе всѣ торопятъ, неизвѣстно зачѣмъ. Сколько глупостей успѣлъ бы я уже сдѣлать, если-бъ только послушался другихъ моихъ пріятелей. Мнѣ стыдно, когда помыслю, какъ до сихъ поръ я еще *глупъ*, и какъ не умѣю заговорить ни о чемъ, что поумнѣе. Всего нелѣпѣе выходятъ мысли и толки о литературѣ. Тутъ какъ-то особенно становится все у меня напыщенно, темно и не вразумительно“... Не можемъ не остановиться на мысляхъ и выраженіяхъ, встрѣчаемыхъ на стр. 92—93: „Желаніе быть

лучшимъ и заслужить *рукоплесканія* на небесахъ, придастъ ему (христіанину) такія *шпоры*, какихъ не можетъ дать наисильнѣйшему честолюбцу его ненасытимѣйшее честолюбіе". Умъ не есть высшая въ насъ способность. Его должность не больше, какъ полицейская: онъ можетъ только привести въ порядокъ и разставить по мѣстамъ все то, что у насъ *уже есть*. Онъ самъ не *двинется впередъ*, покуда не *двинутся* въ насъ всѣ другія способности, отъ которыхъ онъ *умнѣетъ*".

Въ статьѣ: „О театрѣ, объ одностороннемъ взглядѣ на театръ и вообще объ односторонности" — самая односторонняя и опасная болтовня. Здѣсь, напримѣръ, авторъ изъявляетъ желаніе, чтобы лучшій актеръ одинъ игралъ всѣ роли отъ первой до послѣдней, самыя важныя и самыя ничтожныя: и здѣсь же, на нѣсколькихъ страницахъ, какъ говорится, ни къ селу ни къ городу, доказываетъ, что Пушкинъ былъ христіанинъ, и что въ противномъ несправедливо упрекалъ его одинъ критикъ, каковаго упрека, признаемся, и не припомнимъ: чуть ли это не одна изъ фантазій творца „Мертвыхъ Душъ?"... Вотъ еще диковинки въ статьѣ: „Предметы для лирическаго поэта въ нынѣшнее время". Тутъ, между прочимъ, автору кажется, будто бы мы живемъ „въ тяжелую годину всемірнаго *землетрясенія*, когда все помутилось отъ страха за будущее, и люди предаются буйству всякихъ *скаканій* (это, должно быть, на счетъ гг. Гверры и Лежара) и позорнаго ликованія".

Статья эта есть письмо къ покойному поэту Н. М. Языкову, которому „лирическая сила", по словамъ автора, дана была для того, „чтобы вырывать камни и ворочать утесы". „Опустись", говоритъ онъ ему, „во глубины Русской старины, и въ ней порази позоръ нынѣшняго времени, и углуби въ то же время глубже въ насъ то, передъ чѣмъ еще позорнѣе станетъ позоръ нашъ .. Опозорь въ гнѣвномъ диѳирамбѣ новѣйшаго лихоимца нынѣшнихъ временъ, и его проклятую роскошь, и скверную жену его, погубившую щеголяньями и тряпками и себя и мужа,

и презрѣнный порогъ ихъ богатаго дома, и гнусный воздухъ, которымъ тамъ дышатъ, чтобы, какъ отъ чумы, отъ нихъ побѣжало все бѣгомъ и безъ оглядки". Никогда Пиѳія Оракула Дельфійскаго не вѣщала гласомъ болѣе вдохновеннымъ и въ выраженіяхъ болѣе крупныхъ... но самое драгоцѣнное въ этой дивной статьѣ, конечно, извѣстіе, что нѣкогда явится не только вторая, но и третья часть „Мертвыхъ Душъ", и въ ней *Плюшкинъ* (одно изъ дѣйствующихъ лицъ пресловутой поэмы) торжественно произнесетъ нѣчто чрезвычайно важное, *мiрово*.

Въ статеечкѣ „Совѣты" авторъ объявляетъ публикѣ, что онъ, хотя „нисколько не умнѣе никого", но мастеръ давать превосходные совѣты, за которыми къ нему обращаются и люди незнакомые, и всѣхъ онъ, по крайнему разумѣнію своему, надѣляетъ добрыми наставленіями. Милость эта распростерлась и на читателей. Большая половина разсматриваемой книги состоитъ изъ разныхъ поученій, предлагаемыхъ догматическимъ тономъ. Авторъ убѣжденъ, что послѣ болѣзни настало для него какое-то высшее *прозрѣніе*, ясновидѣніе, и вотъ онъ, съ учительскою важностью, напутствуетъ всѣхъ различными правоученіями, весьма благонамѣренными, хотя, сказать правду, нѣсколько скучными и достаточно приторными. Несравненно съ большимъ удовольствіемъ выслушивали читатели его забавныя Малороссійскія розсказни. Быть-можетъ, болѣзнь и развила въ авторѣ наклонность къ резонерству, но, къ сожалѣнію, значительно поубавила таланта, и сообщила ему какое-то странное неумѣстное направленіе. Онъ всѣхъ учитъ и поучаетъ, всѣмъ преподаетъ уроки жизни: и помѣщику и женѣ, чѣмъ она можетъ быть для мужа въ простомъ, домашнемъ быту—и все такъ важно, съ такою непоколебимою твердостью, которая не допускаетъ никакихъ возраженій или сомнѣній.

— „Если только исполнишь въ точности все то, что теперь скажу", говоритъ онъ въ письмѣ къ одному пріятелю, то къ концу года же увидишь, что я правъ". И въ самомъ дѣлѣ, какія мудрыя наставленія!—„Негодяямъ

и пьяницамъ повели, чтобы они оказывали добрымъ мужикамъ такое же уваженіе, какъ бы старостѣ, приказчику, попу, или даже самому тебѣ. Чтобы, когда они еще издали завидятъ примѣрнаго мужика и хозяина, летѣли бы шапки съ головъ у всѣхъ мужиковъ, и все бы давало ему дорогу, а который посмѣлъ бы оказать ему какое-нибудь неуваженіе или не послушаться умныхъ словъ его, того распеки тутъ же при всѣхъ; скажи ему: ахъ ты, невымытое рыло!"

— Или: „Мужика не бей: *съвздить его въ рожу* — небольшое еще искусство; это сумѣетъ сдѣлать и становой, и засѣдатель, и даже староста; мужикъ къ этому уже привыкъ, и только что почешетъ слегка у себя въ затылкѣ. Но умѣй *пронять* его хорошенько словомъ; ругни его при всемъ народѣ .. чтобы слышала вся деревня, что лѣнтяй и пьяница есть *баба* и *орянь*. Выкопай слово еще похуже—назови всѣмъ, чѣмъ только не хочетъ быть русскій человѣкъ"... Женѣ совѣтуетъ г. Гоголь раздѣлить деньги на семь почти равныхъ кучъ для разныхъ хозяйственныхъ потребъ и „ни подъ какимъ предлогомъ не занимать изъ одной кучи въ другую... Даже и тогда, когда бы оказалась надобность помочь бѣдному человѣку, вы не можете употребить на это больше того, сколько находится въ опредѣленной на это кучѣ. Если бы даже вы были свидѣтельницею картины несчастія, раздирающаго сердце, и видѣли бы сами, что денежная помощь можетъ помочь, не смѣйте и *тогда* дотрогиваться до другихъ кучъ".

Вотъ уже это не по-христіански, и совѣтъ не добрый! Нѣсколько странно также сужденіе автора, что „жена должна знать непремѣнно существо мужниной должности, и въ чемъ состоитъ его часть, и какія дѣла случалось ему вершить въ тотъ день, и въ чемъ именно они состояли".

*) Выбранныя нами мѣста изъ этихъ „Выбранныхъ мѣстъ" достаточно познакомили читателей съ содержаніемъ и ха-

*) „Сѣверная Пчела" 1847 г., № 75.

рактеромъ новой книги Гоголя, и если не оправдали убѣжденія его въ томъ, что изданіе ея въ свѣтъ было *нужно* и *полезно*, не критика, конечно, виновата. Сколько скучно, столько и безполезно было бы продолжать выписки, хотя свода однѣхъ отборнѣйшихъ диковинокъ достало бы еще на десять добрыхъ нумеровъ „Сѣверной Пчелы". Оказавъ извѣстности и знаменитости автора „Мертвыхъ Душъ" должное вниманіе довольно подробнымъ разборомъ послѣдняго его произведенія, поспѣшимъ къ общему заключенію объ этомъ странномъ литературномъ явленіи, которое именно странностью своею долго занимало публику и журналы, и все еще не перестаетъ быть предметомъ различныхъ толковъ и сужденій. Одни считаютъ новую книгу Гоголя плодомъ разстроеннаго болѣзнію воображенія автора: другіе видятъ здѣсь крайнія выходки непомѣрнаго самолюбія, избалованнаго безусловными восторженными похвалами нѣкоторыхъ критиковъ, и въ то же время раздраженнаго рѣзкими, хотя, по собственному сознанію автора, и справедливыми замѣчаніями его противниковъ; третьи думаютъ, что онъ имѣлъ въ виду обезоружить послѣднихъ мнимою скромностью и строгимъ осужденіемъ написаннаго имъ; наконецъ, четвертые полагаютъ, что это все не что иное, какъ новый замысловатый жартъ малороссійскій, которымъ авторъ надѣялся озадачить публику и критику, запутать ихъ въ вопросахъ, надѣялся, во всякомъ случаѣ, заставить заговорить о немъ именно въ то время, когда продолжительное молчаніе его и разные слухи, приносившіеся изъ за-границы, давали поводъ думать, что литературное поприще его уже кончилось. Во всѣхъ этихъ мнѣніяхъ есть частица основанія, или, лучше сказать, всѣ эти причины вмѣстѣ могли болѣе или менѣе участвовать въ составленіи диковинной книги, но менѣе всего первая, т. е. душевное разстройство сочинителя,— ибо, какъ ни странны, и болѣе нежели странны многія мѣста знаменитой „Переписки", нельзя однакоже не замѣтить, что, помимо явной, словно умышленной парадоксальности этихъ мѣстъ, въ книгѣ господствуетъ одинъ

общіи, очевидно, обдуманный тонъ, къ чему, разумѣется, не способенъ человѣкъ, находящійся подъ вліяніемъ душевнаго разстройства. Тонъ этотъ состоитъ въ томъ, что авторъ, увѣренный въ превосходствѣ ума своего, ставитъ себя на такую высоту передъ читателями, съ которой они должны услышать рѣчи мудрости и прорицаніе высшихъ истинъ жизненныхъ, и здѣсь-то, можетъ-быть, правы тѣ, которые думаютъ, что непомѣрное самолюбіе и гордость авторская произвели на свѣтъ разсматриваемую книгу. Есть еще мнѣніе, что подъ покровомъ мнимо-болѣзненнаго духа, автору удобнѣе было высказать свои самосознанія, и вести рѣчь о памятникахъ себѣ и своемъ литературномъ безсмертіи. Такое мнѣніе едва ли не ближе другихъ къ разгадкѣ этой сфинксовой задачи. Мѣстами, хотя впрочемъ очень рѣдко, г. Гоголь невольно проговаривается, т. е. невольно забывшись, измѣняетъ своему вѣщему, вдохновенному тону, принятому, кажется, не безъ намѣренія и какого-то разсчета, и тогда разсуждаетъ здраво, иногда даже очень умно и достойно своего прежняго, не обинуясь скажемъ, замѣчательнаго дарованія. Таковы, напримѣръ, нѣкоторыя мысли въ письмѣ объ „историческомъ живописцѣ Ивановѣ“, такова почти и вся довольно большая статья: „О существѣ Русской поэзіи и ея особенности“ (стр. 198—271). Это единственно хорошая статья во всей книгѣ, и ей какъ-то неловко среди пустого, хотя и великолѣпнаго разглагольствованія и малосмысленной, хотя и громкой метафизики автора, который, будучи призванъ разсказывать забавныя повѣсти, пустился вдругъ въ философію, моральныя увѣщанія и поученія. Въ доказательство, что мы вовсе не надѣлены охотою къ безпричинному осужденію и безусловному порицанію, съ удовольствіемъ скажемъ, что въ этой статьѣ есть прекрасныя мѣста, вѣрная, мѣткая и бойкая характеристика замѣчательнѣйшихъ представителей поэзіи русской: Ломоносова, Державина, Жуковскаго, Пушкина, Дмитріева, Крылова, Фонъ-Визина, Грибоѣдова, Лермонтова и другихъ. Возьмемъ для примѣра характеристику Батюшкова, не потому, чтобъ она

была лучшая, но потому, что она коротка, и слѣдственно удобна для приведенія въ ежедневной газетѣ, не допускающей большихъ выписокъ: „Въ то время, какъ Жуковскій стоялъ еще въ первой порѣ своего поэтическаго развитія, отрѣшая нашу поэзію отъ земли и существенности, и унося ее въ область безтѣлесныхъ видѣній, другой поэтъ Батюшковъ, какъ бы нарочно ему въ отпоръ, сталъ прикрѣплять ее къ землѣ и тѣлу, выказывая всю очаровательную прелесть осязаемой существенности. Какъ тотъ терялся весь въ неясномъ еще для него самого идеальномъ, такъ этотъ весь потонулъ въ роскошной прелести видимаго, которое такъ ясно слышалъ и такъ сильно чувствовалъ. Все прекрасное во всѣхъ образахъ, даже и незримыхъ, онъ какъ бы силился превратить въ осязательную нѣгу наслажденія. Онъ слышалъ, выражаясь его же выраженіемъ, стиховъ и мыслей сладострастіе. Казалось, какъ бы какая-то внутренняя сила, пребывающая въ лонѣ поэзіи нашей, храня ее отъ крайности какого-бы то ни было увлеченія, создала этого поэта именно затѣмъ, чтобы въ то время, какъ одинъ станетъ приносить звуки сѣверныхъ пѣвцовъ Европы, другой обвѣялъ бы ее ароматическими звуками полудня, познакомивши съ Аріостомъ, Тассомъ, Петраркою, Парни и нѣжными отголосками древней Эллады: чтобы и самый стихъ, начинавшій принимать воздушную неопредѣленность, исполнился той почти скульптурной выпуклости, какая видна у древнихъ, и той звучащей нѣги, какая слышна у южныхъ поэтовъ новой Европы".—Вотъ еще нѣсколько строкъ изъ характеристики Лермонтова: „Въ немъ слышатся признаки таланта первостепеннаго; поприще великое могло ожидать его, если бы не какая-то несчастная звѣзда, которой управленіе захотѣлось ему надъ собой признать. Попавши съ самаго начала въ кругъ общества, которое справедливо можно назвать временнымъ и переходнымъ, которое, какъ бѣдное растеніе, сорвавшееся съ родной почвы, осуждено было безрадостно носиться по степямъ, слыша само, что не прирости ему ни къ какой другой почвѣ, и его жребій завянуть и пропасть,—

онъ уже съ раннихъ поръ сталъ выражать то раздирающее сердце равнодушіе, которое не слышалось ни у кого изъ нашихъ поэтовъ. Безрадостныя встрѣчи, безпечальныя разставанія, странныя, безсмысленныя любовныя узы, неизвѣстно зачѣмъ заключаемыя и неизвѣстно зачѣмъ разрываемыя, стали предметомъ стиховъ его, и подали случай Жуковскому весьма вѣрно опредѣлить существо этой поэзіи словомъ *безочарованіе*... Признавши надъ собою власть какого-то обольстительнаго демона, поэтъ покушался не разъ изобразить его образъ, какъ-бы желая стихами отъ него отдѣлаться. Образъ этотъ не вызначенъ опредѣлительно, даже не получилъ того обольстительнаго могущества надъ человѣкомъ, которое онъ хотѣлъ ему придать. Видно, что выросъ онъ не отъ собственной силы, но отъ усталости и лѣни человѣка сражаться съ нимъ... Ни одно стихотвореніе не выносилось въ немъ, не возлелѣялось чадолюбно и заботливо, не устоялось и не сосредоточилось въ себѣ самомъ; самый стихъ не получилъ еще своей собственной твердой личности, и блѣдно напоминаетъ то стихъ Жуковскаго, то Пушкина — повсюду излишество и многорѣчіе... Въ его сочиненіяхъ прозаическихъ гораздо больше достоинства. Никто еще не писалъ у насъ такою правильною, прекрасною и благоуханною прозою. Тутъ видно больше углубленія въ дѣйствительность жизни—готовился будущій великій живописецъ русскаго быта. . Но внезапная смерть вдругъ его отъ насъ унесла... Слышно страшное въ судьбѣ нашихъ поэтовъ.. Какъ только кто-нибудь изъ нихъ, упустивъ изъ виду свое главное поприще и назначеніе, бросался на другое, гдѣ не слѣдуетъ ему быть, и гдѣ нѣтъ мѣста для поэта,—внезапная, насильственная смерть вырывала его вдругъ изъ нашей среды. Три первостепенныхъ поэта: Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, одинъ за другимъ, въ виду всѣхъ были похищены насильственною смертью, въ теченіе одного десятилѣтія, въ самой порѣ цвѣтущаго мужества, въ полномъ развитіи силъ своихъ..." Скажите, есть ли какое сходство между этими умными и даже краснорѣчивыми сужденіями, и

прежними нашими выписками изъ другихъ статей той же книги? Кажется, будто послѣдними авторъ морочилъ своихъ читателей, и не одному перу принадлежатъ тѣ и другія. И упрекнутъ ли насъ въ несправедливости г. Гоголь и его поклонники? Строго преслѣдовали мы все вздорное въ его книгѣ, но лишь отыскали въ ней, признаемся, уже нежданно, единственную хорошую статью, спѣшимъ обратить на достоинство ея самое благосклонное вниманіе читателей, чего, мимоходомъ сказать, не сдѣлали прежніе приверженцы нашего автора: они, напротивъ, сильно разгнѣвались на него за его скромныя сознанія и за отверженіе ихъ преувеличенныхъ похвалъ... теперь обратившихъ въ нещадное и самое невеликодушное порицаніе... Забавно видѣть, какъ эти гг., недавніе восторженные хвалители Гоголя, мгновенно поворотили противъ него артиллерію своей критики, и вотъ еще вчерашній ихъ идеалъ литературнаго величія вдругъ сталъ для нихъ предметомъ ядовитыхъ насмѣшекъ и мишенью журнальной стрѣльбы, удвоенными зарядами... Что же, послѣ этого, прочно подъ луною?.. Впрочемъ, говоря правду, и было за что разсердиться!.. Сочиненіе г. Гоголя, приверженцами его поставленныя во главѣ всей русской литературы, старой и современной,—знаменитыя „Мертвыя Души“, толико прославленныя и которымъ для безсмертія недоставало только жизни, эта дивная поэма, провозглашенная первымъ романомъ, лучшимъ повѣствовательнымъ сочиненіемъ русскимъ,—этотъ великій писатель, основатель „новой литературной школы“ — виновникъ мнимаго переворота въ Изящной Словесности нашей,—внезапно получаютъ иную оцѣнку, и не со стороны какого-нибудь критика, принявшаго на себя трудъ добросовѣстно рѣшить спорный вопросъ, а со стороны самого г. Гоголя, торжественно объявляющаго въ разсматриваемой книгѣ, что онъ „рожденъ вовсе не затѣмъ, чтобы произвести эпоху въ области литературной, и что упоминаемая поэма его, „Мертвыя Души“, есть произведеніе весьма слабое и несовершенное.“ Вотъ что, между прочимъ, говоритъ г. Гоголь въ „Пись-

махъ по поводу Мертвыхъ Душъ"... „Въ критикахъ Булгарина, Сеньковскаго и Полевого есть много справедливаго, начиная даже съ даннаго мнѣ совѣта поучиться прежде русской грамотѣ, а потомъ уже писать. Въ самомъ дѣлѣ, если бы я не торопился печатаніемъ рукописи и подержалъ ее у себя съ годъ, я бы увидѣлъ потомъ и самъ, что въ такомъ неопрятномъ видѣ ей никакъ нельзя было являться въ свѣтъ... Ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало выдавать сочиненія, которое хотя выкроено было недурно, но сшито кое-какъ, бѣлыми нитками, подобно платью, приносимому портнымъ, только для примѣрки. Дивлюсь только тому, что мало было сдѣлано упрековъ въ отношеніи къ искусству и творческой наукѣ... Слѣдовало показать, какія части чудовищно длинны въ отношеніи къ другимъ, гдѣ писатель измѣнилъ самому себѣ, не выдержавъ своего собственнаго, уже принятаго тона Никто не замѣтилъ даже, что послѣдняя половина книги обработана меньше первой, что въ ней великіе пропуски, что главныя и важныя обстоятельства сжаты и сокращены, неважныя и побочныя распространены, что не столько выступаетъ внутренній духъ всего сочиненія, сколько мечется въ глаза пестрота частей и лоскутность его... Неужели мнѣ говорить, что меня притиснули обстоятельства, и, желая добыть необходимыя для моего прожитія деньги, я долженъ былъ торопиться безвременнымъ выпускомъ моей книги?" — Каково было восторженнымъ хвалителямъ Гоголя слышать изъ собственныхъ устъ его подобныя признанія о книгѣ, въ которой они видѣли образецъ какого-то недосягаемаго совершенства, и не усмотрѣли ни одного недостатка. Попавшись такимъ образомъ впросакъ, поистинѣ, стоило больно разсердиться, особенно когда авторъ тутъ же прибавляетъ, что онъ „краснѣлъ даже отъ изъясненіи ихъ въ его пользу, видя, что всѣ мѣста, гдѣ ни заикнулся онъ неопредѣленно о писателѣ, были отнесены на его счетъ.

Въ этихъ же „Письмахъ по поводу Мертвыхъ Душъ" авторъ опредѣляетъ самого себя, какъ писателя.—„Обо

мнѣ много толковали", говоритъ онъ, „разбирая кое-какія мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣлили. Его слышалъ одинъ Пушкинъ. Онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять такъ ярко *пошлость* жизни, умѣть очертить въ такой силѣ *пошлость пошлаго* человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ изъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ. Вотъ мое главное свойство, одному мнѣ принадлежащее, и котораго точно нѣтъ у другихъ писателей... Это свойство выступило съ большею силою въ „Мертвыхъ Душахъ". „Мертвыя Души" не потому такъ испугали многихъ и произвели такой шумъ, чтобы онѣ раскрывали какія-нибудь раны общественныя или внутреннія болѣзни, и не потому также, чтобы представили потрясающія картины торжествующаго зла и страждущей невинности. Ничуть не бывало. Герои мои вовсе не злодѣи: прибавь я только одну добрую черту къ любому изъ нихъ, читатель помирился бы съ ними всѣми. Но *пошлость всего вмѣстѣ* испугала читателей. Испугало ихъ то, что одинъ за другимъ слѣдуютъ у меня герои, одинъ пошлѣе другого, что *нѣтъ ни одного утѣшительнаго явленія*, что негдѣ даже и пріотдохнуть, или перевести духъ бѣдному читателю, и что по прочтеніи всей книги кажется, какъ бы вышелъ изъ какого-то душнаго погреба на Божій свѣтъ... Никто изъ читателей моихъ не зналъ того, что, смѣясь надъ моими героями, онъ смѣялся надо мною. Во мнѣ не было одного какого-нибудь слишкомъ сильнаго порока, который бы высунулся виднѣе всѣхъ моихъ прочихъ пороковъ, все равно, какъ не было также никакой картинной добродѣтели, которая могла бы придать мнѣ какую-нибудь *картинную наружность*; но за то, вмѣсто того, во мнѣ заключалось собраніе всѣхъ возможныхъ гадостей, каждой понемногу, и при томъ въ такомъ множествѣ, въ какомъ я еще не встрѣчалъ доселѣ ни въ одномъ человѣкѣ".

Въ другомъ мѣстѣ тѣхъ же Писемъ, въ порывѣ какого то страннаго уничиженія собственной личности, авторъ

укоряетъ себя (стр. 140) въ „презрѣнной слабости характера, въ подломъ малодушіи“. Къ чему это циническое униженіе себя (паче гордости)?.. Много толкуя о своихъ „Мертвыхъ Душахъ“, авторъ (какъ и во всей книгѣ) часто впадаетъ въ противорѣчія. Такъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ онъ, будто-бы, при появленіи „Мертвыхъ Душъ“, „русскаго человѣка испугала его *ничтожность* (?) болѣе, нежели всѣ его пороки и недостатки“, а въ другомъ мѣстѣ признается, что „Мертвыя Души“ только „карикатура и выдумка“, и что вся книга эта „не болѣе, какъ *недоносокъ*“...

Таково содержаніе, таковъ характеръ и таковы странности „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями Николая Гоголя“. Извѣстность автора, толки, возбужденные въ публикѣ и журналахъ появленіемъ этой диковинной книги, обязывали насъ къ подробному и, какъ читатели видѣли, безпристрастному о ней отчету. Но теперь, когда личное вмѣшательство г. Гоголя въ противоположныя о немъ сужденія еще болѣе прежняго запутало хитрый вопросъ о дѣйствительномъ значеніи и достоинствѣ его произведеній, со всѣхъ сторонъ слышатся слова: да что же такое въ самомъ дѣлѣ эти произведенія, много лѣтъ выхваляемыя одними, строго осуждаемыя другими, и въ томъ числѣ строже всѣхъ самимъ авторомъ?—Мудреный вопросъ этотъ можетъ быть, если не окончательно разрѣшенъ, то, по крайней мѣрѣ, значительно поясненъ правдивымъ и вполнѣ добросовѣстнымъ разборомъ всѣхъ произведеній Гоголя, разборомъ, чуждымъ всякаго увлеченія въ ту или другую сторону. Въ непродолжительномъ времени надѣемся представить читателямъ „Сѣверной Пчелы“ „медіаторское мнѣніе ея по сему спорному вопросу“. Не ручаемся за безошибочность сужденія нашего, но постараемся, чтобы оно удовлетворяло сказанному условію безпристрастія и строгой истины. Начнемъ съ знаменитой поэмы „Мертвыя Души“, такъ какъ въ недавнемъ времени явилось второе изданіе этой книги. Ближайшее изслѣдованіе вопроса о сочиненіяхъ г. Гоголя будетъ тѣмъ болѣе

кстати, что съ нимъ соприкасается общій вопросъ о направленіи тѣхъ дѣйствователей современной литературы русской, которые провозгласили этого писателя своимъ вожатымъ, и, не усвоивъ себѣ ни одного изъ его достоинствъ, сумѣли перенять только его недостатки и ложныя воззрѣнія на предметы жизни и искусства... Что касается собственно г. Гоголя, онъ, конечно, долженъ остаться довольнымъ. Знаменитый Али-Паша Янинскій говаривалъ: „Пусть ненавидятъ, лишь бы боялись!“ Почему же и г. Гоголю не повторить за Али-Пашею: пусть осуждаютъ, лишь бы толковали“,—и если бъ извѣстность и слава литературная были одно и то же, онъ смѣло могъ бы считать себя у пристани такъ же, какъ и мы, люди мелкіе, можемъ сказать теперь: *берегъ!*

Изъ „Сѣверной Пчелы“ за 1847 г. Статья Я. Я. Я. (Л. Бранта).

*

*) Всѣмъ извѣстно, что Гоголь въ послѣднее время подвергся странному перевороту. Объ этомъ переворотѣ много говорили, толковали, разсуждали до выхода „Переписки съ друзьями“. Когда книга г. Гоголя вышла, журналы принялись разбирать ее: одни похвалили, другіе пожурили. Публика прочла эти рецензіи (а иныхъ, можетъ-быть, и не читала), потомъ забыла ихъ и книгу. Если она не забыла книги, то, по крайней мѣрѣ, перестала говорить о ней. Вопросъ о Гоголѣ былъ преданъ забвенію, какъ вдругъ князь Вяземскій напечаталъ въ Санктпетербургскихъ Академическихъ Вѣдомостяхъ статью, которая опять подняла всѣ прежніе толки, опять обратила вниманіе на вопросъ о Гоголѣ. Статья князя Вяземскаго замѣчательна во многихъ отношеніяхъ; въ ней столько же

*) „Сѣверная Пчела“ 1847 г., № 107. „Русская Литература“. Статья Вр. Пск.

ложныхъ положеній, сколько правды, и мы думаемъ, что поспорить съ нимъ насчетъ Гоголя—значитъ, въ теперешній литературный застой, оказать услугу читателямъ...

Для этого мы прежде всего должны познакомить читателей нашихъ со статьею князя Вяземскаго. Мы думаемъ, что для этого знакомства всего лучше выписать изъ нея какъ можно больше отрывковъ. При такихъ выпискахъ никто не укоритъ насъ въ невѣрности или искаженіи текста. Вотъ почему, для полнаго объясненія съ читателемъ, мы выписываемъ все начало (или первый параграфъ) статьи.

„Кто только не совершенно чуждъ событіямъ русскаго литературнаго міра, тотъ могъ встрѣтить здѣсь наступившій годъ съ двумя впечатлѣніями разнородными, но равно рѣзко и глубоко означившимися. Одно изъ нихъ порождало въ насъ печальное и безнадежное сочувствіе, которымъ потрясается и изнемогаетъ душа при утратѣ, на которую смерть наложила свою печать несокрушимую.

„Другое отзывалось въ насъ звучнымъ выраженіемъ жизни и открывало предъ нами въ области мышленія свѣтлыя просѣки, пробуждало въ насъ новые вопросы, новыя ожиданія. Въ первый день 1847 года пронеслась въ Петербургѣ скорбная вѣсть о кончинѣ поэта Языкова, и появилась новая книга Гоголя. По крайней мѣрѣ, я въ этотъ день узналъ, что не стало Языкова, и прочелъ нѣсколько страницъ изъ „Переписки съ друзьями“, гдѣ, между прочимъ, *начертана* вѣрная оцѣнка дарованію Языкова. Эти строки обратились какъ бы въ надгробное слово о немъ, въ свѣтлыя и умилительныя о немъ поминки. Это извѣстіе, это чтеніе, эти два событія слились во мнѣ въ одно нераздѣльное чувство. Здѣсь настоящее открываетъ передъ нами новое будущее; тамъ оно навсегда замыкаетъ прошедшее, намъ милое и родное. Тамъ событіе совершившееся и высказавшее намъ послѣднее свое слово, нынѣ опустѣвшее и внезапно заглохшее непробуднымъ молчаніемъ. Здѣсь событіе возникающее, и притомъ озаренное неожиданнымъ разсвѣтомъ. На немъ пробуждается пере

движеніе, новая жизнь. Слышатся новые глаголы, еще смутные, отрывчатые; но уже сознаемъ, что, когда настанетъ время, симъ глаголамъ суждено слиться въ стройное и выразительное согласіе созрѣвшаго и полнаго убѣжденія".

Таковъ первый параграфъ (или предисловіе) статьи. Въ немъ нѣтъ ничего, кромѣ кудрявыхъ, приглаженныхъ фразъ, и мы съ намѣреніемъ выписали его цѣликомъ, чтобы читатели наши могли сами видѣть и судить, какъ пишетъ теперь князь Вяземскій. Въ этихъ пятидесяти строкахъ столько чудесъ, сколько вы не найдете ихъ въ иной цѣлой книгѣ. Какъ хороши эти *свѣтлыя проблески въ области мышленія!* Какъ удивительно хороши *свѣтлыя полинки!* Какъ неподражаемо это новое *будущее* (какъ будто можетъ быть *старое* будущее)! Какъ изумительно хорошо это *поприще, внезапно заглохшее непробуднымъ молчаніемъ!* Фразы эти неподражаемы, но нисколько не объясняютъ дѣла; даже нѣсколько вредятъ ему, потому что читатель, ничего въ нихъ не понимая, получаетъ, съ перваго раза, самое невыгодное понятіе о всей статьѣ.

За предисловіемъ слѣдуетъ пунктъ *второй*, въ которомъ говорится объ Языковѣ. Мы не станемъ выписывать изъ этого параграфа ничего: ни гиперболъ, ни преувеличенныхъ похвалъ, ни софизмовъ. Мы хотимъ говорить только о Гоголѣ. Вотъ какъ критикъ начинаетъ рѣчь собственно о Гоголѣ, въ пунктѣ третьемъ.

„Прежде, нежели начать подробный разборъ книги Гоголя, поспѣшимъ сказать о ней наше мнѣніе вообще. Оно будетъ заимствовано изъ словъ самого автора: *она была нужна*. Это лучшая похвала книгѣ. Такъ, нуженъ былъ переломъ. Переломъ этотъ тѣмъ полезнѣе, что противодѣйствіе истекло изъ той же силы, которая невольно, но не менѣе того, всеувлекательнымъ стремленіемъ *дала надлежащее направленіе*. (Замѣтьте это, господа читатели!) — Объяснимъ свою мысль. На авторѣ лежала обязанность не двусмысленно, не сомнительно, а гласно и, такъ сказать, торжественно разорвать съ частью своего прошлаго,

то-есть не столько своего собственнаго прошлаго, сколько того, которое ему придали, съ одной стороны, безусловные и чрезмѣрные поклонники, а съ другой, многочисленные и часто неудачные подражатели. Тѣ и другіе сильно опутали и оговорили отвѣтственность его Я всегда былъ (а теперь что?) того мнѣнія, что Гоголь самъ по себѣ и самъ за себя дарованіе необыкновенное: что онъ занимаетъ *свѣтлое* (ну, это не подвержено сомнѣнію) и высокое мѣсто въ литературѣ нашей, но вмѣстѣ съ тѣмъ, что, какъ родоначальникъ школы, во что хотѣли возвести его, онъ былъ не только не у мѣста но даже вреденъ. Отдѣльный голосъ его имѣлъ прекрасное и полезное значеніе. Но на бѣду его голосовъ подтянули ему, и все дѣло испортили. Рано или поздно, Гоголь, съ своимъ мѣткимъ и разсудительнымъ умомъ, долженъ это почувствовать и опомниться. Нѣтъ сомнѣнія, что на крутой поворотъ его, который такъ всѣхъ удивилъ и многихъ сбилъ съ толку, подѣйствовали не столько озлобленные противники, сколько бѣшеные приверженцы его. Чему могъ научиться онъ отъ хулителей своихъ? Ровно ничему“.

Посмотрите, сколько въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ противорѣчій съ тѣмъ, что есть на самомъ дѣлѣ. *Книга была нужна*, говоритъ князь Вяземскій, потому что Гоголь былъ обязанъ *разорвать* съ частію того прошедшаго, которое придали ему его поклонники и подражатели. Но Гоголь нигдѣ этого не сдѣлалъ. Онъ просто признаетъ *безполезность и плохую отдѣлку прежнихъ сочиненій*; больше вы ничего не найдете во всей книгѣ. Почему писалъ онъ безполезныя книги? Этого онъ нигдѣ не объясняетъ. Почему плохо отдѣлывалъ ихъ? Въ этомъ винитъ друзей своихъ, но не поклонниковъ и подражателей. „Какая странная мода завелась теперь на Руси! Самъ человѣкъ лежитъ на боку, къ дѣлу настоящему лѣнивъ, а торопитъ... Чуть замѣтятъ, что хоть одинъ человѣкъ занялся серіозно какимъ-нибудь дѣломъ, ужъ его торопятъ со всѣхъ сторонъ...“ (*Переписка*, стр. 148 и 149). Кажется ясно? Хвалители и подражатели Гоголя ни мало не торопили его:

они преспокойно, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, пѣли все одну и ту же пѣсню про „Мертвыя Души“ и про неисчислимыя красоты великой *поэмы*. Они до сихъ поръ еще не справились съ нею, и написали бы о ней еще нѣсколько *рядовъ статей*. За что же сваливать съ больной головы на здоровую? Въ крутомъ поворотѣ Гоголя они не участвовали; *крутой поворотъ* произошелъ оттого, что Гоголь вдругъ иначе взглянулъ на жизнь, а почему иначе взглянулъ онъ на жизнь? И на это находимъ отвѣтъ въ его *Перепискѣ*, на страницахъ 150, 151 и 152. Гоголь весьма ясно говоритъ (на стр. 153), что надѣется на Того, Кто горемъ, недугами и препятствіями ускорилъ развитіе силъ и мыслей его, а на стр. 154, продолжая эту фразу, онъ прибавляетъ, что *безъ нихъ* онъ и не замыслилъ бы новаго труда своего. Стало быть, если бъ Гоголь *не видалъ передъ собою смерти* (стр. 151), то не совершился бы и *крутый поворотъ*, объясняемый критикомъ такъ неосновательно. Объясненіемъ своимъ почтенный авторъ грѣшитъ противъ самого Гоголя, не вѣря ему и отыскивая другихъ причинъ, кромѣ показанныхъ самимъ Гоголемъ. Какъ было бы смѣшно и жалко смотрѣть на этотъ крутой поворотъ, если бъ Гоголь рѣшился на него единственно изъ желанія *разорвать съ литературными шарлатанами*, которымъ нужны блестящіе ярлыки, чтобы сбывать свои ничтожныя снадобья.

Все, что говоритъ критикъ о натуральной школѣ, ея ошибкахъ и ложномъ направленіи, объ ея безобразіи и вредѣ, совершенно справедливо и притомъ превосходно выражено; тутъ онъ не гоняется за фразами, слово его остро и брѣетъ какъ бритва. Но онъ опять впадаетъ въ ошибку, общую съ *натуралистами*, когда опредѣляетъ мѣсто Гоголя въ нашей литературѣ, а дѣло это *теперь* уже рѣшенное. Пушкинъ говорилъ, *что ни у одного писа-* [illegible] *пошлость* [illegible] пошлость пошлаго человѣка [illegible] *которая* [illegible]. Къ этому Гоголь

прибавляетъ: „Вотъ мое главное свойство, одному мнѣ принадлежащее" (стр. 142). Мнѣніе Пушкина и сознаніе Гоголя совершенно опровергаютъ слова князя Вяземскаго, выписанныя нами выше. Гоголь живописецъ мелочныхъ пошлостей, живописецъ, не всегда вѣрный, потому что у него *мелочи* становятся *крупными*. Онъ дѣйствительно мастерски подмѣчаетъ, схватываетъ пошлости, но и преувеличиваетъ ихъ. Точно такое же мѣсто занимаетъ Поль-де-Кокъ во французской литературѣ, тотъ несчастный у насъ Поль-де-Кокъ, котораго мы ставимъ слишкомъ низко, потому что не можемъ понимать его значенія.

Въ тѣхъ же фразахъ, которыя мы выписали выше, почтенный критикъ спрашиваетъ: чему могъ научиться Гоголь отъ своихъ хулителей? и тутъ же рѣшительно отвѣчаетъ: *ровно ничему!* Коротко и ясно, но справедливо ли? Въ этомъ лучшій судья самъ Гоголь; послушаемъ его.

„Въ критикахъ Булгарина, Сенковскаго и Полевого есть *много справедливаго*, начиная даже съ даннаго мнѣ совѣта научиться прежде русской грамотѣ, а потомъ уже писать. Въ самомъ дѣлѣ, если бъ я не торопился печатаніемъ („Мертвыхъ Душъ") и подержалъ бы у себя годъ, я бы увидѣлъ потомъ и самъ, что въ такомъ *неопрятномъ видѣ* ей никакъ нельзя было являться въ свѣтъ. Самыя эпиграммы и насмѣшки *надо мною мнѣ были нужны*" (стр. 131).

Послѣ этого искренняго признанія Гоголя, признанія весьма рѣдкаго въ авторахъ, какъ смѣшно кажется это рѣшительное: *ровно ничему!*

Переходя къ новой книгѣ Гоголя, почтенный критикъ пишетъ:

„Какъ ни оцѣнивай этой книги (т.-е. эту книгу), съ какой точки зрѣнія ни смотри на нее, а все придешь къ заключенію, что *книга въ высшей степени замѣчательная. Она событіе литературное* и психологическое. А у насъ эти событія рѣдки".

Но посмотрите на эту книгу попристальнѣе, повнимательнѣе, безъ всякой ненависти и лести, что въ ней?

Она начинается *завѣщаніемъ*, которому дана уже слишкомъ печальная извѣстность. Самъ князь Вяземскій сознался, что *завѣщанію не должно было бы войти въ составъ книги*. Противъ этого мы спорить не станемъ, и исключимъ изъ *Переписки* первыя 15 страницъ.

Вторая статья, *Женщина въ свѣтѣ*, по мнѣнію критика, заключаетъ въ себѣ много свѣжести, прелести и глубокаго вѣрованья въ назначеніе женщины въ обществѣ. Но разберемъ смыслъ ея: авторъ совѣтуетъ женщинѣ, которую природа одарила красотой, и *которой голосъ пріобрѣлъ уже какіе-то родные звуки всѣмъ* (?) „дѣйствовать на общество этими красотою и голосомъ“. „Вамъ ли бояться жалкихъ соблазновъ свѣта? Входите въ него, какъ въ больницу, наполненную страждущими, *но не въ качествѣ доктора*, приносящаго строгія предписанія и горькія лѣкарства, *и даже не съ тѣмъ, чтобъ разсматривать, какими болѣзнями кто боленъ*. Ваше дѣло только приносить страждущимъ улыбку, да тотъ голосъ, въ которомъ слышится человѣку прилетѣвшая съ небесъ его сестра, — ничего больше. Не останавливайтесь долго надъ одними, и спѣшите къ другимъ, потому что вы повсюду нужны. Увы! на всѣхъ углахъ міра ждутъ и не дождутся ничего другого, какъ только тѣхъ родныхъ звуковъ того самаго голоса, который у васъ есть“.

Понимаете ли, въ чемъ тутъ дѣло? Страждущихъ женщина должна лѣчить кокетствомъ, и недолго оставаться надъ однимъ! Какой разсудительный человѣкъ не согласится, что эта мысль, плодъ разстроеннаго воображенія, столько же смѣшна, сколько неудобоисполнима, и притомъ выражена весьма неудачно. Намъ кажется, что вся эта статья просто шутка: ея не слѣдовало печатать.

Въ третьей статьѣ, „О значеніи болѣзней“, содержится великая истина, но извѣстная уже двѣ тысячи лѣтъ. Новая мысль въ этой статьѣ только одна: „Здоровье, которое безпрестанно подталкиваетъ русскаго человѣка на какіе-то прыжки и желаніе порисоваться своими качествами передъ другими, заставило бы меня надѣлать уже тысячу

глупостей“. Правда, эта мысль ужъ совершенно новая, но для нея не стоило печатать статью.

Статья IV. „О томъ, что такое слово“. Наборъ общихъ мѣстъ, въ которыхъ одна фраза хороша: „Опасно шутить писателю со словомъ“ (стр. 33). Правда, но кто же этого не знаетъ?

V. „Чтеніе русскихъ поэтовъ передъ публикой“. Гоголь думаетъ, что публичныя чтенія у насъ необходимы, и предлагаетъ для этого — русскихъ поэтовъ стараго времени, а не современныхъ. Попробуйте, если найдете чтецовъ и поэтовъ, достойныхъ публичнаго чтенія. Нельзя читать людямъ элегіи, сонеты и антологическія произведенія, а капитальныхъ созданій у насъ не достанетъ на три вечера.

VI. „О помощи бѣднымъ“. Тутъ разсказывается неоспоримая истина, что помогать надобно именно тому, кто наиболѣе нуждается; давши деньги, надобно наблюдать, чтобы онѣ пошли на пользу, потому что *русскій человѣкъ съ горя можетъ прокутить вдругъ то, что ему дано на долговременное содержаніе* (стр. 40). Такіе совѣты весьма полезны, но кто ихъ не давалъ и не получалъ? что въ нихъ новаго?

VII. *Объ Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ*. По словамъ князя Вяземскаго, тутъ воображеніе Гоголя строитъ воздушные замки и срываетъ золотыя яблоки съ небывалыхъ деревьевъ. Раскусите эту фразу съ золотыми яблоками, и вы поймете, что Гоголь увлекся, ошибся, преувеличилъ и *развелъ зернышко въ рѣпу*. (Это изреченіе Гоголя приводитъ самъ князь Вяземскій и примѣняетъ къ этой статьѣ). Зачѣмъ же было печатать такую статью? Почему друзья не сказали автору, что не слѣдуетъ показывать публикѣ странную операцію срыванія яблоковъ съ небывалыхъ деревъ? Князь Вяземскій называетъ приверженцевъ Гоголя бѣшеными за то, что они слишкомъ и неумѣстно хвалили его, а умолчалъ о похвалахъ, расточаемыхъ Гоголемъ В. А. Жуковскому, о похвалахъ истинно-гомерическихъ, какихъ не слыхали съ тѣхъ поръ, какъ изобрѣтено книгопечатаніе. Вообще статья объ Одиссеѣ была давно уже напеча-

тана въ Москвѣ, потомъ перепечатана въ Петербургѣ (въ „Современникѣ“ г. Плетнева), и тогда же разумные люди начали подозрѣвать *крутой поворотъ*, совершонный Гоголемъ, начали толковать о немъ, иные съ искреннимъ неподдѣльнымъ сожалѣніемъ, другіе съ злыми насмѣшками и непростительнымъ равнодушіемъ. Поэтому князь Вяземскій опять ошибается, когда говоритъ: „Объ этомъ (т. е. о духовномъ преобразованіи Гоголя) знали только нѣкоторые пріятели, повѣренные его сердечныхъ исповѣдей. Для нихъ появленіе книги Гоголя — совершеніе ожиданнаго событія. Но публика не была сообщницею въ этой тайнѣ, и вотъ что многихъ сердитъ, потому что мы не любимъ, когда насъ застаютъ врасплохъ“. Нѣтъ, тутъ искажено дѣло: перемѣну въ Гоголѣ знала *читающая* публика, и появленіе книги Гоголя никого не удивило. Не знали, какія именно статьи въ ней будутъ, но подозрѣвали уже ихъ духъ, ихъ направленіе. Статья объ Одиссеѣ измѣнила тайнѣ Гоголя и друзей его.

VIII и IX. „Нѣсколько словъ о нашей Церкви и духовенствѣ“. Въ обѣихъ статьяхъ, если не считать пробѣловъ, только шесть страницъ.

X. „О лиризмѣ нашихъ поэтовъ“. Лучшая статья въ книгѣ, но все-таки не *литературное событіе*. Такихъ статей можно найти нѣсколько, особенно въ послѣдніе годы, въ нашихъ журналахъ. Она замѣчательна тѣмъ, что тутъ нѣтъ ни великихъ истинъ ни общихъ мѣстъ, а взглядъ вѣрный, безпристрастный, довольно глубокій.

XI. „Споры“. Загадка. Въ ней говорится о какомъ-то сочиненіи, которое намѣревается писать *какой-то авторъ весьма въ лѣтахъ*. Любопытнаго тутъ одно объявленіе, что славянисты хвастуны (стр. 87). Сказано, но не доказано; такіе рѣшительные приговоры надо подкрѣплять доказательствами. Желательно знать, что пойметъ изъ этой статьи читатель, не посвященный въ тайну объ изданіи *неизвѣстной книги?* Зачѣмъ печатать такія загадки?

XII. „Христіанинъ идетъ впередъ“...

XIII. „О Карамзинѣ“. Изъ этой статьи вы узнаете, что

Карамзинъ на данные ему пять талантовъ принесъ другіе пять талантовъ, и что похвальное слово Карамзину есть лучшее изъ сочиненій Погодина въ отношеніи къ *благопристойности*, какъ внутренней, такъ и внѣшней. Въ немъ нѣтъ его обычныхъ *грубо-неуклюжихъ замашекъ* и *торопливаго неряшества слога*“. Видите ли, какъ самый смиренный человѣкъ замѣчаетъ сучецъ въ окѣ брата своего, а въ своемъ не видитъ бревна? Не намъ защищать М. П. Погодина: мы замѣчали въ немъ иногда неряшество выраженій, но никогда не замѣчали неряшества идей.

Какъ холодно, сухо и вяло говоритъ Гоголь о Карамзинѣ! Какія плохія, ничтожныя похвалы, если сравнить ихъ съ похвалами Жуковскому! Между тѣмъ, кто же изъ насъ не чувствуетъ, не понимаетъ, какое разстояніе между этими двумя писателями, относительно вліянія ихъ на націю, на *русскаго человѣка* (употребляемъ любимое выраженіе Гоголя).

XIV. „О театрѣ и объ односторонности“. Тутъ Гоголь сражается съ вѣтряными мельницами, и доказываетъ, что театръ ни въ чемъ не виноватъ. Да кто же объ этомъ споритъ? Въ этой же статьѣ Гоголь, ни къ селу ни къ городу, оправдываетъ Пушкина отъ самаго нелѣпаго обвиненія, отъ обвиненія въ *осизмѣ*. Ну, стоитъ ли тратить слова и время на опровержение такихъ безразсудныхъ предположеній? Самъ авторъ тутъ же говоритъ, что обвинитель былъ безталантливъ, и не могъ пустить въ ходъ подобную ложь; стало-быть, нечего заниматься такимъ вздоромъ. Подобныя пренія называютъ пустословіемъ, допускаются они только въ толстыхъ журналахъ, гдѣ нечего печатать, а не въ книгѣ, которая, по словамъ почтеннаго критика, есть событіе литературное и психологическое.

Мы не дошли еще до половины книги, а ужъ такъ устали, что не можемъ далѣе просматривать каждую статью. Утомительная и неблагодарная работа! Мы хотѣли только показать, какъ пристрастенъ остроумный критикъ, когда называетъ этотъ сборникъ общихъ мѣстъ *литера-*

мѣрнымъ событіемъ. Новаго тутъ ничего нѣтъ; есть нѣсколько неслыханныхъ мыслей, но такихъ странныхъ, что лучше было и не печатать ихъ. Отъ такихъ мыслей поклонники Гоголя могутъ прійти въ отчаяніе. Вѣдь, нельзя не пожалѣть о человѣкѣ, когда видишь, что онъ доходитъ до границъ невозможнаго, а другіе радуются, глядя на безобразный плодъ разстроеннаго воображенія.

Намъ остается рѣшить послѣдній вопросъ: *чего можемъ мы ждать отъ Гоголя?*

Князь Вяземскій ждетъ отъ него очень многаго, и говоритъ: „Не только въ проповѣдяхъ и нравственныхъ размышленіяхъ, но и въ помыслахъ воображенія, въ романѣ, въ драмѣ, въ сатирѣ, слово можетъ быть проникнуто, пропитано *чистотою* и *любовью.* Этого слова, въ какихъ бы объемахъ ни было, — вольному воля! — ожидаемъ отъ Гоголя и болѣе, *нежели когда-нибудь*, мы вправѣ ожидать отъ него.

Увы! думаемъ, что и тутъ почтенный критикъ ошибается, какъ и во всемъ прежнемъ. *Меньше нежели когда-нибудь* мы можемъ ожидать отъ Гоголя произведеній, которыя были бы выше и лучше прежнихъ. Мы основываемъ сужденіе наше на его *Перепискѣ.* Уже теперь забылъ онъ золотое правило, которое самъ напечаталъ на 31 страницѣ своей новой книги:

„Чѣмъ истины выше, тѣмъ нужно быть осторожнѣе съ ними; иначе онѣ *вдругъ обратятся въ общія мѣста, а общимъ мѣстамъ уже не вѣрятъ*“.

Такъ пишетъ онъ, а между тѣмъ дѣлаетъ совсѣмъ противное. Въ новой его книгѣ все общія мѣста. Неужели то же будетъ и въ послѣдующихъ его произведеніяхъ?

Если онъ перемѣнитъ направленіе, бросится въ общія мѣста, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ лишится своихъ приверженцевъ, и потеряетъ то вліяніе, которое ему доставили именно неумѣренныя журнальныя похвалы приверженцевъ, называемыхъ почтеннымъ критикомъ *близкими.*

Если же онъ воспользуется пребываніемъ за-границею, (что не можетъ не дать ему вѣрнаго воззрѣнія на чело-

вѣка вообще и на *русскаго* въ особенности), если позаботится не торопиться (то-есть будетъ отдѣлывать свои сочиненія, и не выпускать ихъ въ свѣтъ въ неопрятномъ видѣ), если будетъ видѣть не одного *пошлаго* человѣка, но человѣка, какъ онъ есть, то нѣтъ сомнѣнія, что мы выиграемъ только отъ *крутого поворота*.

Если случится послѣднее, мы, на основаніи 7-го пункта завѣщанія Гоголя, купимъ нѣсколько его портретовъ, подъ которыми будетъ выставлено: *гравировалъ Іордановъ*; заставимъ нѣсколькихъ друзей тоже купить нѣсколько портретовъ, въ полной увѣренности, что такое пріобрѣтеніе доставитъ имъ удовольствіе. Но если случится первое, мы станемъ читать „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“ и „Миргородъ“, и утѣшать себя мыслію и радоваться, что *крутой поворотъ* произошелъ въ Гоголѣ не раньше. Вѣдь, мы могли бы и все потерять!

„Сѣверная Пчела“ 1847 г., Статья Вр. Иск.

Письмо къ Москвитянину отъ барона Розена.

*) Opus aggredior opimum casibus (Tacit), въ вольномъ переводѣ: *принимаюсь за дѣло отмѣнно казусное* — тѣмъ, во 1-хъ, что я долженъ повести рѣчь объ избитомъ предметѣ, давно уже наскучившемъ публикѣ: о колоссальномъ парадоксѣ Гоголя, насчетъ переводчика Гомера; и, во 2-хъ, что доводится мнѣ заняться почтеннымъ литераторомъ, пріобрѣтшимъ презанимательную литературную увертливость — достоинство, котораго я, признаться, не имѣю, не любя изворотовъ и никогда не сражавшись съ призраками. Прежде всего я долженъ объяснить, почему нѣсколько опоздалъ своей отповѣдью IV и V нумерамъ „Москвитянина“ на текущій годъ.

---

*) „Сынъ Отечества“ 1848 г., іюль. „Письмо къ *Москвитянину* отъ барона Розена“.

Я не получаю „Москвитянина". Въ исходѣ мая услышалъ я отъ знакомаго, и то на публичномъ гуляньи, что, въ V № упомянутаго журнала, какой-то г-нъ Гавриловъ принялся доказывать мое незнаніе языка—*опечатками* въ моихъ статьяхъ. „Мнѣ приходитъ *хорошо!*" отвѣчалъ я смѣясь: „публика обратила *вниманіе* на мои рецензіи, и *научный* журналъ, тогда задѣваемый мною за схоластику его, придирается только ко мнимымъ неправильностямъ моего языка: это — если еще не полный тріумфъ, то, по крайней мѣрѣ, *овація*, очень лестная для меня! И въ старину Бавіи и Мевіи доказывали даже такимъ героямъ литературнымъ, каковы Виргилій и Горацій, что герои эти *не знаютъ языка!* То же самое и Коцебу говорилъ въ отношеніи къ Гете! Но отвѣчать г-ну Гаврилову, конечно, не стоитъ!" О статьѣ же г-на Шевырева противъ меня, помѣщенной въ IV №, я узналъ только два дня тому назадъ (я пишу это 17-го іюня), и узналъ только по той причинѣ, что г-нъ Шевыревъ обвиняетъ меня въ *искаженіи смысла* одного приведеннаго мною текста Гоголя. Разумѣется, это обвиненіе капитальное, на которое слѣдуетъ *отвѣчать*, ибо молчаніе было бы въ этомъ случаѣ *сознаніемъ вины*. Итакъ, г-нъ Шевыревъ, чтобы заставить меня еще отвѣчать ему, долженъ былъ коснуться *нравственнаго дѣйствія!* Онъ очень хорошо знаетъ, что безъ *такого* обвиненія я только посмѣялся бы молча всѣмъ его прочимъ выходкамъ. Начну съ этого обвиненія.

Антагонистъ мой, (въ № IV „Москвитянина". Отд. Крит. стр. 110) говоритъ: „Прежде всего бросается въ глаза неправильная ссылка барона Розена на текстъ статьи Гоголя. Исчисливъ все то, что надо было пріобрѣсти Жуковскому для совершеннаго перевода Одиссеи, Гоголь въ заключеніи говоритъ: „Нужно было, наконецъ, *сдѣлаться и тѣмже* христіаниномъ, дабы пріобрѣсти тотъ прозирающій, углубленный взглядъ на жизнь, котораго никто не можетъ имѣть, кромѣ христіанина". Баронъ Розенъ такъ приводитъ слова Гоголя: „Гоголь сказалъ, что Жуковскому для перевода Одиссеи нужно было, *наконецъ*, *сдѣлаться хри-*

стіаниномъ" (кажется, онъ былъ такимъ прежде?) Баронъ выпустилъ слово *глубже*—и тѣмъ исказивъ смыслъ сказаннаго Гоголемъ, на него же нападаетъ. *Сдѣлаться глубже* христіаниномъ или сдѣлаться христіаниномъ, кажется, разница большая.

Не хорошо, баронъ; ссылка на слова противника лежитъ передъ читателемъ на совѣсти того, кто ссылается. *Я васъ не узнаю по этой ссылкѣ.* Не таковы были вы, когда я знакомилъ васъ съ Пушкинымъ, какъ вы сами о томъ съ такимъ простодушіемъ разсказывали".

Повѣритъ ли г-нъ моралистъ, что я расхохотался на этомъ мѣстѣ. Повторяю вслѣдъ за вами: не хорошо! Вы правы, г-нъ Шевыревъ, совершенно правы: *не хорошо* искажать смыслъ приводимаго текста! Скажу болѣе: *дурно*, очень дурно, но только не съ *моей* стороны (я этого никогда не дѣлалъ), а со стороны того, кто взводитъ на меня да еще въ научномъ журналѣ, такую грѣшную небылицу! Я это докажу.—Извѣстная Одиссейская поэма Гоголя явилась лѣтомъ 1846 года, въ *одно* время въ *двухъ* періодическихъ изданіяхъ: въ „Современникѣ", издававшемся П. А. Плетневымъ и въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ". У Н. И. Греча видѣлъ я тотъ № названныхъ Вѣдомостей, прочиталъ поэму Гоголя, изумился и спросилъ Греча, дастъ ли онъ мнѣ этотъ № дня на два, и помѣститъ ли въ „Сѣв. Пчелѣ" критику мою на ту поэму. „Съ удовольствіемъ!" отвѣчалъ онъ, и помѣстилъ мою критику въ своей газетѣ, въ 181 № 1846 года, вышедшемъ *14-го августа*. Съ намѣреніемъ отмѣчаю *число*, потому что оно-то меня и оправдаетъ. Спустя нѣсколько времени, Одиссейская поэма Гоголя явилась въ *другой* разъ въ „Москвитянинѣ", съ оговоркою издателя, что поэма помѣщается тамъ *по желанію автора*. Я читалъ эту поэму только въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", и потому мнѣ неизвѣстно, есть-ли противъ того текста нѣкоторыя измѣненія въ „*Современникѣ*" и въ „Москвитянинѣ". Ссылаюсь на тотъ № „Московскихъ Вѣдомостей" (вы въ Москвѣ, и легко можете справиться)! Въ томъ № не было выраженія *со-*

статься глубже христіаниномъ; было *такъ*, какъ я привелъ текстъ, а именно: „нужно было (Жуковскому) *наконецъ сделаться христіаниномъ*, дабы пріобрѣсть прозирающій взглядъ, *глубоко вонзающійся въ жизнь*“, и проч. Замѣтьте, что г-нъ Шевыревъ приводитъ иначе и послѣднія слова, а именно: „углубленный взглядъ на жизнь“—вмѣсто *глубоко вонзающагося въ жизнь!* Охотно повѣримъ, что и г-ну Шевыреву не понравилось это *глубокое вонзеніе въ жизнь*, которое, въ самомъ дѣлѣ, задѣваетъ за живое, и производитъ непріятное щекотаніе. Не согласно съ моими правилами искажать приводимые мною тексты; а въ этомъ случаѣ я подавно не пропустилъ бы драгоцѣннаго слова: *глубже!* Я ухватился бы за него какъ за находку, потому что это слово подало бы мнѣ еще большій поводъ къ насмѣшкѣ надъ Одиссейской поэмой Гоголя. Какъ же не большая причина смѣха? Почтенный переводчикъ Одиссеи былъ всегда христіаниномъ, какъ нельзя было глубже, а, по мнѣнію Гоголя, долженъ былъ, во что бы то ни стало, сдѣлаться еще *глубже* христіаниномъ, чтобы передать сочиненіе *язычника*; чтобы извлечь изъ Гомера нѣчто *лучше* самого Гомера! Господа схоластики! нѣтъ возможности отвѣчать вамъ серіозно, какъ подобаетъ вашему *сану* (г-нъ Шевыревъ, на стр. 107 своихъ „Отвѣтовъ“, говоритъ *санъ* (!!!) профессора! Кажется, по-русски говорятъ: санъ понтифекса, санъ кардинала и прочихъ высокихъ особъ,—а *званіе* профессора, званіе учителя, званіе студента и т. д.), нельзя говорю, отвѣчать вамъ серіозно, если вы будете защищать подобные парадоксы!

Справьтесь же, г-нъ Шевыревъ, съ тѣмъ нумеромъ „Московскихъ Вѣдомостей“, въ которомъ помѣщена Одиссейская поэма Гоголя и сознайтесь печатано, что вы поступили опрометчиво, взводя грѣшную небылицу на человѣка, жизнь котораго—*чиста*, столь чиста, что никто къ ней не придерется! *Моя* ли вина, что вы *меня не узнаете*, окруживъ меня туманомъ своей фантазіи. Желая хоть сколько-нибудь оправдать васъ, объясняю себѣ дѣло *такъ:* Гоголь, можетъ-быть, по поводу моей критики, которая

могла дойти до него посредствомъ частной его переписки съ пріятелями въ Россіи, или *самъ отъ себя*, по лучшему уразумѣнію, могъ иное измѣнить въ своей Одиссейской поэмѣ, перепечатывая ее въ „Москвитянинѣ“, и—вѣроятно—прибавилъ роковое слово *службы*, введшее насъ въ заблужденіе—и въ несправедливость передо мною, т.-е. передъ *самимъ* человѣка! Но, возымѣвъ мысль обвинить меня въ искаженіи текста, вы тотчасъ, вслѣдъ затѣмъ, должны бы были справиться не съ „Москвитяниномъ“, не съ изданіемъ, которое напечатано *послѣ* моей критики, а съ „Современникомъ“, и съ „Московскими Вѣдомостями“, — и если бы вы, въ *одномъ* изъ этихъ изданій не нашли слова *службы*, то обязаны были бы думать, что критика моя имѣла въ виду именно то изданіе. *Такъ* вы должны бы были дѣйствовать не только изъ уваженія ко мнѣ, донынѣ не подававшему повода сомнѣваться и въ моемъ литературномъ благородствѣ, но изъ уваженія и къ самому себѣ, какъ филологу, критику, сотруднику научнаго журнала!

Странно, съ вашей стороны, гордиться тѣмъ, что *вы* меня познакомили съ Пушкинымъ! Дѣло обошлось бы и безъ васъ: вы были въ этомъ отношеніи только орудіемъ случая. Зачѣмъ вы меня выводите въ такое поле, куда не должна бы и заглядывать литература? Зачѣмъ вы вмѣшали *свѣтлое* имя *Пушкина* въ такое дѣло, какъ ваше обвиненіе меня въ искаженіи приведеннаго мною текста? Изъ *досады* на то, что Пушкинъ меня *оцѣнилъ*, вы говорите, на стр. 108: „Добродушный Пушкинъ хвалилъ и ободрялъ *всѣхъ!*“ Можетъ-быть, въ *глаза*, изъ вѣжливости; но sub rosâ, — съ собесѣдникомъ по сердцу, онъ говорилъ *иное*, напримѣръ: этотъ *добродушный* Пушкинъ не хвалилъ рецензій одного *очень вамъ знакомаго* человѣка, называя ихъ *дѣтскими замѣтками!* это должно быть извѣстно его друзьямъ! Если же эти друзья, превозносимые въ „Москвитянинѣ“ окажутся подкрѣпить своимъ свидѣтельствомъ слышанное мною неоднократно отъ Пушкина, то сошлюсь на всѣхъ знатоковъ въ дѣлѣ критики: одинъ только *Пуш-*

кимъ могъ такъ *мѣтко* обозначить достоинства рецензій того человѣка! И что еще удивительнѣе: *предвидѣть*, что онѣ навсегда останутся такими замашками! по крайней мѣрѣ, донынѣ онѣ не выходили изъ этого разряда. Кстати, приведу еще одно слово Пушкина: „Н. А. Полевой, съ своею *милютинскою* извѣстностью“ и проч. Неужели этотъ сарказмъ требуетъ посторонняго свидѣтельства въ томъ, что онъ сказанъ *Пушкинымъ*! Узнаешь сарказмъ по его [illegible]! То же самое можно сказать и о *дѣтскихъ замашкахъ* критическихъ очень извѣстнаго вамъ человѣка.

Показавъ ошибку моего обвинителя, и оправдавшись передъ публикою, я здѣсь долженъ бы былъ остановиться. Но какъ остановиться на быстромъ бѣгѣ? Первое важное слово сказано: нельзя не промолвить кое-что, тѣмъ болѣе, что не надѣюсь въ скоромъ времени говорить опять съ „Москвитяниномъ“, собираясь, во-первыхъ, въ путь и, во-вторыхъ, не думая, чтобы выходки „Москвитянина“ противъ меня сдѣлались въ будущемъ болѣе достойными науки и искусства и моихъ возраженій!

Вотъ предисловіе г-на Шевырева къ своимъ пресловутымъ отвѣтамъ: „г. Булгаринъ и баронъ Розенъ“ въ „Сѣверной Пчелѣ“, г. Бѣлинскій въ „Современникѣ“, въ „Отечественныхъ Запискахъ“ не знаю кто, *учинили нападенія* на статьи мои, помѣщенныя въ 1 N. „Москвитянина“. Всякое неблаговоленіе этихъ трехъ петербургскихъ журналовъ я считаю къ себѣ *особеннымъ благословеніемъ* моей литературной судьбы! — Разберу это предисловіе въ обратномъ порядкѣ, то есть снизу къ верху, съ конца къ началу. — *Когда* вы, г-нъ антикритикъ, думаете увѣрить, что вамъ благопріятно порицаніе вашихъ книгъ и вашихъ критикъ въ „Сѣверной Пчелѣ“, въ „Современникѣ“ и въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Я отнюдь не учинилъ на васъ нападенія, а только отвѣчалъ, и весьма скромно, на первую выходку противъ меня, въ защиту страннаго парадокса Гоголя. Еще менѣе учинилъ на васъ нападеніе Булгаринъ, какъ старѣйшина нашей журналистики, напоминая вамъ, своимъ нѣжнымъ поученьицемъ, что почтенному

человѣку, обязанному подавать примѣръ хорошаго тона въ критикѣ не слѣдуетъ швырять полунѣмецкими эпитетами, а дѣльнымъ научнымъ образомъ оспаривать мнѣніе, кажущееся ему несправедливымъ. Согласитесь, что и родной отецъ не могъ бы дать вамъ лучшаго совѣта. Зачѣмъ же вы разсердились? Не мое, впрочемъ, дѣло защищать Булгарина.

Перейдемъ къ статьѣ Шевырева, ознаменованной моимъ адресомъ. Авторъ находитъ въ моей статьѣ 5 пунктовъ, на которые отвѣчаетъ 1-ый пунктъ: гнѣвъ мой на „Московскій Вѣстникъ" и „Москвитянина", которые будто бы виноваты передо мною въ томъ, что *одинъ* неохотно помѣщалъ мои стихотворенія, а другой не былъ *гостепріименъ* къ моимъ повѣстямъ и критикамъ. Какъ могъ „М. Вѣстн." *неохотно помѣщать* мои стихотворенія, когда *ни одного* не помѣстилъ, сколько мнѣ извѣстно. За каждою редакціею признаю право помѣщать, что ей нравится, отклоняя все прочее, будь оно хорошо или дурно. Одну только *повѣсть*: „Черная Маска" послалъ я редактору „М. Вѣстника"; долго не видя ея въ „Вѣстникѣ", я ее продалъ здѣсь въ Петербургѣ, а между тѣмъ она была помѣщена въ „М. Вѣстникѣ" не знаю, охотно ли или неохотно, но я черезъ то лишился гонорарія, за который 10 лѣтъ сряду могъ бы подписываться на „Моск. Вѣстникъ", котораго я gratis не получалъ. Пожалѣю объ этой потерѣ только тогда, когда узнаю, что повѣсть моя была, въ самомъ дѣлѣ, помѣщена *неохотно*. Въ редакцію же „Москвитянина" я не посылалъ ни критики ни повѣсти: какъ же эта редакція могла быть виновата передо мною въ негостепріимствѣ? Это не только искаженіе истины, это чистая выдумка! Нехорошо, г-нъ Шевыревъ! Тотъ журналъ, который, по чисто-критической причинѣ, не помѣстилъ-бы моей критики или моей повѣсти, былъ бы развѣ только неправъ въ моихъ глазахъ, но гнѣваться я не могъ бы на него. Вы лучше всѣхъ должны знать, по себѣ, какой я философъ въ этомъ отношеніи: ни изустно ни печатно не слыхалъ я отъ васъ никакой похвалы, я же пре-

бывалъ въ продолженіе двадцати лѣтъ въ пріятельскихъ съ вами отношеніяхъ.

2-й пунктъ. Мое оправданіе, т.-е. мой отзывъ, что не я раскритиковалъ книгу г. Шевырева въ нашемъ журналѣ. Кромѣ того, что вы *мои слова* употребили какъ орудіе противъ своего критика, воображая, что вы его разите собственными его словами; есть и другіе на меня намеки въ вашей антикритикѣ, но я ихъ пропустилъ, какъ не идущіе къ моему дѣлу съ вами. Какъ же было не оговаться, что авторъ той статьи, изъ которой вы заимствовали орудіе для конечнаго удара, и критикъ вашъ вовсе не одно и то же лицо. Тогда наши отношенія были еще хороши: съ моей стороны, какъ вашего стародавняго пріятеля было бы непростительно отзываться о васъ столь рѣзко. Теперь вы говорите,—что вы и *не знали* о моемъ участіи въ критикѣ „Сына Отечества"! Плохой изворотъ! Досадуя на себя за свою ошибку, вы ту же статью мою ставите мнѣ въ укоръ. „Не легче барону отъ того, что онъ сознался въ нѣкоторыхъ рецензіяхъ „Сына Отечества". Въ своемъ общемъ предисловіи къ критикѣ словами: *тонъ нашихъ рецензій, наша критика, нашъ журналъ* -онъ принялъ на себя всю за нихъ отвѣтственность".

Этотъ изворотъ еще плоше! Общее предисловіе къ критикѣ явилось *безъ моей подписи*, стало быть—отъ имени *Редакціи!* Я отвѣчаю только за критики съ моимъ именемъ; другихъ я и не вижу до выхода журнальной книжки! Вы говорите еще: „*Съ сокрушеніемъ* узналъ я, что баронъ Розенъ авторъ рецензій на „Московскій Сборникъ" и на „Римскія Письма". Скажу ему искренно, что я не считалъ его никогда способнымъ писать такія рецензіи. Сожалѣю, что мой отвѣтъ „Сыну Отечества" привелъ его къ необходимости такого признанія, которое не прибавитъ ничего къ его литературной репутаціи, а развѣ... Вотъ и лучше бы было объявлять свое имя заранѣе!"—Какой-бы ни заключался горькій, мною не заслуженный упрекъ въ этихъ строкахъ, я ихъ прочиталъ съ *удовольствіемъ*, какъ доказательство, что моя двадцати-лѣтняя дружба съ вами

была небезотвѣтна—и потому возражу весьма спокойно: съ неменьшимъ сокрушеніемъ вижу, что схоластика разстроила ваше сознаніе добра и зла! Въ этихъ рецензіяхъ не заключается ничего предосудительнаго, въ отношеніи къ чести моей; я похвалилъ все хорошее въ „Римскихъ Письмахъ", и указалъ только на ошибки историческія и другія.

Постараюсь и впредь доставлять въ редакцію нашего журнала такія рецензіи, въ которыхъ я сошелся бы съ мнѣніемъ публики.

На 3-й пунктъ: *Ссылка на Гоголя* я уже отвѣчалъ и оправдался.

4-й пунктъ... *Противорѣчие Шевыреву касательно переводовъ у древнихъ.* Мнѣніе Гоголя, что только христіанинъ можетъ переводить язычника comme il faut, г-нъ Шевыревъ защищалъ тѣмъ, что Римляне переводили Гомера и другихъ грековъ, однако не имѣли фоссовыхъ переводовъ по той же самой причинѣ, по которой они не стрѣляли изъ ружей и пушекъ, и не *печатали* своихъ книгъ: еще не было искусства переводить, какъ не было пороху и типографій"—и доказалъ это самимъ Цицерономъ. Разбитый на голову моимъ доказательствомъ, антагонистъ мой ускользнулъ въ тридесятое царство, и тамъ рубитъ воздухъ, увѣряя своихъ читателей, что онъ рубитъ *меня.* Вотъ тому доказательство! Шевыревъ говоритъ: „Судя по этимъ словамъ: „Римляне не имѣли фоссовыхъ переводовъ и проч." авторъ, кажется, ясно полагаетъ"!.. Стойте! г-нъ Шевыревъ! этотъ оборотъ — не совсѣмъ русскій!.. „Судя по этимъ словамъ, авторъ, т. е. *я*—полагаю!" Это значитъ, что *я* сужу по этимъ словамъ и полагаю! Избави Боже чтобъ я полагалъ такой вздоръ! А между тѣмъ, вы хотѣли сказать, что *вы*, судя по этимъ словамъ, полагаете и проч.! Г-нъ Гавриловъ, чего вы смотрите? Вмѣсто того, чтобы въ другихъ журналахъ изъ опечатокъ выводить доказательство незнанія языка, не лучше ли было бы, если бы вы смотрѣли за *своимъ* журналомъ, если бы не допускали въ немъ подобныхъ шнитцеровъ! Но отстранивъ

вотъ шпинцеръ. Полюбуемся новымъ протейскимъ изворотомъ г-на Шевырева. „Судя по этимъ словамъ, авторъ, кажется, *даже* полагаетъ *совершенное отсутствіе* переводовъ у Римлянъ." —Побойтесь Бога! могъ ли я полагать отсутствіе тѣхъ переводовъ, въ которые я не разъ заглядывалъ! Я доказывалъ только, почему у Римлянъ не было *хорошихъ* переводовъ! А г-нъ Шевыревъ, вывернувшись, пошелъ разсказывать, какіе были у Римлянъ переводы! Вотъ, что я называю ускользнуть отъ своего противника въ тридесятое царство, и тамъ рубить воздухъ! Вотъ сущая скіамахія.

Нѣтъ возможности слѣдовать за всѣми изворотами г-на Шевырева: для этого пришлось бы исписать цѣлую стопу бумаги, и *утомить* своего читателя! Я осторожнѣе г. Шевырева въ этомъ отношеніи, и потому, предоставляя ему рубить воздухъ, ограничусь нужнѣйшимъ.

Даже мое доказательство, почему у Римлянъ не было *хорошихъ* переводовъ, мой промышленникъ обращаетъ въ свою пользу. „Примѣръ, приведенный самимъ барономъ Розеномъ о Цицеронѣ, не *понимавшемъ* спартанскаго духа, служитъ тому доказательствомъ", т. е. тому, что только *христіане* могли хорошо переводить *язычниковъ*, по многосторонности своего характера и своихъ переводовъ. Зачѣмъ вы мнѣ приписываете сущую нелѣпицу? Я, напротивъ, думаю, что такой знатокъ греческаго быта, какъ Цицеронъ, во сто кратъ лучше васъ и меня *понималъ* духъ спартанскій; но онъ, какъ переводчикъ, *не подчинялся* тому, что мы — новѣйшіе — ставимъ переводчику въ непремѣнную обязанность, не потому, что мы *христіане* (это даетъ намъ *другія* важнѣйшія преимущества передъ древними), но потому, что всякое искусство и всякая наука совершенствуются вѣками. Цицеронъ, по случаю смерти своей Тулліи (дочери), говоритъ въ одномъ письмѣ къ Аттику: „Философія не только не облегчаетъ, но скорѣе усугубляетъ мою скорбь: въ душѣ, хорошо воздѣланной, *все* бываетъ *живѣе* и человѣчнѣе!" Именно эта человѣчная мягкость его характера побудила его *смягчить* спарта-

низмъ эпитафіи Симонида. Переводы Римлянъ, по нашимъ понятіямъ, должны скорѣе называться *подражаніями*.

На 5-й пунктъ не могу отвѣчать потому, что авторъ поворотилъ спорное дѣло въ *другую сторону*, о которой *не говорено* въ журнальной статьѣ. Мнѣ было *извѣстно* все то, что наговорилъ г-нъ Шевыревъ по этому пункту, и еще болѣе: въ доказательство тому привожу императорскій указъ Юліана, которымъ воспрещалось христіанамъ толковать Гомера, и вмѣнялось въ обязанность учить только Святому Евангелію. (XLIII письмо Юліана).

Г-нъ Шевыревъ выворачиваетъ на изнанку всякое слово мое. Я сказалъ, что съ христіанской точки зрѣнія смѣшонъ Юпитеръ, собирающійся колотить свою супружницу, и дуренъ Ахиллесъ, дѣйствующій *не честно* на своемъ *поединкѣ съ Гекторомъ!* Эти-то послѣднія слова *выпустилъ* противникъ мой, чтобы взвести на меня новую небылицу, будто бы я не весьма коротко знакомъ съ содержаніемъ Иліады, которую я читалъ отъ доски до доски, по крайней мѣрѣ, сто разъ,—и чтобы потчевать меня обвиненіемъ Аполлона противъ Ахилла, передъ всѣми богами. Помилуйте! дозволяется ли *такъ* дѣйствовать въ литературѣ? Я говорю, что Ахиллесъ не рыцарскимъ образомъ убилъ Гектора — и сослался на величайшаго изъ христіанскихъ поэтовъ, на Шекспира, у котораго Ахиллесъ (въ трагедіи „Троилъ и Крессида") на этомъ поединкѣ дѣйствуетъ какъ презрительный убійца героя, на честный бой съ которымъ онъ не отважился,—а вы говорите о томъ, какъ судятъ боги о поступкахъ Ахиллеса съ *мертвымъ тѣломъ Гектора*! Пойди, поймай этого Протея!

Въ заключеніе г-нъ Шевыревъ говоритъ: „Замѣчательно, что въ своемъ оправданіи, баронъ уже ни слова не сказалъ въ пользу Вольфова парадокса противъ Гомера. На этой половинѣ поля онъ сдѣлалъ полную уступку!"

Г-нъ Шевыревъ, вы опять хитрите! Вы очень хорошо выразумѣли изъ моей статьи, что я не сдѣлалъ никакой уступки, что я не признаю за Гомеромъ, не знающимъ, какъ было публиковано въ двухъ современныхъ изданіяхъ,

ни одного языка, кромѣ русскаго, *права судить о Гомерѣ*, да и съ вами не желаю спорить о Гомерѣ, когда вамъ кажется важнымъ мнѣніе Гоголя, судящаго о Гомерѣ, какъ слѣпой о цвѣтахъ. Въ спорѣ же съ *другимъ*, я готовъ доказать, что мнѣ извѣстно главнѣйшее, написанное о Гомерѣ, отъ *Лонгина* до вашего Огфрида Миллера и *Гоголя* включительно.

Вы говорите, въ самомъ концѣ статьи: Для меня, *сильно сочувствующаго смиреннику* Гоголя (въ первый разъ вы употребили такое *точное* выраженіе) статья его (моя критика на Одиссею Гоголя, въ „Сѣв. Пчелѣ“) показалась совсѣмъ не бомбою, а холостымъ зарядомъ!“ Чудный *холостой зарядъ*, который расшевелилъ читателей и, по сіе время, т. е. по прошествіи почти года, еще производитъ гулъ и смятеніе въ статьяхъ г-на Шевырева.

Отдѣленіе II. Бѣда отъ опечатокъ. Удѣливъ г-ну Шевыреву довольно длинную статью, не могу обойти словомъ и г-на Гаврилова, столь усердно трудившагося надъ отысканіемъ опечатокъ и разныхъ, по его мнѣнію, ошибокъ въ моихъ стихотвореніяхъ. Тотъ, кто не выразумѣлъ такой баллады, каковъ Царь Сой; кто въ такой серьезной и важной трагедіи, каковъ *Гелимеръ*, не видитъ ничего, кромѣ *вандализмовъ* (замѣтьте: это имѣетъ претензію на остроту, потому что въ трагедіи дѣйствуютъ *Вандалы*).— съ тѣмъ, конечно, толковать нечего о критикѣ! Г. Гавриловъ говоритъ („Москв.“ № 5, отд. крит., стр. 14): „Или же мы не знаемъ языка и не понимаемъ барона Розена, (кажется, что такъ), или онъ ошибается съ умысломъ! Что-нибудь одно. Мы рѣшительно полагаемъ, что нельзя сказать по-русски: „Гелимеръ и Амматисъ *помѣняются* смущенными взглядами. Это *нѣмецкое* настоящее время, а русское—мѣняются“.

Плохо, г-нъ Гавриловъ, знаете вы по-нѣмецки: *помѣняются* такъ же на нѣмецкомъ, какъ и на русскомъ, есть *будущее*. Неужели вамъ и на умъ не приходило, что это должна быть *опечатка*? Или вы обрадовались такой опечаткѣ, которая могла бы послужить оружіемъ противъ

того, кто сильно нападаетъ на московскую схоластику за парадоксальность ея понятій?

Какъ бы то ни было, помогу вамъ уразумѣть, какъ могла случиться эта опечатка. „Мѣняются взглядами“ — означаетъ продолжительное дѣйствіе, чего нельзя было допустить при постороннемъ лицѣ; потому я поставилъ: *помѣнялись* смущенными взглядами. Трудно-ли понять, какимъ образомъ изъ „помѣнялись“, подъ рукою наборщика, могли составиться „помѣняются“? Жаль, г-нъ Гавриловъ, что вы не знаете по-нѣмецки, а то нашли бы въ той же трагедіи опечатки, по которымъ гораздо легче могли бы узнать *нѣмца*, въ авторѣ „Гелимера“, напримѣръ: „По конь его узнаешь изъ далеча“ вмѣсто: *Коня* его узнаешь и проч. Конь — das Pferd — средняго рода, и на нѣмецкомъ языкѣ винительный падежъ его не разнствуетъ отъ именительнаго. Вотъ была бы для васъ находка!

Далѣе вы говорите: „Также и это не по-русски: Малазунита *за*вербовала-бъ рать! „надобно *на*вербовала бы рать, а *за*вербовать можно только *одного рекрута*“ — и *дюжину* критиковъ, не понимающихъ своего дѣла! Плохо, г-нъ Гавриловъ, вы знаете и *исторію*, если не въ шутку захотѣли, чтобъ я поставилъ: Малазунита *на*вербовала-бъ рать! Въ то время еще не требовалось войска, и подавно — между Вандалами! А если-бъ и было такъ, въ угодность вамъ, то вербованіе потребовало бы *денегъ*, а умный царь Гелимеръ, конечно, не съ казною отпустилъ бы въ Испанію затѣйливую Малазунинту — „жену, владѣющую словомъ“, какъ онъ выражается! Нѣтъ, онъ боится, какъ-бы Малазунита не *завербовала*, своимъ краснорѣчіемъ, въ заступники свои одного изъ предводителей готскихъ племенъ въ Италіи, а съ нимъ, конечно, и всю рать его! Вотъ почему сказано: завербовала-бъ рать, и почему нельзя было употребить слова: *на*вербовать. Вы могли-бы объявить войну поэтической *смѣлости* этого выраженія: тѣмъ бы доказали, по крайней мѣрѣ, что меня выразумѣли. Далѣе критикъ, приводя мои выраженія: *на* походѣ; *на* бѣгствѣ; хвалятъ *въ* очи; сведи со мною миръ“ и проч.,

заключаетъ фразу такъ: „тысячи подобныхъ выраженій, принадлежащихъ неизвѣстно какому языку, попадаются *безпрестанно* въ трагедіи Гелимеръ!“ Замѣтьте логику г-на Гаврилова: *тысячи* выраженій попадаются *безпрестанно*— т. е. безпрерывно, по тысячѣ выраженій! Хороша логика! Я вамъ скажу искренно, г-нъ Гавриловъ, что эти выраженія—поэтическія, чисто-русскія; но къ *какому* разряду критиковъ принадлежите вы, вотъ это неизвѣстно, — и сущая Архимедова задача.

Какъ вы думаете, любезные читатели, чѣмъ оканчиваетъ критикъ мой свои мелкія придирки? *двумя* колоссальными неправдами! Вотъ онѣ: „Намъ остается только сожалѣть о талантливомъ писателѣ (обо мнѣ), который *могъ бы остаться въ числѣ лучшихъ литераторовъ* (страшная похвала!), и который до сихъ поръ не знаетъ языка той земли, гдѣ суждено ему дѣйствовать“ и проч. Видно, что я насолилъ московской схоластикѣ, когда мнѣ, даже посреди порицаній, выдаютъ дипломъ на чинъ *первокласснаго генія* (какъ же иначе составить славу *любой* литературы, напримѣръ: нѣмецкой, или французской, или англійской?), выдаютъ *этотъ* дипломъ, лишь бы избавить меня на русскомъ Парнассѣ! Нѣтъ, господа, вы мнѣ не вскружите головы никакою эксцентрическою похвалою! не собьете меня съ толку никакимъ порицаніемъ! Я лучше всѣхъ знаю самъ, чего я стою и чего не стою.

Выдавъ мнѣ патентъ на чинъ генія, г-нъ Гавриловъ уже не рѣшился критиковать мое стихотвореніе: „Могила Пушкина“, отзываясь только, что онъ тамъ не понимаетъ *„выраженія, какимъ образомъ“* пѣлъ соловей (г-нъ Гавриловъ, это не *по-русски* и не по-каковски! надо бы было: „не понимаю, какимъ образомъ пѣлъ и проч.), какимъ образомъ соловей пѣлъ „подъ сѣнью могилы!“ Бѣда съ такими непонятными рецензентами! *Могилою* называется не одинъ надгробный холмикъ, но и памятникъ, обсаженный деревьями. Могилу пѣвца Орфея, въ пустынной Ѳракіи, мы представляемъ себѣ въ родѣ могилы Наполеона на островѣ св. Елены; неужели такого памятника, обса-

женнаго деревьями, нельзя назвать могилою; а подъ сѣнью такой могилы можетъ пѣть не только соловей, но и самъ г-нъ критикъ — и вѣроятно пѣлъ бы подъ сѣнью Орфеевой могилы несравненно лучше, нежели поетъ подъ сѣнью „Москвитянина". Вѣроятно, г-ну Гаврилову неизвѣстно древнее преданіе, что подъ сѣнью могилы Орфеевой соловей пѣлъ слаще, громче, трогательнѣе. Смыслъ преданія тотъ, что пустынной могилѣ славнаго, трагически умершаго поэта какъ то свойственно возбуждать живѣйшее сочувствіе въ душѣ путника! Эту поэтическую мысль, примѣненіе этого преданія къ могилѣ Пушкина надо бы было оцѣнить въ моемъ стихотвореніи! Но на это неспособны такіе рецензенты, которые видятъ художественный вкусъ только тамъ, гдѣ выставляются образцы безвкусія въ „Ревизорѣ" и въ „Мертвыхъ Душахъ" Гоголя!

Баронъ Розенъ.

„Ревизоръ на сценѣ Пермскаго театра".

*) Съ тѣхъ поръ, какъ добросовѣстная труппа г. Соколова заняла подмостки Пермскаго театра (построеннаго въ 1840 году), знаменитая комедія Гоголя была разыграна только два раза! Мы не знаемъ, почему именно г. содержатель труппы, богатый опытными артистами, и потому не могшій встрѣтить недостатка въ исполнителяхъ этой комедіи, пренебрегъ ею. Мало ли надѣялся онъ на силы своей труппы, думалъ-ли, что не оцѣнитъ „Ревизора" пермская публика, или, наконецъ, боялся, „раздразнивъ гусей", уменьшить сборъ своей кассы, — мы не беремся объ этомъ догадываться; но, во всякомъ случаѣ, намъ кажется, что г. антрепренеръ ошибался: представленіе „Ревизора" на Пермской сценѣ (2-го сентября) фактически

*) „Москвитянинъ" 1851 г. Ч. 6. „Ревизоръ на сценѣ Пермскаго театра" Статья Е. Верх—скаго.

доказало наше мнѣніе. Мы видѣли, что всѣ мѣста въ креслахъ и на балконѣ были заняты представителями всѣхъ слоевъ Пермскаго общества; мы видѣли между зрителями и столичныхъ гостей, и съ удовольствіемъ замѣчали признаки всеобщаго глубокаго вниманія публики къ пьесѣ и аплодисменты, выражавшіе живость пріятнаго впечатлѣнія, вездѣ и неминуемо производимаго высокою комедіей Гоголя, даже и при самомъ посредственномъ представленіи ея посредственными артистами.

Но игра артистовъ Пермской сцены была (9-го сентября) далеко выше посредственности, и, слѣдовательно, всеобщее и, скажемъ болѣе, разумное вниманіе публики было возбуждено столько же исполненіемъ комедіи, сколько и юморическимъ содержаніемъ ея... Честь была воздана и автору и исполнителямъ...

Итакъ, едва-ли могъ г-нъ Соколовъ основательно предполагать, чтобы артисты его труппы не могли удовлетворительно разыграть „Ревизора“. Если же онъ слишкомъ долго оставлялъ въ забвеніи эту комедію, не надѣясь на добрый пріемъ ея публикою, то противъ этого, кромѣ самыхъ фактовъ, только-что высказанныхъ нами, можно и еще прибавить кое-что въ пользу мѣстной публики и, въ то же время, въ пользу общедоступности „Ревизора“.

Возможно ли намъ, провинціаламъ, не понять „Ревизора“, эту высокую сатиру повседневной и по преимуществу провинціальной пошлости, это зеркало будничной, черной стороны нашей жизни?.. Или, взявши вопросъ съ другой стороны, — возможно-ли обижаться обличеніемъ „изнанки нашего быта“, и сердиться за то, что намъ ее показываютъ?...

Мы рѣшительно не допускаемъ ни того ни другого,—и для подкрѣпленія нашихъ убѣжденій, постараемся развить ихъ.

Басня (la fable), или, какъ это принято называть, „завязка“ „Ревизора“ чрезвычайно проста, и гдѣ же, какъ не у насъ, въ далекой провинціи, встрѣчается комическое явленіе, послужившее предметомъ „Ревизору“?... Гдѣ же,

какъ не въ нашихъ маленькихъ городкахъ, можно видѣть въ дѣйствительности этотъ испугъ,—эту переполоху мѣстныхъ чиновниковъ, при появленіи неожиданной грозы въ лицѣ министерскаго агента, нагрянувшаго еще въ загадочномъ incognito? Наконецъ, гдѣ же, какъ не у насъ— являются Хлестаковы?.. Э, Боже мой! Да мы видимъ ихъ каждый день!.. Мы ежедневно привѣтствуемъ появленіе этихъ петербургскихъ или московскихъ свѣтилъ, горящихъ блескомъ сомнительной, но чрезвычайно надутой самозначительности. Мы довѣрчиво признаемъ за ними достоинство учености или талантливости, на которыя, въ сущности, ни одинъ изъ этихъ господъ не имѣетъ права. Мы любуемся на покрой ихъ платья, сшитаго, можетъ-быть, въ долгъ у столичнаго портного, съ цѣлью отуманить наши провинціальные взоры новизной и изяществомъ... Мы слушаемъ ихъ разсказы о столичныхъ подвигахъ, о связяхъ съ князьями и графами, которыхъ намъ разсказчики именуютъ безъ церемоніи Гришами, Сашами и Сержами. Мы слушаемъ, качая головами, и вѣримъ до тѣхъ поръ, пока время, всеобличительное время, не сниметъ маски съ нашихъ Хлестаковыхъ, и не покажетъ ихъ намъ въ настоящемъ ихъ свѣтѣ... А это случается очень скоро: много, если одинъ годъ пробудемъ мы, довѣрчивые провинціалы, въ простодушномъ заблужденіи. Черезъ годъ—непремѣнно, по износкѣ столичнаго платья, пріѣзжее свѣтило перемелется, и запутается въ противорѣчіяхъ языкъ его, и выйдетъ изъ вѣры поблѣднѣвшее свѣтило, и будетъ счастливо оно, если у него найдется лакей, который бы посовѣтовалъ ему, какъ Хлестакову смѣтливый его Осипъ,— поскорѣе убираться отъ насъ на новые подвиги въ другомъ городѣ!..

Всего этого нѣтъ ни въ Петербургѣ ни въ Москвѣ,— и все это не столько доступно столичной публикѣ, сколько понятно и близко намъ. А ходъ пьесы, а подробности, отдѣльные эпизоды, а второстепенные персонажи? Все это наше, отъ насъ и у насъ взятое... Слѣдовательно, какъ

же не пойметъ намъ всего этого? Правда, можно съ Веневитиновымъ спросить:

„Мы всѣ равно читаемъ въ ней,
Но всѣ-ль, читая, понимаютъ?..

Но на это не задумываясь отвѣчаемъ: „всѣ, рѣшительно всѣ, хотя, разумѣется, каждый по своему...“

„Другая сторона вопроса: не обидитъ ли нашего самолюбія, не раздражитъ ли насъ эта рѣзкая выставка нашей „изнанки“?..

О! повѣрьте намъ — нисколько!.. Кто же изъ насъ приметъ что-нибудь на свой счетъ изъ остроумной сатиры? Посмотрите, какъ всѣ мы добродушно смѣемся: неужели же этотъ смѣхъ не объясняетъ, что мы и не думаемъ видѣть въ комедіи самихъ себя? Смѣясь, мы киваемъ на сосѣда, и всѣ довольны! А притомъ, развѣ нѣтъ у насъ въ запасѣ такого аргумента: „Комедія написана давно; въ то время, можетъ-быть, существовали въ обществѣ всѣ эти лица, а теперь, какъ это можно!.. не то время! мы вовсе не похожи на всѣхъ этихъ чудаковъ“! И всѣ правы! И, между тѣмъ, всѣ посмѣявшись, а такъ какъ, по старому изреченію,

„Ridendo castigat mores“,

то будьте увѣрены, что и мы не совсѣмъ безполезно смотрѣли „Ревизора“, и мы унесли изъ театра нѣсколько поучительныхъ впечатлѣній.

Итакъ поспѣшимъ высказать нашу благодарность г. Соколову за „Ревизора“; попросимъ его почаще давать намъ, русскимъ, такія прямо-русскія зрѣлища,—и не замѣнять ихъ передѣлками съ французскихъ нравовъ, которыя чужды намъ, и если занимаютъ насъ своимъ легкимъ содержаніемъ, то занимаютъ безъ всякой прочной пользы, и скоро нами забываются! А „Ревизора“ мы не забудемъ!.. Попробуйте же показать намъ и прочія сценическія пьесы Гоголя: „Женитьбу“, „Игроковъ“, „Тяжбу“,

сцены изъ „Мертвыхъ Душъ“, не боится испытать силы нашихъ артистовъ въ безсмертномъ твореніи Грибоѣдова...

Въ заключеніе почитаемъ себя обязанными сказать кое-что объ игрѣ артистовъ. Замѣчанія наши, основанныя на отголоскѣ „разсуждающей“ части нашего общества, на мнѣніяхъ, подслушанныхъ нами посреди его и, наконецъ, на сравненіи *[illegible]* „Ревизора“ съ игрою той комедіи на Петербургской и Московской сценахъ, будутъ столько же кратки, сколько и искренни... Роль Городничаго, разыгранную здѣсь г. Соколовымъ (содержателемъ труппы) исполняютъ въ Москвѣ Щепкинъ, въ Петербургѣ — Сосницкій. Поставить на одну доску этихъ артистовъ значило бы быть несправедливымъ и пристрастнымъ въ пользу „нашего“ и во вредъ всѣми признаннаго превосходства „не нашихъ“ артистовъ... Въ г. Соколовѣ нѣтъ того спокойствія игры, той самоувѣренности, которыя происходятъ лишь отъ глубокаго изученія и размышленія роли, и которыми вполнѣ обладаютъ Щепкинъ, а за нимъ и Сосницкій. Г. Соколовъ увлекается эффектными мѣстами своей роли, но не выдерживаетъ себя тамъ, гдѣ, по его мнѣнію, роль его не исключительно къ нему приковываетъ вниманіе зрителей. Въ этихъ послѣднихъ мѣстахъ мы даже замѣтили въ г. Соколовѣ нетвердое знаніе роли, и потребность въ помощи суфлера... Отъ этого дѣйствіе какъ бы тянется, а не идетъ съ должною быстротою и движеніемъ. Такова въ особенности была сцена 3-го акта, когда Городничій задариваетъ Осипа, слугу Хлестакова, и хочетъ вывѣдать у него свѣдѣнія о привычкахъ его барина, а между тѣмъ Городничиха съ своей дочкой поручаютъ Осипу передать столько наивныхъ любезностей насчетъ интересной особы знатнаго гостя...

Подобныхъ сценъ мы замѣтили нѣсколько... Но, замѣтивъ ихъ, мы также не пропустили безъ вниманія и лучшихъ минутъ г. Соколова: въ первомъ актѣ — монологъ, начинающійся словами: „Грѣшенъ, грѣшенъ“... былъ переданъ прекрасно. Сцена съ купцами, гдѣ Городничій по-

чги породнившійся съ Хлестаковымъ, караетъ бѣдныхъ бородачей всѣми стрѣлами гнѣвнаго Юпитера, выполнена еще удовлетворительнѣе. Тонъ покровительства, съ которымъ Городничій принимаетъ своихъ гостей на отъѣздѣ Хлестакова, понятъ и выдержанъ г. Соколовымъ съ особенной талантливостью и пониманіемъ роли; но что во всей пьесѣ особенно отличаетъ игру г. Соколова отъ игры столичныхъ корифеевъ комедіи и, можетъ-быть, даетъ ему передъ ними нѣкоторое преимущество, — такъ это совершенство въ усвоеніи себѣ внѣшней стороны роли Городничаго: фигура, пріемы, походка и дикція схвачены г. Соколовымъ съ натуры, и не мудрено,—потому что г. Соколовъ, постоянно живя въ провинціи, могъ ближе познакомиться съ типомъ, который онъ представляетъ на сценѣ... Въ роли Городничаго, и Щепкинъ и Сосницкій -не что иное, какъ опростоволосившіеся пройдохи но такіе пройдохи, какими могутъ быть и не городничіе. А г. Соколовъ, выполняя роль одураченнаго грѣшника—надувалу, въ то же время и Городничій, настоящій чистокровный Городничій...

Въ Петербургѣ и Москвѣ роль Сквозника-Дмухановскаго облагорожена нѣсколько болѣе, чѣмъ бы слѣдовало; на нашей сценѣ она такова, какова должна быть, подражая натурѣ: ни лучше ни хуже...

То же самое замѣчаніе, въ похвалу „нашихъ артистовъ“, можно сказать и объ исполненіи другихъ ролей. Всѣ второстепенныя роли—у насъ выходятъ „провинціальнѣе“, и, слѣдовательно, вѣрнѣе.

Конечно, это происходитъ отъ близкаго сношенія артистовъ съ типами, представляемыми ими, съ типами, разсѣянными преимущественно въ провинціальныхъ обществахъ,—но какъ бы то ни было, нельзя не поблагодарить за это или артистовъ или случай, приготовившій ихъ къ пониманію оттѣнковъ исключительно провинціальной жизни. Анна Андреевна (г-жа Романовская) и Марья Антоновна (г-жа Надежина) были ни болѣе ни менѣе—ни хуже

ни изящнѣе, какъ слѣдовало быть женѣ и дочери Городничаго.

Г. Деклеру въ роли Хлестакова, кромѣ несомнительныхъ признаковъ таланта, и кромѣ добросовѣстнаго изученія роли, кажется, весьма помогло тоже близкое знакомство его съ провинціальною жизнью, въ которой онъ вращается... Г. Максимовъ (на Петербургской сценѣ), — болѣе петербургскій чиновникъ, а г. Деклеръ именно такой петербургскій чиновникъ, который чувствуетъ, что онъ въ провинціи, и что ему привольно и хорошо, давъ полную свободу своей пошлой натурѣ, надувать этихъ простосердечныхъ людей. Относительно игры г. Деклера, впрочемъ, весьма удовлетворительной, нельзя однако-же не замѣтить, что въ объясненіи чувствъ любви Хлестакова къ Аннѣ Андреевнѣ и ея дочери, въ той сценѣ, гдѣ онъ стоитъ передъ ними на колѣняхъ, — г. Деклеръ очень слабъ.. Вся эта сцена какъ-то растянута, неуклюжа, и изъ смѣшной вышла скучною, несмотря даже на громогласную помощь суфлёра.

Гг. Садовскій и Левашовъ въ роляхъ Добчинскаго и Бобчинскаго не поняли ни одной фразы: все — отъ игры ихъ до костюмовъ—было уродливо—карикатурно, и смѣшило только верхнюю часть публики.

Осипъ былъ слишкомъ молодъ для своей роли пожилого лакея - резонера.

Е Верх—скій.

„О значеніи Гоголя въ русской словесности".

*) Несмотря на безпредѣльное поприще науки и искусства, гдѣ каждому ученому и художнику всегда оставаться будетъ много мѣста для занятій, мы иногда бываемъ слишкомъ взыскательны въ отношеніи къ тѣмъ изъ со-

*) „Извѣстія Имп. Академіи Наукъ" 1852 г., т. I. „О значеніи Гоголя въ русской словесности". Статья И. И. Давыдова.

братьевъ нашихъ, которые выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ людей. Лишь гробница отдаляетъ на безконечное пространство человѣка, произносящаго мнѣнія, отъ того, о комъ мнѣніе произносится. Тутъ прекращаются мелочные расчеты, утихаютъ страсти—и появляется истина.

Къ этой грустной думѣ приводитъ насъ недавняя утрата, понесенная нами въ Гоголѣ, писателѣ самобытномъ, талантѣ своеобразномъ. И Гоголь, мало бывавшій въ столкновеніи съ людьми, повидимому, не имѣвшій враговъ, посвятившій всю жизнь литературѣ, имѣетъ восторженныхъ хвалителей и безумныхъ порицателей. Достоинства его и талантъ мы видимъ яснѣе теперь, когда его среди насъ не стало.

Этому писателю, похищенному смертью въ періодѣ полнаго его развитія, я почитаю себя обязаннымъ, въ качествѣ академика принести дань справедливаго уваженія. Безъ сомнѣнія, многіе изъ литераторовъ нашихъ займутся его жизнеописаніемъ, подробнымъ разборомъ каждаго его сочиненія, вѣрнѣе оцѣнятъ литературныя его заслуги: я намѣренъ въ настоящемъ случаѣ въ бѣгломъ очеркѣ, опредѣлить *значеніе Гоголя въ отечественной словесности*. Не пользовавшись личнымъ знакомствомъ съ этимъ замѣчательнымъ талантомъ, я вникалъ въ его произведенія, разбиралъ ихъ съ профессорской каѳедры передъ юными слушателями, со всею строгостью критики: поэтому вы, мм. гг., можете ожидать отъ бесѣды моей спокойнаго изслѣдованія, чуждаго всякаго *пристрастія*, лишь только руководимаго началами науки. Я ограничусь показаніемъ, во-первыхъ, *исторической вѣрности лицъ и характеровъ въ произведеніяхъ Гоголя*; во-вторыхъ, *особаго его способа изображенія жизни*; въ-третьихъ, *значенія Гоголя въ словесности отечественной*.

I

Назначеніе изящнаго *искусства вообще и въ особенности поэзіи* состоитъ въ томъ, чтобъ въ чувственныхъ формахъ представить свободное развитіе духа нашего и непостоян-

ное внѣшнее уподобить неизмѣняемой идеѣ. Въ искусствѣ только истина, которую разумъ постигаетъ въ природѣ и, выражаясь языкомъ математическимъ, освобождается отъ всѣхъ случайностей и отъ могучаго закона необходимости. Здѣсь духъ проявляется, не стѣсненный нуждами вещественнаго міра, осязательно представляетъ развитіе врожденной силы своей, въ себѣ самой носящей тѣ идеалы, которымъ мы изумляемся въ поэзіи, живописи, музыкѣ. Очевидно, что потребность для духа нашего въ изящномъ искусствѣ рождается отъ недостаточности изящного въ природѣ.

Какимъ же образомъ изящное искусство восполняетъ недостатокъ изящнаго въ природѣ?—Все, что въ окружающемъ насъ мірѣ смѣшано съ случайностью, въ искусствѣ приводится къ идеальному; все случайное отметается отъ постоянно пребывающаго, и такимъ *очищеніемъ* воспроизводится *идеалъ*. Посмотрите на живописца: что дѣлаетъ онъ даже при изображеніи чьего-либо лица, гдѣ наименѣе идеалъ проявляется? Онъ уловляетъ однѣ существенныя черты, выражающія душу, или идею изображаемаго лица. Въ этомъ внѣшнемъ проявленіи идеи, или въ этомъ одухотвореніи дѣйствительности и состоитъ сущность идеала.

Формы, въ которыхъ духъ проявляется въ видимомъ мірѣ, въ искусствѣ принимаются за символы: это только способъ, какимъ духъ выражается. Голландская живопись, напр., изображаетъ мелкія и грязныя сцены домашняго быта: что жъ намъ нравится въ этой Теньеровской живописи? Въ ней мы любуемся твореніями духа, преобразующаго внѣшнюю, вещественную сторону предметовъ въ представленія, болѣе съ нимъ согласныя; художникъ отвлекаетъ отъ предметовъ физическія измѣняющіяся качества и изображаетъ неизмѣнныя ихъ свойства. Отъ этого предметы измѣняющіеся становятся, подобно идеаламъ, прочными: мгновенная улыбка лица, уловленная живописцемъ, на картинѣ продолжается; лучъ свѣта отвердѣваетъ; самая мысль человѣческая останавливается.

Изъ этого слѣдуетъ, что въ высшемъ значеніи изобра-

женія изящнаго искусства, поэзіи по преимуществу, воспроизводя предметы природы, сохраняютъ ихъ естественную форму, но распространяютъ ихъ силу и смыслъ. Все, существующее въ природѣ частно и индивидуально, въ искусствѣ представляется всеобщимъ. Художникъ и поэтъ заимствуютъ у природы не все, что въ ней находятъ, а только черты существенныя, или истинныя то, чѣмъ предметъ собственно существуетъ. Таковы у Гомера всѣ изображенія героевъ Иліады и Одиссеи; а у Шекспира изображенія Гамлета, Макбета, Цезаря, Брута, Ромео, Юліи. Идеализировать значить творить въ смыслѣ духа, и произведенія искусства тогда только могутъ явиться идеальными, когда художникъ и поэтъ выражаютъ безусловную вѣчную истину, какъ разумное начало предметовъ.

Въ основаніи каждаго образа предмета лежитъ *первообразъ*: этотъ мысленный первообразъ, по которому художникъ и поэтъ творятъ свои произведенія, носятъ они въ себѣ самихъ; произведенія ихъ рождаются изъ глубины душевной. Художественное, или поэтическое твореніе не есть повтореніе чего-нибудь уже существующаго, или подражаніе, но воспроизведеніе изъ полноты духа. То, что раздѣлено между безсознательною природою и мыслящимъ духомъ т.-е. необходимости и свободной духовной дѣятельности. Первообразы, съ которыхъ списываютъ поэтъ и художникъ, не иное что какъ присущія духу идеи. Напротивъ, если поэтъ и художникъ безусловно подчинятся природѣ, то произведенія ихъ не будутъ идеальными твореніями, а обезображенною дѣйствительностью, тогда какъ они должны быть столько же выше дѣйствительныхъ предметовъ, сколько разумная душа человѣческая выше окружающей насъ безсознательной природы. Безпрерывное измѣненіе чувственныхъ формъ показываетъ намъ, что не въ нихъ заключается сущность вещей и лицъ, и что цѣль искусства, какъ живое изображеніе идеи изящнаго, есть возможное приближеніе къ идеаламъ въ осязательныхъ образахъ. Искусство творитъ неизмѣняемое и вѣчное, изображая лишь то, что составляетъ въ предметахъ неизмѣ-

няемое и истинное, или ихъ идею. Оно тогда подражаетъ природѣ, когда подобно ей владѣетъ тѣми законами, по которымъ должно творить свои произведенія.

Эти основныя положенія объ изящномъ въ искусствѣ приложимъ къ изображеніямъ, какія находимъ въ сочиненіяхъ Гоголя.

Обыкновенно упрекаютъ автора *Ревизора* и *Мертвыхъ Душъ* въ неестественности дѣйствующихъ лицъ и характеровъ, даже въ невозможности завязки, въ которой заключается вся занимательность этой комедіи и повѣсти о Чичиковѣ.

Но какая основная мысль „Ревизора?" — Изображеніе эгоизма и своекорыстія подъ личиною усердія къ общей пользѣ. Отсюда развилась художественная картина провинціальнаго общества въ нормальномъ его состояніи. Въ дѣйствующихъ лицахъ комедіи представлены общіе недостатки, свойственные въ извѣстной мѣрѣ различнымъ классамъ общества. Завязка вѣрна психологически: это какъ говоритъ самъ авторъ, *страхъ идущаго вдали закона*. Такой человѣкъ, какимъ представленъ Городничій у Гоголя, послѣ различныхъ продѣлокъ, безнаказанно сходившихъ съ рукъ впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, при распространившемся слухѣ о Ревизорѣ, могъ принять Хлестакова за карателя своихъ дѣйствій. Каждое изъ дѣйствующихъ лицъ уличало его въ преступленіяхъ; каждое присутственное мѣсто напоминало ему о его беззаконныхъ поступкахъ. Какъ же ему не устрашиться мнимаго ревизора? — Всѣ прочія лица — живыя изображенія темныхъ сторонъ судьи, смотрителя богоугодныхъ заведеній, смотрителя училищъ: *это типы многаго, разбросаннаго въ разныхъ характерахъ*, и все это здѣсь соединилось въ поставленныхъ лицахъ.

Точно также должно сказать о дѣйствующихъ лицахъ въ „Мертвыхъ Душахъ": всѣ они представляютъ *общее въ единичномъ*, или, наоборотъ, дѣйствительность, возведенную на степень общихъ идей. Возьмемъ *Ноздрева*: Развѣ это не самое вѣрное изображеніе разбитного малаго, взбал-

мошнаго, хвастуна, забіяки? Развѣ мы не видимъ *Собакевичевыхъ*, или людей, у которыхъ, по словамъ самого Гоголя, тѣло осилило все, и стало неспособно къ выраженію душевныхъ движеній? Не удивителенъ ли типъ скряги, *Плюшкина*, скупость котораго уничтожила всѣ человѣческія чувства и превратила ихъ въ одни животныя побужденія?

Говорить ли объ изящныхъ изображеніяхъ, какими оживлены „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“, „Старосвѣтскіе Помѣщики“, „Тарасъ Бульба“ и другія повѣсти? На нихъ лежитъ печать сильной основной мысли, истины и оконченности характеровъ, вѣрности описаній мѣстностей, городскихъ нравовъ и деревенскихъ обычаевъ, свѣжести и яркости красокъ каждой поэтической картины. Какая прелесть въ картинахъ украинскихъ ночей, Днѣпра, степей, Плюшкина сада, дороги! Во всѣхъ изображеніяхъ Гоголя представляется только то, что *составляетъ въ предметахъ неизмѣняемое, истинное, ихъ идею* въ осязательныхъ формахъ, а такія представленія, какъ мы сказали выше, произведенія творческой фантазіи, и называемъ мы изящными, или изображеніями идеаловъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вездѣ поразительная народность. Тарасъ Бульба, изображая общую идею борьбы долга службы съ чувствованіями отца, представляетъ и эпоху удальства и подвиговъ казачества. Онъ съ природою своею составляетъ одно цѣлое—съ его небомъ, днѣпровскими порогами и конемъ; онъ у себя дома лишь только въ Запорожьѣ. Одинъ только истинный поэтъ и художникъ носятъ въ себѣ даръ и потребность выражать въ вѣрной формѣ все, что они чувствуютъ и что представляетъ ихъ фантазія; они легко находятъ въ себѣ особое воззрѣніе на природу и человѣка, какъ органъ для выраженія мысли. Оттого все, что живетъ и волнуется въ душѣ поэта и художника, проявляется въ чувственныхъ образахъ, знакомыхъ имъ изъ міросозерцанія, примѣненныхъ къ ихъ цѣли; черезъ нихъ выражаютъ они истину въ совершенствѣ.

Послѣ этого справедливы ли упреки, какіе иными дѣ-

лаются Гоголю? Чуждый неумѣренныхъ восхваленій, доходившихъ до восторженности, я не могу равно не удивляться, какъ нѣкоторые изъ заслуженныхъ литераторовъ не признаютъ изящества въ произведеніяхъ этого замѣчательнаго таланта. Истинные идеалы понятны для всѣхъ и каждаго, потому что въ началахъ, заставляющихъ лица и характеры дѣйствовать, мы узнаемъ собственныя наши страсти и стремленія.

II.

До сихъ поръ изслѣдовали мы осуществленіе идеи изящнаго, или идеала, и видѣли, какъ образы Гоголя идеальны и вѣрны, представляя типы въ лицахъ. Теперь разсмотримъ особый его способъ изображенія жизни.

Идея изящнаго, или идеалъ, по причинѣ органическаго единства идеи съ формою, въ послѣдовательномъ развитіи своемъ во времени всегда находитъ соотвѣтствующую себѣ форму. Въ этомъ отношеніи развитіе идеала представляетъ три главныя формы: *символическую, классическую* и *романтическую*. Въ символической формѣ идея отыскиваетъ настоящее выраженіе себя самой въ искусствѣ и не находитъ; потому что выраженіе еще неопредѣленно. Она не можетъ проявить себя во внѣшней природѣ согласно съ ея истинною сущностью. Напротивъ, единство и совершенная гармонія идеи и ея внѣшняго проявленія составляютъ вторую форму — классическую. Въ дальнѣйшемъ развитіи идея изящнаго не удовлетворяется формами внѣшняго міра, уединяется въ свой внутренній міръ. Это сосредоточеніе духа въ себѣ самомъ есть типъ формы романтической. Короче, символическое искусство *ищетъ* совершеннаго единства идеи съ внѣшнею формою, и не находитъ; искусство классическое *находитъ* его; романтическое *выходитъ* изъ этого единства, по причинѣ безконечной своей духовности, которая выше видимаго міра. Совершенство классическаго искусства состояло въ сліяніи

идеи съ формою, когда природа была одухотворена, когда духъ создалъ изъ нея вѣрное изображеніе себя самого. Развитіе и возвышеніе духа, находящаго въ себѣ то, чего прежде искалъ онъ въ мірѣ чувственномъ духа, сознающаго себя и гармонирующаго съ самимъ собою, составляетъ основное начало романтическаго искусства. Что изображаютъ творенія Гомера и Гезіода? Это олицетворенные представители внѣшней природы, двигатели физическихъ явленій. Но первая картина новаго искусства романтическаго есть Страшный Судъ Микель-Анджело, а за нею Рафаэлева Мадонна. Первыми произведеніями архитектуры были соборныя церкви. Первая поэма въ христіанской поэзіи—Дантовъ адъ, чистилище и рай.

Изящное въ искусствѣ романтическомъ является болѣе *высокимъ*, нежели прекраснымъ, какъ въ искусствѣ классическомъ. Но какъ высокое познается въ борьбѣ духа человѣческаго или съ самимъ собою, или съ окружающимъ его міромъ,—то оно и представляетъ двѣ противоположности: *трогательное*, или торжество духа, и *смѣшное*, когда духъ подчиняется чувственности. У Шекспира обѣ стороны высокаго, трогательное и смѣшное, встрѣчаются въ одномъ и томъ же произведеніи: отъ важныхъ явленій жизни поэтъ нисходитъ къ мелочнымъ подробностямъ. Таковъ въ Гамлетѣ разговоръ стражи на дворцовомъ дворѣ: въ Ромео и Юліи—шутки слугъ, и подобныя сцены въ другихъ трагедіяхъ. — Эти двѣ стороны новаго искусства имѣютъ основаніемъ—одна сочувствіе и любовь ко всему возвышенному и нравственному въ жизни; другая—чувство негодованія ко всему пошлому и безнравственному. Въ душѣ поэта и художника начертанъ идеалъ нравственнаго совершенства—образъ того, чѣмъ долженъ быть человѣкъ. Мѣра приближенія къ этому идеалу или мѣра удаленія отъ него—вотъ, что составляетъ предметъ наблюдательнаго таланта. Оттого одинъ вдохновляется достоинствами людей и нравственнымъ ихъ совершенствованіемъ: другой изображаетъ уклоненіе отъ совершенства—говоря словами Гоголя, *всю потрясающую тину ме-*

лочи, опутавшихъ нашу жизнь. Въ томъ и другомъ изображеніи жизни цѣль одна, различіе въ способѣ достиженія этой цѣли: цѣль того и другого—идея жизни, достойной человѣка, нравственнаго совершенства; способы — одинъ прямой, другой косвенный. Тотъ вѣрно сочувствуетъ всему высокому, кто отвращается отъ всего ничтожнаго. „Развѣ положительное и отрицательное“, говоритъ Гоголь (въ „Театральномъ разъѣздѣ послѣ представленія Ревизора“), не можетъ служить той же цѣли? Развѣ трагедія и комедія не могутъ выразить одну и ту же высокую мысль? Въ рукахъ таланта все можетъ служить орудіемъ къ прекрасному, если только правится высокою мыслью—послужить прекрасному.

Наконецъ, въ новомъ искусствѣ мы встрѣчаемъ еще изображеніе такого состоянія души, въ которомъ слышится и веселость, возбуждаемая противорѣчіями жизни, и горькое сожалѣніе объ уклоненіяхъ человѣка отъ высокаго его назначенія. Въ такомъ сліяніи *смѣха* и *слезъ* заключается сущность *юмора*. Гоголь выразилъ самъ назначеніе своего юмора: „озарить жизнь сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы“.

Такъ какъ въ словесности нашей мы видимъ разумную послѣдовательность литературныхъ понятій и требованій, то кого изъ писателей нашихъ назовемъ мы представителемъ этой современной юмористической поэзіи? Кто у насъ сталъ изображать въ произведеніяхъ своихъ все, что сердце человѣка заключаетъ въ глубинѣ своей — его радости и страданія, его желанія, дѣйствія, стремленія? Изображеніе въ человѣческой природѣ того, что въ ней есть неизмѣннаго, и притомъ со всѣмъ разнообразіемъ отечественныхъ элементовъ и формъ, послѣ Жуковскаго и Пушкина принадлежитъ въ нашей словесности Гоголю. Жуковскій всегда будетъ представителемъ поэзіи романтической; по сильному вліянію его твореній, можно назвать его воспитателемъ цѣлаго поколѣнія. Отъ направленія, даннаго поэзіи Пушкинымъ, романы и повѣсти стали избирать сценою дѣйствія Русь, отражать русскую жизнь,

воссоздавая ее изъ народнаго характера въ различныхъ видахъ и на разныхъ ступеняхъ общества. Но выразить въ художественныхъ произведеніяхъ потребность современную, изобразить привычки, страсти, оттѣнки характеровъ ненормальныхъ — это досталось въ удѣлъ Гоголю. Ломоносовъ, Державинъ, Фонъ-Визинъ, Карамзинъ, Крыловъ, Жуковскій, Грибоѣдовъ, Пушкинъ—представляютъ *послѣдовательность въ развитіи нашей словесности*; въ глубокомъ же изображеніи жизни *съ темной ея стороны* пальма первенства должна быть отдана Гоголю.

Изъ предыдущихъ изслѣдованій ясно, что и пошлая жизнь, за изображеніе которой многіе упрекаютъ Гоголя, имѣетъ мѣсто въ искусствѣ, равно какъ и въ природѣ возлѣ человѣка, вѣнца Божьяго творенія, пресмыкается отвратительный крокодилъ и гремучій змѣй. „Равно чудны“, говоритъ самъ поэтъ, „стекла, озирающія солнца, и передающія движенія незамѣченныхъ насѣкомыхъ: много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданія: высокій, торжественный смѣхъ достоинъ стать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеніемъ“. Поэтому Гоголь по-своему достигаетъ цѣли поэзіи: *пою жизни*, достойной человѣка, *изображаетъ* онъ не прямымъ, а *косвеннымъ* способомъ.

III.

Изслѣдовавъ вѣрность изображеній лицъ и характеровъ въ произведеніяхъ Гоголя, его особый способъ изображенія жизни, что заключимъ мы о значеніи Гоголя въ словесности отечественной?

Выслушаемъ собственныя его признанія („Выбран. мѣста изъ переписки съ друзьями“, стр. 141 — 143). „Обо мнѣ много толковали“, пишетъ Гоголь, „разбирая кое-какія мои стороны; но главнаго существа моего не опредѣлили. Его слышалъ одинъ только Пушкинъ. Онъ мнѣ

говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобъ вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ. Вотъ мое главное свойство, одному мнѣ принадлежащее, и котораго точно нѣтъ у другихъ писателей. Оно впослѣдствіи усугубилось во мнѣ еще сильнѣе отъ соединенія съ нимъ нѣкотораго душевнаго обстоятельства. Это свойство выступило съ большою силою въ „Мертвыхъ Душахъ".

Потомъ онъ продолжаетъ:

„Мертвыя Души не потому такъ испугали многихъ, и произвели такой шумъ, чтобы онѣ раскрыли какія-нибудь раны общества или внутреннія болѣзни, и не потому также чтобъ представили потрясающія картины торжествующаго зла и страждущей невинности. Ничуть не бывало. Герой мой вовсе не злодѣй: прибавь я только одну добрую черту любому изъ нихъ, читатель помирился бы съ ними со всѣми. Но пошлость всего вмѣстѣ испугала читателей. Испугало ихъ то, что одинъ за другимъ слѣдуютъ у меня герои, одинъ пошлѣе другого, что нѣтъ ни одного утѣшительнаго явленія, что негдѣ даже и пріотдохнуть, или перевести духъ бѣдному читателю, и что, по прочтеніи всей книги, кажется, какъ бы точно вышелъ изъ какого-то душнаго погреба на Божій свѣтъ. Мнѣ бы скорѣе простили, если бы я выставилъ картинныхъ извергов, но пошлости не простили мнѣ".

Мы уже выше замѣтили, что это воззрѣніе на жизнь человѣка, противорѣчащую законамъ духовной или физической его природы, равно принятымъ условіямъ и формамъ общества, въ искусствѣ одинаково важно съ воззрѣніемъ на всѣ другія стороны человѣчества: оно требуетъ также творческой художественной дѣятельности. Грязныя пошлости иныхъ картинъ, представляющихъ пошлость жизни, многимъ бросаются въ глаза: справедливо, что и безъ нихъ картины не потеряли бы своего достоинства. Но таланты сами не могутъ противиться причудливости

фантазіи своей. Истинный поэтъ и художникъ носятъ въ себѣ даръ и потребность выражать въ своей любимой формѣ все, что они чувствуютъ, и что представляетъ ихъ фантазія; они въ себѣ находятъ и особое воззрѣніе на природу и человѣчество. Идея, составляющая основаніе избраннаго поэтомъ или художникомъ предмета, присущая духу, ихъ вдохновляетъ. Поэтому не будемъ оскорблять ихъ упреками въ томъ, что намъ не нравится: лучше поблагодаримъ ихъ за то, чѣмъ мы наслаждаемся въ ихъ произведеніяхъ. Творенія Гоголя показываютъ, что предметъ ихъ былъ изученъ имъ глубоко и зрѣло обдуманъ. Обыкновенно истина, общая основа и искусства и науки, не является въ искусствѣ въ видѣ философской мысли: фантазія облекаетъ отвлеченную мысль въ осязательную форму, въ живую дѣйствительность. Все, что волнуется въ душѣ поэта, какъ сказано выше, является въ чувственныхъ образахъ, примѣненныхъ къ его цѣли. Въ этой умственной работѣ, отливающей разумный элементъ въ чувственной формѣ, поэтъ призываетъ на помощь глубокую чувствительность, которая эту форму усвояетъ, претворяетъ въ собственное свое существо. Такимъ только образомъ поэтъ бываетъ въ состояніи повѣдать намъ тайны жизни. Такъ у Гоголя мать, которая не наглядится на двухъ сыновей своихъ, пріѣхавшихъ изъ бурсы, и которая провожаетъ ихъ и благословляетъ на службу, не есть ли идеалъ материнской любви и нѣжности? Или казакъ, благоговѣйно преданный вѣрѣ своей, свято хранящій присягу, при казни сына, перемѣнившаго вѣру, уступаетъ на мгновеніе чувству отца, не показываетъ ли глубокаго изученія человѣческаго сердца? Всѣ тончайшіе оттѣнки въ характерахъ городничаго, смотрителя богоугодныхъ заведеній и уѣзднаго училища, Бобчинскихъ и Добчинскихъ, Маниловыхъ и Собакевичевыхъ, Коробочекъ и Плюшкиныхъ— не свидѣтельствуютъ ли многолѣтнихъ психологическихъ наблюденій, которыя самому художнику стоили горячихъ слезъ. Не удивляемся-ли мы множеству бѣглыхъ, но вѣрныхъ очерковъ, лицъ и характеровъ, городовъ и деревень?

А эти вздохи, которые иногда вырываются изъ груди писателя, не служатъ ли доказательствомъ, что онъ самъ страдалъ за свои изображенія? Не за подобныя-ли изображенія мы не перестаемъ удивляться Тациту, Ювеналу? Развѣ у Фонъ-Визина, въ „Горѣ отъ ума" Грибоѣдова, въ „Онѣгинѣ" Пушкина — мы видимъ не ту же ложность и пустоту жизни? Разность только въ томъ, что Фонъ-Визинъ *смѣется* надъ своими лицами, Грибоѣдовъ *негодуетъ*, Пушкинъ *вскрываетъ* раны испорченнаго сердца: а Гоголь, спокойно рисуя свои типы и возводя дѣйствительность въ *міръ искусства, самъ грустить*. Смѣхъ, имъ возбуждаемый, по справедливости достоинъ стать рядомъ съ лирическимъ движеніемъ.

Вотъ это *юмористическое изображеніе пошлости жизни* и составляетъ характеръ произведеній Гоголя; особымъ *юморомъ* отличается онъ отъ другихъ писателей, сходныхъ съ нимъ по направленію и равныхъ по таланту. Въ немъ глубокое чувство и самая своенравная фантазія подчиняются въ высшей степени аналитическому уму, который всѣмъ образамъ сообщаетъ необыкновенное спокойствіе и вѣрность въ очертаніяхъ. У него дѣйствіе проходитъ въ глазахъ нашихъ такъ же естественно и просто, какъ бываетъ оно въ жизни. Гоголь забываетъ самого себя, и переселяется фантазіею въ міръ внѣшній. Оттого въ его изображеніяхъ и характерахъ удивительная ясность, опредѣленность, личность: въ нихъ совершенное *согласіе дѣйствительности съ идеальностью* — цѣль изящнаго искусства. Между нѣмецкими писателями въ томъ родѣ юмористическихъ романовъ и повѣстей прославились Ж. Поль Рихтеръ и Гофманъ, съ которыми сравниваютъ нашего писателя; но юморъ перваго любитъ чудесное, а юморъ втораго создаетъ себѣ особый міръ привидѣній, которымъ недостаетъ опредѣленнаго очертанія и полнаго колорита. Скорѣе можно сравнить Гоголя съ Диккенсомъ, изумляющимъ своими тоже вѣрными, точными и свѣжими изображеніями обыкновеннаго быта житейскаго. Внесеніемъ въ

отечественную словесность *новой юмористической стихіи пріобрѣлъ Гоголь литературное у насъ значеніе.*

Этимъ, по мнѣнію нашему, и ограничиваются литературныя заслуги Гоголя. Избранный имъ родъ поэтическаго творчества, выражаясь его же словами, *тина мелочей, опутавшихъ нашу жизнь*, занимая насъ, не дѣйствуетъ однако на душу животворно, не увлекаетъ за собою, не собираетъ около себя послѣдователей. Забавныя шутки и карикатуры не потрясаютъ насъ столько, какъ послѣдовательное развитіе возвышеннаго предмета. Художественное произведеніе во всѣхъ искусствахъ, какъ живой организмъ, тогда является истиннымъ творчествомъ, когда части цѣлаго представляютъ развитіе изъ одного начала, и когда поэтъ и художникъ, проникнутые и одушевленные идеею предмета, не искажаютъ ея излишними околичностями. Такъ выражали идеалы свои Гомеръ, Софоклъ, Шекспиръ, Гете. Юморъ же позволяетъ себѣ прикрасы, не рѣдко чуждыя предмету и отовсюду заимствованныя.

Кромѣ свойства самаго рода творчества, который, какъ все *отрицающее*, не животворитъ и не влечетъ за собою, Гоголю не достаетъ совершенства и безукоризненности выраженія: а совершенное выраженіе для писателя —стихъ и рѣчь живописно-мелодическая. Достоинство стихотвореній Жуковскаго, сверхъ внутренняго изящества, заключается въ прелести стиха; по выраженію самого Гоголя, *онъ легокъ и безтѣлесенъ, какъ видѣніе.* Художническій стихъ Пушкина выказываетъ даже отливы душевныхъ движеній, жизнь изображаемаго предмета. У него не только каждый стихъ, но и слова, отдѣльно взятыя, соотвѣтствуютъ со всею точностью выражаемой мысли. Оттого, съ появленіемъ первыхъ произведеній Жуковскаго и Пушкина, за ихъ тріумфальными колесницами устремились толпы послѣдователей и подражателей. А Карамзинъ, кромѣ безсмертнаго творенія отечественной исторіи, чѣмъ восхитилъ у всѣхъ современниковъ своихъ пальму *перваго* писателя? Слогомъ и языкомъ. До сихъ поръ нѣтъ ему равнаго

по описаніямъ и повѣствованіямъ, по легкости и живости, простотѣ, благозвучію, неистощимому обилію.

Мысль нераздѣльно соединена съ выраженіемъ, какъ душа съ тѣломъ, и только свѣтлая мысль въ прекрасномъ выраженіи, или, какъ говоритъ поэтъ, *могучей мысли свѣтъ и жаръ и огнедышущее слово* доходятъ до потомства.

Этого огнедышущаго слова мы не находимъ въ произведеніяхъ Гоголя. Если отдѣлимъ рѣчь отъ слога, разумѣя подъ первою общія свойства выраженія, зависящія отъ генія языка, а подъ вторымъ—личный способъ выраженія, зависящій отъ генія писателя: то въ рѣчи Гоголя даже найдутся недостатки; но слогъ его самобытный, несмотря на своенравную причудливость. Существенныя отличія его—изобразительность, разнообразіе въ разговорѣ лицъ, показывающемъ характеръ каждаго лица, сила, въ особенности тамъ, гдѣ писатель воодушевленъ чувствомъ или любимою мыслію. Вотъ, для оправданія словъ моихъ, прекрасное по изобразительности описаніе Днѣпра, но не совсѣмъ безукоризненное въ отношеніи къ чистотѣ рѣчи. „Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ..." Выписка оканчивается словами: „и заливается горючими слезами")

Но мы были бы несправедливы, если бы требовали отъ писателей всѣхъ условій совершенства поэтическаго; будемъ признательны имъ и за то, что они намъ оставляютъ. Гоголь вѣренъ былъ назначенію своему, и онъ совершилъ все, что позволяли совершить силы, свыше ему дарованныя. Если бы онъ написалъ только: „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки", „Тараса Бульбу", „Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ", то и тогда мы были бы ему благодарны за тѣ наслажденія, которыя перечувствовали отъ этихъ произведеній. Какое право имѣемъ мы на то, чего писатель не могъ или не хотѣлъ для насъ сдѣлать?

Его мечты, его желанья,
Его боязни, ожиданья,
Все тайна въ немъ, все въ немъ молчитъ;
Въ душѣ заботливо хранитъ
Онъ неразгаданныя чувства".

Странно слышать восторженные возгласы хвалителей, сравнивающихъ Гоголя съ Гомеромъ и Шекспиромъ; но несправедливы, по нашему мнѣнію, и порицатели, которые ставятъ его наравнѣ съ простыми разсказчиками о житьѣ-бытьѣ Малороссіянъ. Гоголь писатель самобытный, талантъ своеобычный. Ему на долю достался трудный и неблагодарный участокъ литературы—*юмористическое* изображеніе жизни съ темной ея стороны: и за художническую разработку этого участка занимаетъ онъ почетное мѣсто въ отечественной словесности. Съ этой точки разсматриваемыя идеальныя его изображенія лицъ и характеровъ вѣрны, въ послѣдовательномъ развитіи литературныхъ понятій современны, а глубиною чувства они превышаютъ подобныя имъ изображенія другихъ писателей. При всемъ томъ произведеніямъ Гоголя недостаетъ того, что довершаетъ художественность и народность изящнаго, образцоваго выраженія.

Симъ заключаю бѣглый очеркъ мой *о значеніи Гоголя въ отечественной словесности.* Литературныя заслуги его для русскихъ никогда не будутъ забыты. Память о писателяхъ сохраняется въ памятникахъ, которые они сами сооружаютъ въ своихъ твореніяхъ.

И. И. Давыдовъ.

„Замѣтки для біографіи Гоголя".

*) Въ апрѣльской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ" напечатана была статья: „Нѣсколько чертъ для біографіи Николая Васильевича Гоголя". Статья эта, написанная съ интересными подробностями его дѣтства, школьной жизни и воспитанія, впервые указала на нѣсколько литературныхъ опытовъ писателя, о которыхъ не подозрѣвали цѣнители его таланта, впервые сообщила о немъ, какъ о

*) „Современникъ" 1852 г., № 10, т. 35. „Замѣтки для біографіи Гоголя". Статья В. Г—скаго. (В. П. Гаевскаго).

человѣкѣ, нѣсколько фактовъ, за которые будущій біографъ Гоголя, конечно, не разъ поблагодаритъ автора. Жизнь Гоголя до сихъ поръ такъ мало извѣстна, что не только статья, полная интересныхъ подробностей, какъ та, о которой мы говоримъ, но каждая біографическая замѣтка, какъ бы она ни была ничтожна, заслуживаетъ вниманія.

Въ этомъ убѣжденіи мы намѣрены указать на небольшія погрѣшности названной статьи и сообщить еще нѣсколько замѣтокъ, не безполезныхъ для будущаго біографа и издателя сочиненій Гоголя.

Въ статьѣ, заглавіе которой мы выписали, сказано, что Гоголь родился въ 1808 году. Свѣдѣніе это, можетъ-быть, заимствовано изъ предисловія къ французскому переводу нѣкоторыхъ повѣстей Гоголя, изданному нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. Луи Віардо. По крайней мѣрѣ, другого печатнаго указанія времени рожденія Гоголя до сихъ поръ не было. Г. Віардо, сколько извѣстно, и какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи къ своей книгѣ, зналъ и переводилъ Гоголя со словъ одного изъ своихъ пріятелей, И. С. Т. Какъ бы то ни было, свѣдѣніе это невѣрно. Изъ метрическаго свидѣтельства Гоголя (которое пишущій эти строки случайнымъ образомъ получилъ, въ копіи, изъ Нѣжина, въ числѣ другихъ документовъ Гоголя) оказывается, что Гоголь родился 20 марта 1810 года. Слѣдовательно, онъ умеръ не на сорокъ четвертомъ году отъ рожденія, какъ уже нѣсколько разъ было напечатано въ газетахъ и журналахъ, а на сорокъ второмъ: въ день смерти (21 февраля) ему было сорокъ одинъ годъ и одиннадцать мѣсяцевъ. Изъ того же свидѣтельства видно, что отца Гоголя звали Василій Аѳанасьевичъ, а мать его была дочь надворнаго совѣтника Косяровскаго, Марья Ивановна; воспріемникомъ при крещеніи, которое происходило 22 того же марта, былъ военный совѣтникъ (?) Михаилъ Трохимовскій. Гоголь происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи. Дѣдъ его, Аѳанасій Гоголь-Яновскій, былъ майоромъ, что значило много въ то время. Предположеніе

безыменнаго автора біографической статьи о Гоголѣ, что въ своихъ „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ“, „можетъ-быть, онъ рисовалъ съ натуры и поющія двери, и глиняные полы, и экипажъ, дающій своимъ звяканьемъ приказчику знать о приближеніи господъ, и продавленные стулья, внушившіе ему такой чудный идиллическій разговоръ Аѳанасія Ивановича съ Пульхеріей Ивановной“, что „можетъ-быть, даже это портреты какихъ-нибудь почтенныхъ дѣдушекъ и бабушекъ“, получаетъ, по сходству именъ (можетъ-быть, и случайному), еще болѣе вѣроятія. По доказательствамъ о дворянствѣ, представленнымъ дѣдомъ Гоголя въ Кіевскую Дворянскую Комиссію, нашъ авторъ (какъ видно изъ выданнаго ему дворянскаго свидѣтельства) признанъ дворяниномъ и внесенъ въ первую часть родословной книги. Извѣстіе, что у отца Гоголя было во владѣніи восемьдесятъ ревизскихъ душъ, подтверждается и отмѣткою въ формулярномъ спискѣ нашего автора.

Въ Нѣжинской Гимназіи Высшихъ Наукъ Гоголь учился плохо. Въ вѣдомостяхъ объ успѣхахъ учениковъ у него рѣдко встрѣчаются полные баллы. Но въ дурномъ поведеніи и безпорядкахъ Гоголь не былъ замѣченъ. Въ школѣ, на родинѣ, и вообще внѣ литературы, Гоголь былъ извѣстенъ подъ именемъ Яновскаго. По словамъ одного изъ учителей Гоголя, И. Г. К—го, преподаватели не замѣчали въ немъ ни успѣховъ ни способностей. Особенно плохо онъ занимался языками, такъ что съ окончаніемъ гимназическаго курса едва достигъ третьяго отдѣленія по языкамъ, т.-е. едва дошелъ до синтаксиса. По тогдашнему распредѣленію учебныхъ предметовъ, можно было быть въ послѣднемъ классѣ по предметамъ и только во второмъ по языкамъ, которые составляли особую отрасль гимназическаго курса, и не мѣшали переводу изъ класса въ классъ. По-французски, однакожъ, онъ нѣсколько понималъ, но нѣмецкій языкъ былъ для него вовсе недоступенъ. Впослѣдствіи, во время неоднократнаго и продолжительнаго пребыванія своего въ Римѣ, онъ выучился итальянскому языку, такъ что могъ довольно свободно объяснять-

ся, даже писалъ иногда изъ Рима въ Петербургъ по-итальянски, что свидѣтельствуютъ сохранившіяся у нѣкоторыхъ изъ его пріятелей писанныя имъ итальянскія письма. Разъ даже въ остеріи, въ обществѣ художниковъ, онъ произнесъ рѣчь на итальянскомъ языкѣ, безъ приготовленія. По словамъ того же преподавателя, Гоголь въ первый разъ обратилъ на себя вниманіе прекрасною игрою на гимназическомъ театрѣ, особенно въ комическихъ роляхъ. Объ этой способности Гоголя не распространяемся, такъ какъ о ней уже подробно сказано было въ статьѣ, по поводу которой мы начали эти замѣтки.

О характерѣ Гоголя намъ удалось собрать только весьма немногія общія черты. По словамъ одного изъ товарищей Гоголя, Б. М. П—ки, жившаго съ нимъ нѣсколько времени въ Петербургѣ, не было человѣка скрытнѣе Гоголя: по словамъ его, онъ умѣлъ сообразить средство съ цѣлью, удачно выбрать средство и самымъ скрытнымъ образомъ достигать цѣли. Нѣкоторые изъ нашихъ художниковъ, коротко знавшіе Гоголя въ Римѣ, подтвердили то же самое, прибавивъ только, что онъ былъ молчаливъ въ высшей степени. Бывало, отправится съ кѣмъ-нибудь бродить по сожженнымъ солнцемъ полямъ обширной римской Кампаніи, пригласитъ своего спутника сѣсть вмѣстѣ съ нимъ на пожелтѣвшую отъ зноя траву, послушать пѣніе птицъ, и, просидѣвъ или пролежавъ такимъ образомъ нѣсколько часовъ, тѣмъ же порядкомъ отправляется домой, не говоря ни слова. По временамъ только онъ предавался порывамъ неудержимой веселости и являлся такимъ, какимъ представляютъ себѣ его, судя по его произведеніямъ, всѣ незнавшіе его лично. Въ эти рѣдкія минуты онъ болталъ безъ умолку, острота слѣдовала за остротою, и веселый смѣхъ его слушателей не умолкалъ ни на минуту. Изъ русскихъ художниковъ, бывшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ Римѣ, онъ особенно любилъ историческаго живописца А. И. Иванова, которому посвятилъ одно изъ писемъ въ своей „Перепискѣ“, и который до сихъ поръ живетъ еще въ Римѣ, гравера Ѳ. И. Іордана, о которомъ онъ говоритъ

въ своемъ „Завѣщаніи“ (стр. 14 и 15), и покойнаго скульптора Ставассера.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о службѣ Гоголя, въ дополненіе свѣдѣній, сообщенныхъ уже въ статьѣ „Отечественныхъ Записокъ“.

Гоголь окончилъ курсъ наукъ въ 1828 году съ правомъ на чинъ четырнадцатаго класса (отличные воспитанники выпускались съ правомъ на чинъ двѣнадцатаго класса). 10 апрѣля 1830 года онъ поступилъ на службу въ Департаментъ Удѣловъ; указомъ Сената 3 іюня того же года утвержденъ въ чинѣ коллежскаго регистратора со старшинствомъ со дня вступленія въ службу. Въ томъ же году, 10 іюля, онъ опредѣленъ помощникомъ столоначальника въ томъ же департаментѣ; въ 1831 году, 9 марта, изъ Департамента Удѣловъ уволенъ по прошенію. Такимъ образомъ департаментская служба Гоголя не продолжалась и года: онъ промѣнялъ ее на педагогическую, даже привязался къ ней, но опять не надолго. Въ началѣ того же года, съ Высочайшаго соизволенія Ея Императорскаго Величества, Гоголь опредѣленъ въ Патріотическій Институтъ старшимъ учителемъ исторіи, состоя въ чинѣ титулярнаго совѣтника со дня вступленія въ эту должность; въ награду отличныхъ трудовъ онъ былъ пожалованъ, отъ Ея Величества, 9 марта 1834 года, брильянтовымъ перстнемъ. Въ 1834 году, 24 іюля, Гоголь утвержденъ былъ адъюнктомъ по каѳедрѣ всеобщей исторіи въ Санктпетербургскомъ Университетѣ. Въ этой должности онъ былъ около полутора года, и уволенъ по случаю преобразованія Университета. По новому распредѣленію каѳедръ между профессорами и адъюнктами, начальство Университета предполагало уволить Гоголя въ томъ только случаѣ, если онъ не выдержитъ испытанія на степень доктора философіи для занятія профессорской должности; но такъ какъ Гоголь и не приступалъ къ испытанію на ученую степень, то съ 1 января 1836 года уволенъ отъ службы, за преобразованіемъ Университета, съ выдачею годового оклада его жалованья, 800 рублей ассигнаціями.

Какъ преподаватель, Гоголь не имѣлъ большихъ достоинствъ. Сначала онъ горячо принялся за исполненіе обязанностей своего званія; онъ смотрѣлъ на свою обязанность не какъ на средство жизни, но какъ на цѣль, какъ на призваніе; онъ хотѣлъ даже, какъ увидимъ ниже, совершенно посвятить себя ученому званію, но дѣятельность его, требовавшая другого поприща, ослабѣвала, онъ чувствовалъ себя не въ своей сферѣ, и долженъ былъ навсегда раздѣлаться съ несвойственнымъ и наскучившимъ ему занятіемъ. Лекціи Гоголя, по словамъ присутствовавшихъ на нихъ, не отличались особеннымъ знаніемъ дѣла или новостью взгляда, но блестящее изложеніе и умѣнье овладѣть вниманіемъ слушателя были главными достоинствами молодого адъюнкта. Какого мнѣнія о своихъ лекціяхъ былъ самъ Гоголь, не знаемъ, но вотъ фактъ, доказывающій, что онъ не слишкомъ довѣрялъ себѣ въ этомъ отношеніи. Говорятъ, что Гоголь просилъ Пушкина и Жуковскаго пріѣхать когда-нибудь къ нему на лекцію. Оба поэта, очень долго собиравшіеся воспользоваться его предложеніемъ, наконецъ, условились, увѣдомили объ этомъ предварительно Гоголя, и въ назначенное время отправились въ Университетъ. Поэты нашли полную аудиторію студентовъ, но Гоголя еще не было: они рѣшились его дожидаться, но прождали напрасно, потому что Гоголь вовсе не являлся. Такой же маневръ былъ употребленъ Гоголемъ и въ день, назначенный для испытанія студентовъ по его предмету, съ тою только разницей, что за нимъ посылали, но оказалось, что онъ вовсе уѣхалъ изъ города.

Въ 1845 году назначено было Гоголю, по Высочайшему повелѣнію, пособіе на три года по тысячѣ рублей серебромъ изъ суммъ Государственнаго Казначейства. Гоголь въ это время находился за границею. Назначенное ему пособіе онъ получалъ черезъ посредство П. А. Плетнева, которому доставилъ въ 1846 году изъ Неаполя свою „Переписку“, для изданія ея въ свѣтъ и поднесенія Ихъ Импе-

раторскимъ Величествамъ и блаженной памяти Великому Князю Михаилу Павловичу.

Въ „Отечественныхъ Запискахъ" были исчислены статьи Гоголя, помѣщенныя въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ подъ псевдонимами или вовсе безъ имени. Въ этомъ исчисленіи также оказалось нѣсколько пропусковъ.

Постараемся прежде объяснить нѣкоторые изъ псевдонимовъ Гоголя, а потомъ укажемъ тѣ безыменныя статьи его, о которыхъ не было упомянуто въ „Отечественныхъ Запискахъ".

Въ концѣ 1830 года напечатана была въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" на 1831 годъ *Глава изъ историческаго романа* (стр. 225), подъ которою, по словамъ автора біографической статьи о Гоголѣ, „подписаны буквы или цифры 0000". Это не цифры, а буква *о*, выставленная четыре раза въ имени и фамиліи автора: Николай Гоголь Яновскій. Это сближеніе, равно такъ же, какъ и самый языкъ отрывка, ужъ давно не оставляли сомнѣнія, что это одинъ изъ первыхъ опытовъ нашего автора. Романъ назывался „Гетьманъ". Первая часть его была написана и *сожжена*, потому что самъ авторъ не былъ ею доволенъ. Кромѣ упомянутой выше главы, уцѣлѣла еще глава, подъ заглавіемъ: „Плѣнникъ", о чемъ не упомянуто въ „Отечественныхъ Запискахъ". Глава эта напечатана въ одномъ изъ періодическихъ изданій до 1834 года, но гдѣ именно, съ именемъ-ли автора, безъ имени ли, или подъ псевдонимомъ, пишущему эти строки еще не удалось разъяснить этихъ недоумѣній. Обѣ главы эти были перепечатаны въ „Арабескахъ" (ч. I, стр. 41, и ч. II, стр. 159), и изъ примѣчанія къ первой изъ нихъ мы заимствовали свѣдѣніе о существованіи романа.

Въ первомъ нумерѣ „Литературной Газеты" 1831 года напечатанъ отрывокъ: „Учитель", изъ малороссійской повѣсти „Страшный Кабанъ". Употребленный здѣсь псевдонимъ *П. Глечикъ* (а не просто *Глечикъ*, какъ сказано въ „Отечественныхъ Запискахъ") имѣетъ то основаніе, что въ историческомъ романѣ, изъ котораго напечатана глава

въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ", одно изъ дѣйствующихъ лицъ— миргородскій *полковникъ Глечикъ*. Уже одно это сближеніе достаточно доказываетъ (еслибъ даже не было другихъ доказательствъ), что оба эти отрывка принадлежитъ одному и тому же автору.

Напечатанная въ томъ же нумерѣ „Литературной Газеты" 1831 года статья Гоголя: „Нѣсколько мыслей о преподаваніи дѣтямъ географіи" подписана *Г. Яновъ*, т. е. Гоголь-Яновскій. Это была первая подпись, сколько-нибудь приближающаяся къ настоящей фамиліи автора и разоблачающая его таинственность. Подъ статьею читаемъ: „Продолженіе обѣщано", — но продолженія не было. Въ выноскѣ къ этой статьѣ напечатано слѣдущее примѣчаніе: „Просимъ читателей смотрѣть на предложенную здѣсь статью, какъ на одно только начало. *Автору, который совершенно посвятилъ себя юнымъ питомцамъ своимъ, болѣе всего желательно знать о семъ предметѣ мнѣніе ученыхъ нашихъ преподавателей.* Въ послѣдующихъ за симъ мысляхъ читатели встрѣтятъ, можетъ-быть, болѣе новаго, болѣе относящагося къ облегченію науки и приведенію оной въ ясность и понятность для дѣтей". Статья эта была перепечатана, съ нѣкоторыми перемѣнами и значительными прибавленіями въ „Арабескахъ" (ч. II, стр. 119). Подъ нею выставленъ 1829 г., слѣдовательно, она была написана скоро послѣ выпуска Гоголя изъ лицея и еще до вступленія его на службу. Намѣренія „совершенно посвятить себя юнымъ питомцамъ" Гоголь не оставлялъ до 1835 года, несмотря даже на то, что въ немъ уже сильно сказывалось и брало надъ всѣмъ перевѣсъ его настоящее призваніе, и что еще въ 1831 году онъ издалъ свои „Вечера на Хуторѣ", имѣвшіе большой успѣхъ. Но въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ все чаще не оставлялъ учительства, и занимался своимъ дѣломъ даже съ любовью, какъ доказываютъ его ученыя статьи, всѣ написанныя еще до 1835 года.

Первая статья, подъ которою Гоголь подписалъ свое имя (Н. Гоголь), это—„*Женщина*"—отрывокъ, напечатан-

ный въ четвертомъ нумерѣ „Литературной Газеты“ 1831 года. Въ томъ же нумерѣ явилось извѣстіе о смерти Дельвига, и скоро послѣ того прекратилась основанная имъ газета, въ которой Гоголь принялъ такое дѣятельное участіе.

Въ „Отечественныхъ Запискахъ“, въ исчисленіи статей Гоголя, напечатанныхъ безъ его имени, пропущены слѣдующія:

1) „Басаврюкъ, или вечеръ наканунѣ Ивана Купалы“, малороссійская повѣсть (изъ народнаго преданія), разсказанная дьячкомъ Покровской церкви“. Повѣсть эта была напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1831 года, въ февральской и мартовской книжкахъ, №№ 118 и 119. въ 1831 г. она была перепечатана, съ значительными измѣненіями и прибавленіемъ предисловія, въ „Вечерахъ на Хуторѣ“ (кн. I, стр. 78), подъ заглавіемъ *„Вечеръ накануни Ивана Купалы,* быль, разсказанная дьячкомъ ***ской церкви“, а оттуда пошла въ собраніе сочиненій Гоголя (т. 1, стр. 65).

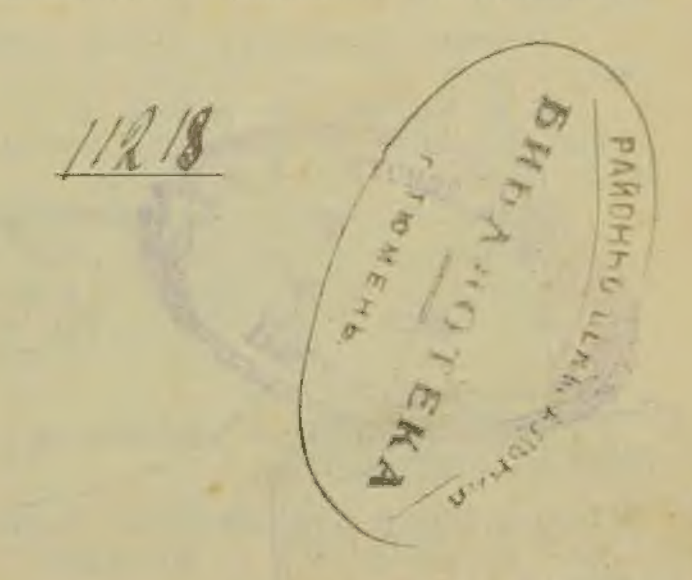
2) *Успѣхъ Посольства*, второй отрывокъ изъ малороссійской повѣсти „Страшный Кабанъ“, напечатанный въ 17 № „Литературной Газеты“ 1831 года. Этотъ отрывокъ, въ которомъ такъ же, какъ и въ первомъ („*Учитель*“), виденъ уже великій художникъ, нигдѣ не былъ перепечатанъ.

Указаніе статей, подписанныхъ авторомъ и помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, не представляетъ особенныхъ затрудненій, и потому мы его пропускаемъ. Скажемъ только, что въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, за 1831 г., въ которомъ напечатаны были четыре статьи съ подписью Гоголя, *нѣтъ ни одной статьи его не подписанной.* Но будущему издателю его сочиненій предстоитъ немаловажный трудъ пересмотрѣть съ 1828 года „Сынъ Отечества“, „Отечественныя Записки“, многочисленные альманахи тридцатыхъ годовъ, съ 1836 года „Современникъ“, въ которомъ, до перехода его къ настоящей редакціи, явилось много статей и съ

именемъ Гоголя и безъ имени (послѣднія указаны въ „Отечественныхъ Запискахъ"), и, можетъ-быть, еще нѣсколько періодическихъ изданій.

Весьма вѣроятно, что найдутся еще статьи Гоголя, напечатанныя безъ его имени. Желательно, чтобъ онѣ, такъ же, какъ и факты для его біографіи, были указываемы, по мѣрѣ открытія. Въ послѣднемъ отношеніи, безъ сомнѣнія, разъяснитъ многое продолжительная переписка Гоголя съ Жуковскимъ, имѣвшимъ на него большое вліяніе. Послѣднее, полученное въ Петербургѣ письмо маститаго поэта, писанное имъ подъ вліяніемъ горестнаго извѣстія о кончинѣ Гоголя, можетъ служить доказательствомъ уваженія знаменитаго поэта къ таланту, котораго такъ безвременно лишилась наша литература. Будемъ надѣяться, что эта любопытная переписка не останется тайной для русскихъ читателей. Для полной біографіи и критической оцѣнки сочиненій Гоголя еще не наступило время и, можетъ-быть, еще не скоро наступитъ. Теперь свѣжо сожалѣніе о его ранней кончинѣ; слѣдуетъ въ точности исполнить его завѣщаніе: „не спѣшить ни хвалой ни осужденіемъ его произведеній". Теперь мы можемъ только, по горячимъ слѣдамъ, собирать факты, предоставивъ ихъ разработку позднѣйшему времени.

Изъ „Современника" за 1852 г.
Статья В. Г—скаго. (В. П. Гаевскаго).

Пособія по исторіи русской литературы, изданныя В. Зелинскимъ:

Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Три тома. Первый и второй томы изданіе 5-е, а третій томъ изд. 4-е. Цѣна по 2 р. за томъ.

Критическій комментарій къ сочиненіямъ Ѳ. М. Достоевскаго. Сборникъ критическихъ статей. Четыре части. Первыя три части изданіе 4-е, а четвертая часть изд. 3-е. Цѣна каждой части 2 р.

Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ. Три части. Первая часть изд. 3-е, а 2-я и 3-я—изд. 2-е. Ц. по 1 р. за часть.

Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Семь частей. Ц. по 1 р. за часть (1-я, 2-я и 3-я части вышли 3-мъ изд., а всѣ прочія части—2-мъ изданіемъ).

Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Восемь частей. Ц. 8 р. (1-я, 2-я и 3-я части вышли 3-мъ изданіемъ, а 4-я, 5-я, 6-я и 7-я части вышли 2-мъ изданіемъ).

Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Три части. Цѣна по 1 р. за часть. (1-я и 2-я части вышли 3-мъ изданіемъ, а 3-я часть—2-мъ изданіемъ).

Критическіе разборы романа **Тургенева: „Отцы и Дѣти“**. Ц. 50 к.

Критическіе разборы романа **Л. Н. Толстого: „Война и Миръ“**. Ц. 3 р. (Оттискъ изъ „Русской критической литературы о произведеніяхъ Л. Н. Толстого).

Критическіе комментаріи къ сочиненіямъ А. Н. Островскаго. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Пять частей. 1-я часть изд. 3-е, а остал. части—2-е. Ц. по 1 р. за часть.

Критическіе разборы **„Дворянскаго Гнѣзда“ и „Наканунѣ“ — Тургенева.** Перепечатано безъ измѣненій изъ „Собранія критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева“. Изд. 3-е. Ц. 80 к.

Сборникъ критическихъ статей о сочиненіяхъ М. Ю. Лермонтова. 2 части. Изд. 2-е. Каждая часть по 1 р.

А. С. Пушкинъ въ разборѣ В. Г. Бѣлинскаго. Отдѣльный оттискъ изъ „Русской критической литературы о произведеніяхъ А. С. Пушкина“. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

Критическіе разборы **„Записокъ Охотника“ — Тургенева.** Ц. 40 к.

Критическіе разборы романа **„Новь“ — Тургенева.** Ц. 70 к.

Критическіе разборы повѣсти **„Рудинъ“ — Тургенева.** Ц. 40 к.

Критическіе разборы романа **Тургенева „Дымъ“.** Ц. 40 к.

Критическіе разборы романа Ѳ. М. Достоевскаго **„Преступленіе и Наказаніе“.** Ц. 1 р.

Критическіе разборы **„Записокъ изъ Мертваго Дома“ — Достоевскаго.** Ц. 40 к.

Складъ изданій В. ЗЕЛИНСКАГО: Москва, Патріаршіе пруды, д. Михайлова.